
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Узбекская ССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев во время посещения завода имени В. П. Чкалова.
Фото А. Пахомова («Правда»).

НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ УЗБЕКИСТАНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 38 (2255)

19 СЕНТЯБРЯ 1970

Основан
1 апреля 1923 года

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В ТАШКЕНТЕ

С 7 по 9 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев находился в Узбекистане.

Теплой была встреча с рабочими и инженерно-техническими работниками Ташкентского авиационного завода имени В. П. Чкалова. Товарищи Л. И. Брежнев, Ш. Р. Рашидов, руководящие работники Узбекистана осмотрели механический и сборочный цехи, ознакомились со многими новшествами, которые в соответствии с планом научно-технического прогресса внедряются на заводе.

Товарищ Л. И. Брежнев, видевший Ташкент в трагические дни землетрясения в апреле 1966 года, с интересом осмотрел жилой массив Чиланзар и другие новые районы столицы Узбекистана.

Был осмотрен Ташкентский филиал Центрального музея В. И. Ленина, открытый к 100-летию со дня рождения великого вождя.

Состоялась поездка в колхоз «Политотдел», Верхнечирчикского района, Ташкентской области. Товарищ Л. И. Брежнев побывал на хлопковом поле одной из бригад хозяйства, беседовал с колхозниками.

8 сентября в Ташкенте состоялось собрание республиканского партийного актива, на котором был обсужден вопрос о ходе выполнения социалистических обязательств, принятых трудящимися Узбекистана на завершающий год пятилетки, по достойной встрече XXIV съезда КПСС.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана тов. Ш. Р. Рашидов отметил высокий политический и трудовой подъем в коллективах предприятий, строек, совхозов и колхозов, вызванный решениями декабрьского (1969 г.) и июльского Пленумов ЦК КПСС, братское интернациональное сотрудничество всех национальностей, проживающих в Узбекистане.

На собрании республиканского партийного актива выступил с большой речью товарищ Л. И. Брежнев.

Делясь впечатлениями о своей поездке по республикам Средней Азии, товарищ Л. И. Брежнев сказал, что партийные организации и все трудящиеся этих республик работают напряженно и плодотворно. Впереди — новые задачи, которые предстоит решить, чтобы достойно встретить XXIV съезд КПСС.

Товарищ Л. И. Брежнев отметил большую работу, проводимую Коммунистической партией Узбекистана и ее Центральным Комитетом в области политического воспитания народа, в области руководства экономическим и культурным строительством в республике.

Подчеркнув ведущую роль Узбекистана в производстве хлопка в стране, товарищ Л. И. Брежнев выразил уверенность, что республиканская партийная организация, сельские коммунисты, труженики сельского хозяйства республики сделают все для того, чтобы в этом году — завершающем году пятилетки не только выполнить план продажи хлопка государству, но и дать дополнительно 300—400 тысяч тонн.

Глубокое удовлетворение выразил товарищ Л. И. Брежнев тём, что решение ЦК КПСС о помощи в восстановлении Ташкента получило такое прекрасное практическое исполнение. Впечатляющие результаты возрождения города, прекрасный сегодняшний облик столицы Узбекистана — наглядное свидетельство животворной силы ленинской политики дружбы народов, неуклонно и последовательно проводимой нашей партией.

Генеральный секретарь ЦК КПСС подробно рассказал партийному активу Узбекистана о внутренней и внешней политике Центрального Комитета партии и Советского правительства, о задачах, стоящих перед советскими людьми на современном этапе коммунистического строительства, в борьбе за дальнейшее укрепление и сплочение мировой системы социализма, за свободу и независимость народов, за прочный мир на земле.

Участники собрания партийного актива с большим вниманием слушали товарища Л. И. Брежнева. Речь его неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами.

*

9 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев возвратился в Москву.

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказывать о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«Белорусская Советская Социалистическая Республика...

Завершить строительство Полоцкого нефтеперерабатывающего... Построить... первые очереди Полоцкого химического комбината...»

Из Директив XXIII съезда партии.

ИСТОРИЯ В НЕСКОЛЬКО СТРОК

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Если идти от главной площади города к Двине, то по пути можно прочесть его краткую биографию.

...7 июля 1958 года тут обосновался первый палаточный городок.

...9 февраля 1963 года нефтеперерабатывающий завод дал первую продукцию.

...24 декабря того же года поселок Полоцкий преобразован в город Новополоцк.

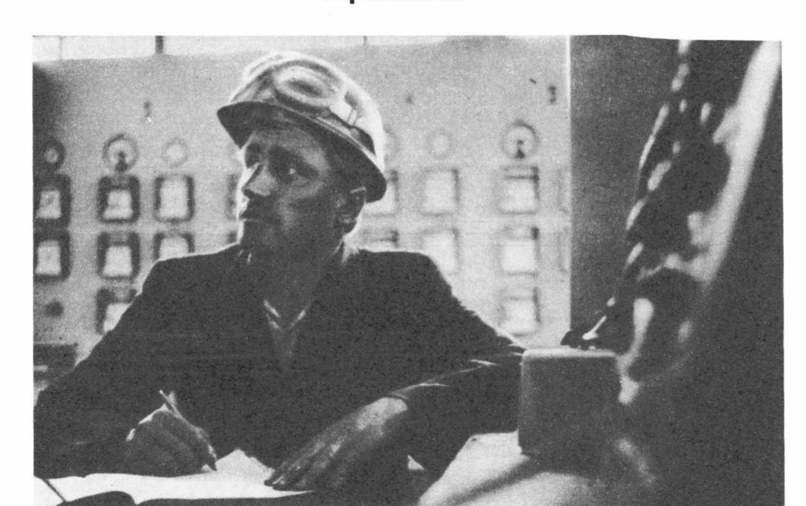
...4 февраля 1968 года получен первый белорусский полиэтилен...

За каждой из этих строк — биография людей. Будничные, но великолепно характеризующие наших современников, их дела.

ЗА ПЕРВОЙ СТРОКОЙ

Музей трудовой славы Новополоцка расположился в бывшем общежитии рабочих. Одноэтажный домик. У порога ковш экскаватора, что рыл здесь первые котлованы, прокладывал первые траншеи. В комнате под стеклом комсомольский билет Петра Блохина, первого комсомольского вожака ударной стройки. О нем, пожалуй, не скажешь: тут все было связано с ним... Скорее так: он связал себя со всем, что делалось тут. Комплектование комсомольско-молодежных бригад и торжества по случаю открытия первого кинотеатра и первой бани; бурные комсомольские собрания и хлопоты по устройству первых молодо-

Г. Рыльков — старший оператор — у пульта управления производством параксилона.

женов; споры с хозяйственниками и первый праздник на первой улице (он шутил: «Я же обещал, что будет и на нашей улице праздник!»).

Я помню ту пору на стройке. Заговори о любом деле, непременно услышишь имя Петра Блохина. Во время обеденного перерыва в комсомольско-молодежной бригаде Галины Сергун зашла речь о занятиях. Штукатур Катя Николина сетовала: «Трудно учиться, на стройке вечернюю школу пока не открыли, вот и бегаем в Боровуху, а это километров шесть, может, и больше. Попробуй-ка туда-обратно после работы! Но не бросать же. Куда без образования?! Да и как Пете Блохину в глаза смотреть?»

И не бросила. Школу, техникум окончила, целый университет комсомольской работы прошла. Коммунисты послали ее делегатом на XXIII съезд партии.

...Помню еще разговор. Ребята с Балтики. Демобилизовались и приехали впятером на стройку. Поселились в одной комнате, назвав ее «кубриком». В «кубрике» висели на стене военно-морской флаг и пять бескозырок...

— Стали мы тут на якорь. Порядок! Вдруг конфликт с начальством. Хотели прощаться. Вмешался комсорг наш, Петя Блохин. Убедил, что зря шумим, все уладил. Остались...

Библиотекарша Нина Коршунова всегда уезжала домой в Полоцк последним автобусом. Однажды мы ехали вместе. Зашел разговор о житейских тяготах, о том, как это трудно — вечерами топтаться на автобусной остановке, месить в темноте грязь, пробираясь от библиотеки к стоянке, а утром рано вставать и в любую погоду снова спешить на автобус...

— Что, уходить собираетесь? — спросил я.

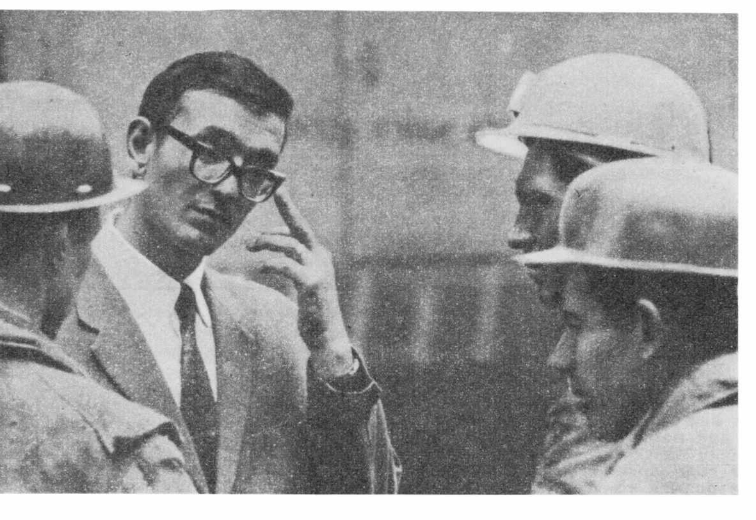
Она замялась.

— Конечно, можно бы работать и в Полоцке, недалеко от дома, но... Блохин так старался, чтобы на стройке побыстрее библиотека открылась... А ведь не всякий библиотекарь сюда ездить согласится...

...Он был удивительно красивым человеком — добрым, чистым, зажигающим сердца, прекрасным товарищем, замечательным организатором. Был... Он очень рано ушел из жизни. Но остался в городе навсегда. Именем Петра Блохина названа улица в Новополоцке.

Директор нефтеперерабатывающего завода П. И. Коротков (справа) и инженер В. И. Зубов.

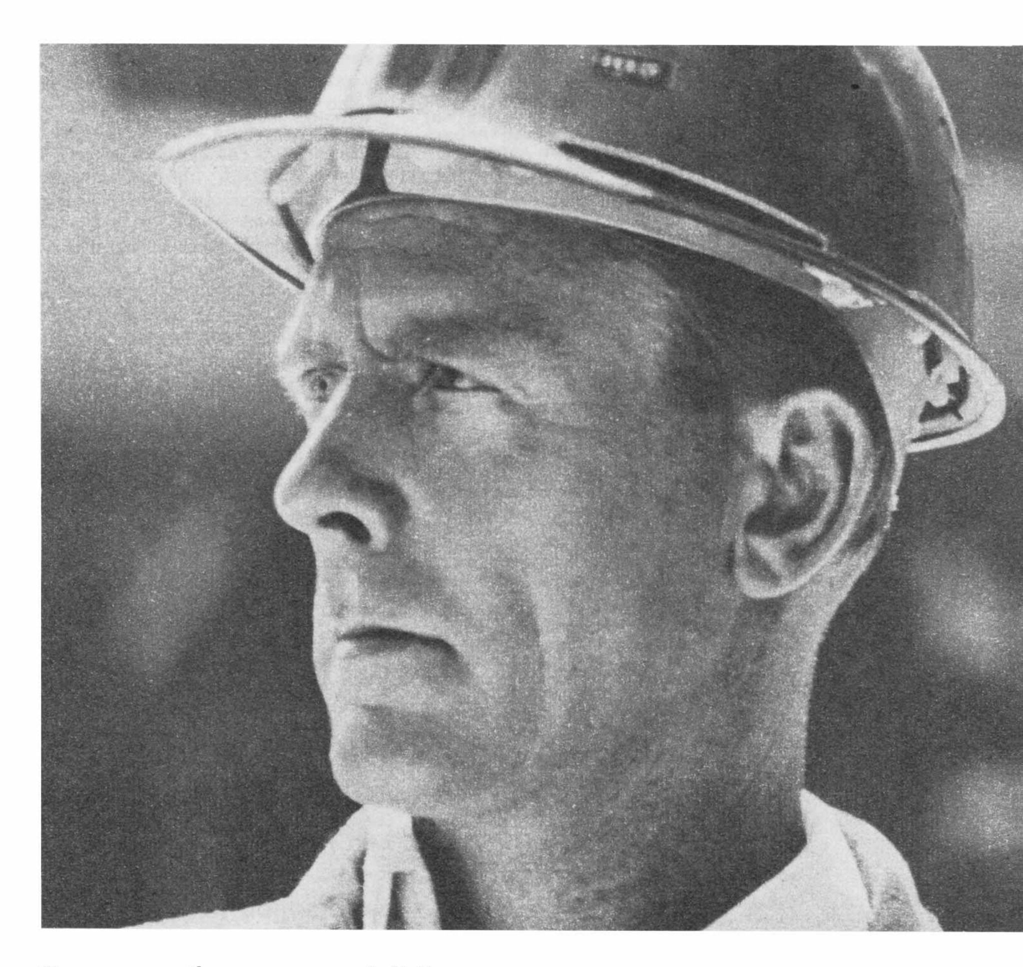

Магомет Льянов.

Там, где стояли палатки.

ЗА ВТОРОЙ СТРОКОЙ

Эту историю рассказал мне секретарь горкома партии Артур Иосифович Безлюдов. Дело было в Ленинграде. В жестокую блокадную пору не хватало хлеба, снарядов, топлива. На Неве недвижимо стояли катера. Их не смогли отправить на какое-то важное задание, так как горючее кончилось еще вчера. Офицеры штаба в растерянности: как быть, где его взять, горючее? Предлагались самые разные варианты, и вдруг голос солдата, шофера военной машины, случайно оказавшегося свидетелем разговора. Неприметный с виду, он стал по стойке «смирно»: «Разрешите обратиться?» «В чем дело?» — сердито спросил начальник, ему было явно не до шофера. «Ес-

Машинист турбокомпрессора А. Г. Васильев.

ли найдется в городе глицерин, то я смогу сделать топливо для катеров».

Начальник удивленно посмотрел на солдата — непохоже, чтоб шутил, да и обстановка не та. «Ты что, специалист по части топлива или так, болтаешь?..» «Никак нет! Недавно нефтяной институт окончил».

Из штаба тотчас же распорядились выяснить, имеется ли глицерин. К счастью, глицерин нашелся, и шофер оживил замершие у причала катера.

— Знаете, кто был этот военный шофер?— И секретарь горкома выжидательно посмотрел на меня.— Наш Петр Иванович.

«Наш Петр Иванович» — это Коротков, директор нефтеперерабатывающего завода.

Он привез с собой сюда, в Новополоцк, ту ленинградскую закалку, которая помогала ему пробиваться в осажденный город через лед Ладоги, пробиваться с боеприпасами, сухарями, лекарствами, а потом вывозить из блокадного Ленинграда детей...

...Петр Иванович рассказывает о заводских делах с подчеркнутой прозаичностью. Как и предполагали, запасы нефти тут поистине неисчерпаемы, и завод все время увеличивает глубину переработки, дает все основные сорта бензина, смазочных масел, сырье для парфюмерной промышленности, исходный продукт для полиэтилена, капролактама, синтетических волокон, пластических масс, топливо для котельных... Поначалу планы были более чем скромные. А потом шагнули так широко, что дух захватывало.

...АТ-6 — современнейшая установка, самая первая в Союзе и в Европе — здесь, в Новополоцке. Годовая мощность — шесть миллионов тонн. Сообщая нам об этом, Коротков без эмоций, спокойно продолжает:

— То, что она самая современная,— это правильно. Но кто сказал, что тут все абсолютно совершенно? Совершенству нет предела...

Установку взялись модернизировать, взялись все, включая директора. И производительность ее возросла.

Поиск идет не только в сфере совершенствования техники. На новой технике и работать надо по-новому. Около 70 процентов работников завода имеют образование не ниже среднего. Около 500 учатся. Многие специалисты со средним техническим и даже с высшим образованием занимают места рабочих. Что это — девальвация диплома? Нет. Чтоб быть хорошим рабочим на современном предприятии, да еще при такой сложной технике, как в Новополоцке, надо знать технологию, аппаратуру, производство. А дорога на высшие ступени роста никому не заказана. Такова примета нынешнего этапа технического прогресса. И именно это позволяет директору с гордостью заявить:

— Среди родственных советских предприятий у нас самая высокая производительность труда. Довольны ли мы? В общем-то да, но...

И вслед за «но» идет рассказ о смелых замыслах, о том, что новую установку, более современную, тоже модернизируют.

— Не стоять же нам на месте!— говорит директор.

ЗА ТРЕТЬЕЙ СТРОКОЙ

Что больше всего волнует сейчас работников новополоцкого книжного магазина? Мало завозят нужных книг. Отменный построили тут магазин, самый крупный в республике. А книг, пользующихся спросом, мало. Причины называют разные. Среди них и такая: изъяны планирования. Согласитесь, нельзя уравнивать два города с равным примерно числом жителей, если один из городов молодой, другой старый. Разные запросы. Жители в Новополоцке — в основном молодежь, средний возраст меньше 30 лет. Все заново устраиваются, комплектуют свои личные библиотеки. Одной только технической литературы сколько нужно: чуть ли не треть города учится! Дошкольников 10 тысяч — подавай им сказок побольше. За 1969 год

продали книг на 102 тысячи рублей, за пять месяцев 1970-го — на 64 тысячи. И все же предложение отстает от спроса.

Примет столь бурного роста тут много. Новополоцк — один из самых спортивных городов Белоруссии, он известен своими легкоатлетами, воднолыжниками, хоккеистами, пловцами. Тут бассейн и отличный стадион, десятки спортивных площадок в жилых кварталах, базы в пригородных зонах. Более пятидесяти человек с высшим физкультурным образованием руководят занятиями любителей спорта.

Разумеется, не спортом единым жив город. Открыты филиал Минского технологического института, техникум, профтехучилище. Любой город позавидует здешнему Дворцу нефтяников...

Секретарь горкома партии Артур Иосифович Безлюдов говорит о будущем:

— Всерьез думаем о своем театре, о музыкальном училище. Построим Дворец пионеров, концертный зал, второй бассейн, пустим первый в Союзе скоростной трамвай. Сейчас сооружаем торговый центр, завершаем корпус филиала института...

...В будущем молодой город встретится на берегах Двины с древним Полоцком — им пройти навстречу друг другу километров десять. Символичной будет эта встреча! Славная история всегда находит продолжение в современности, обогащая ее добытой веками мудростью, обретенной в трудах и битвах.

ЗА ЧЕТВЕРТОЙ СТРОКОЙ

Сказали, что Гордиевских сейчас придет. Ожидая его, я случайно услышал разговор в соседней комнате: «За Гордиевских послали? А стоило ли корреспонденту рекомендовать слесаря, может, кого из основных специалистов?»

«Основной специалист» — а кто он на химкомбинате? От кого больше всего зависит, чтобы ровно и надежно пульсировала жизнь в сложнейшем организме, где в хитросплетении труб и компрессоров, в расчетливом сочетании печей и холодильников рождается полиэтилен, рождается, чтобы превратиться затем в пленку, в игрушки, трубы для мелиорации и городского хозяйства, в разного рода емкости и изоляционный материал?.. Так кто же тут основной специалист? Аппаратчик? Технолог? Слесарь-ремонтник? Электрик? А может, просто работящий человек?..

...Михаил Дмитриевич Гордиевских вошел, снял берет и сел напротив. Когда узнал, почему я искал с ним встречи, удивился:

— Такой ли уж я рационализатор, чтоб мной интересоваться?

— В вашей карточке числятся двадцать два рационализаторских предложения. Разве мало?

— Но крупных-то нету. Видишь, как можно что-то лучше сделать, возьмешь и сделаешь. Вот и все...

— Но все же двадцать два предложения. Если учесть, что комбинат пущен всего два года назад...

Гордиевских перестал спорить, щелкнул металлическим портсигаром, закурил, подвинул к себе листок бумаги и принялся чертить.

— Ну вот, посмотрите: это называется «циклон», сюда поступает гранулированный полиэтилен. Он падает вниз, в бункер. Но часть гранул уносит сильная струя воздуха. Потери. Я прикинул: четыре-пять мешков за смену пропадает — это же десятки килограммов. Что я сделал? Врезал дополнительную трубу.— И Гордиевских резко рассек карандашом корпус «циклона», обозначив вверху двумя линиями эту самую трубу.— Тяга изменилась, и полиэтилен перестал улетучиваться. Вот и все...

Сильными пальцами он примял в пепельнице остаток сигареты, задумался, взял было карандаш снова, потом отложил в сторону.

— Это у меня как-то быстро получилось. А сейчас вот голову ломаю над одной штукой и ничего пока придумать не могу. Надо дополнительную очистку полиэтилена применять. Она качество здорово улучшит. Как это сообразить? Ищу. Надо конструкцию «циклона» менять — ясно. А какую предложить взамен нынешней, никак не придумаю.

Он спешил закончить разговор: его ждали на заседании парткома. Ушел. А я подумал, что вовсе ни к чему искать на комбинате «основного специалиста». Слесарь Михаил Дмитриевич Гордиевских, директор комбината Евгений Иванович Евсюков, сотрудник научной лаборатории Мария Васильевна Балыкина, начальник производственно-технического отдела Виктор Иванович Фирсов, операторы, электрики, специалисты из группы эстетики, думающие над интерьером цеховой столовой,— все они основные. Иначе бы химкомбинат не вышел так быстро на передний край пятилетки. Давно ли отсюда посылали людей учиться в Куйбышев, в Уфу, а теперь уже сюда едут учиться.

ЗА СТРОКОЙ ПЯТОЙ, В БИОГРАФИЮ ЕЩЕ НЕ ВПИСАННОЙ

Внешне он совсем не похож на строителя. С первого взгляда о нем скажешь: музыкант, актер, молодой ученый... Но Магомет Льянов — строитель-монтажник. Когда он заканчивал институт в Грозном, ему настойчиво предлагали остаться на кафедре. Льянов не остался. Его мечтой были стройки. Несколько лет провел в Волгограде. Однажды приехал в командировку сюда, на берег Двины. Ему тут все понравилось: размах стройки, энтузиазм людей, природа. Так же, как тогда в Грозном, в Волгограде на него посмотрели как на чудака: «Меняешь Волгоград на Новополоцк? Большой, обжитой город — на поселок, который и городом-то не назовешь?..»

Но он все же переехал в Новополоцк, пошел работать прорабом в управление треста «Нефтезаводмонтаж». Монтировали ту самую АТ-6 — первую установку. Гигантские конструкции и ювелирная точность — в этом сочетании все. Где, как не тут, постигать тайны уникального мастерства монтажников! И Льянов постигал. А постигая, критически оценивал добытый опыт. И нашел единомышленника — начальника управления Леонида Михайловича Ашмяна. Решили так: создавая цехи, базу, одновременно вести там подготовительные работы, сварку труб, например. «Вопреки пословице,— говорил Льянов,— попытаемся двух зайцев убить». Попробовали. Новшество себя оправдало. Первую очередь химкомбината монтировали, применяя новую организацию. Зайцы оказались битыми. На площадке больше порядка. А производительность...

Монтировали этажерку блока очистки нитрала. Высота 38 метров, вес 600 тонн плюс 280 тонн технологического оборудования. Полагалось шесть месяцев — сделали за два с половиной. Таков экономический эффект новой организации монтажа. Так было и на монтаже компрессоров — уложились в срок рекордный. Иностранные специалисты, оценившие монтаж, определили: выполнен на уровне самых высоких стандартов.

...Льянов возил меня по новым владениям монтажников. В модном костюме, белой сорочке, он смотрелся как-то непривычно за рулем работяги-«газика». Его владения — вторая очередь химкомбината — не вписанная пока в биографию города еще одна строка.

Посол Советского Союза в Федеративной Республике Германии С. К. Царапкин (справа) и сотрудник советского посольства Г. И. Владимиров возлагают венок на кладбище Штукенброк.

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза,
председатель ревизионной комиссии Советского комитета ветеранов войны

ЦВЕ
ДЛЯ ШТУКЕН

Бесконечная вереница людей — молодых и старых, рабочих, служащих, крестьян, священников и даже солдат бундесвера — движется меж тронутыми лишайниками серыми могильными камнями. Приглушенно звучат голоса: живые не хотят нарушать торжественную тишину, царящую в этом уединенном месте. И на камни могил одна за другой ложатся крупные белые астры. Шестьдесят пять тысяч могил — шестьдесят пять тысяч астр, собранных по всей стране.

Кажется, за поворотом с оживленного шоссе на узкий асфальт, ведущий к кладбищу, за прибитым у этого поворота к придорожной сосне черно-красным плакатом с призывом «Цветы для Штукенброка» исчезло все, что встречало, сопровождало, догоняло нас в пути по дорогам Федеративной Республики Германии. Ревущие сотнями автомобильных колес автобаны; бесконечные шеренги бензоколонок с овалами «Эссо», ракушками «Шелл», желто-зелеными штандартами «Бритиш петрол компани»; города и городки, разные в своей тысячелетней истории и в то же время одинаковые, похожие сверканием бесчисленных витрин «кауфхаузов», рекламами порнографических фильмов, улицами, на которых идет беспощадная битва «мини» и «макси» мод, небоскребами, увенчанными именами Маннесманна и Круппа, вечерними толпами «хиппи» в черно-белых балахонах с руническими письменами, мигалками полицейских машин,— все это отодвинулось в сознании далеко-далеко, в другой мир...

Что же это за кладбище, на которое 5 сентября нынешнего года пришли с цветами тысячи людей?

В годы войны неподалеку от небольшого немецкого городка Штукенброк находился лагерь, в котором томились советские военнопленные. Когда лагерь был освобожден союзными войсками, уцелевшие узники с почестями похоронили своих товарищей, замученных гитлеровцами. Позже местные жители установили над братскими могилами скромные каменные плиты, на которых высекли имена тех, кого удалось опознать. Высечены с ошибками — кто тут знал правописание русских фамилий и имен! Но можно догадаться, что настоящая фамилия похороненной здесь Татьяны Укуловой — Акулова, что под камнем с надписью Михаиль Авашкин лежит Михаил Ивашкин и что Василий Мозкалев на самом деле Москалев... А на многих камнях написано просто «Солдат Неизвестный». Так образовалось кладбище Штукенброк.

Небогато это поросшее неяркими стебельками вереска кладбище. Но забота, с которой оно прибрано, цветы, принесенные сегодня теми, кто не забывает, чем обязано человечество советскому солдату, глубоко трогают.

А чувства тех немногих узников лагеря Штукенброк, которые уцелели в гитлеровской неволе и дожили до светлого Дня Победы, выражены в бесхитростных стихах, что высечены на небольших обелисках, выстроившихся в ряд у самого входа на кладбище:

«Честно трудиться клянемся,
Вернувшись в родной СССР.
На подвиг для Родины рвемся
Отдать свои силы без мер...»

И еще одна надпись: «Родина никогда не забудет своих сынов!»

Не забыла...

Возлагают венки к памятникам, установленным на кладбище, посол Советского Союза в Федеративной Республике Германии С. К. Царапкин, делегация Советского комитета ветеранов войны, в которую входят бывший узник гитлеровских концлагерей Заксенхаузен и Берген-Бельзен, ныне профессор, доктор медицинских наук Н. Д. Шеклаков и автор этих строк. Возлагают венки гости из Германской Демократической Республики, из Польши, Чехословакии, Голландии, Греции. Возлагают венки заместитель Председателя Германской коммунистической партии Герберт

ТЫ

БРОКА

Мис и представитель немецкой социалистической молодежи Рольф Шпренгер. И еще и еще венки и цветы...

Но в Федеративной республике, к сожалению, есть еще люди, которым не по душе такие манифестации, как «Цветы для Штукенброка», да и вообще цветы на могилах бесчисленных жертв фашистских убийц. Они хотели бы поскорее забыть, сколько солдат и мирных жителей унесла минувшая война. Им претят призывы, с которыми выступали на митинге коммунист Герберт Мис, председатель оргкомитета манифестации «Цветы для Штукенброка» протестантский священник Генрих Дистельмайер, профессор Шеклаков, призывы к миру, к дружбе между народами, горячие слова в поддержку договора с Советским Союзом, требования признать Германскую Демократическую Республику.

Но времена нынче изменились. Ведь еще два-три года тому назад манифестация, подобная этой, могла быть попросту разогнана. А манифестация «Цветы для Штукенброка» прошла без осложнений. Правда, утром, когда мы вновь приехали на кладбище, обнаружилось, что ночью кто-то сорвал ленты с венка, возложенного советским послом, а также с венков делегации Германской Демократической Республики и представителей немецкой социалистической молодежи. Мелкая, трусливая месть тех, кто все еще лелеет надежду взять реванш за поражение в минувшей войне и раздувает вражду между народами обоих германских государств и между народами Федеративной республики и Советского Союза, конечно, вызывает чувство негодования. И в то же время показывает, что силам реакции и войны приходится действовать с оглядкой, тайно от глаз честных людей, которые полны решимости не допустить, чтоб выросли на земле новые кладбища, подобные кладбищу под немецким городком Штукенброк.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Олег ИГНАТЬЕВ

Вспоминаю один разговор, имевший место пятнадцать лет назад в Аргентине. Директор газеты «Нотиснас графикас» рассуждал о путях развития латиноамериканских стран. «Нет, нет,— скептически улыбаясь, говорил он мне, лениво помахивая рукой,— и ничем вы не докажете, что наши страны что-либо может вывести из нынешнего спокойного состояния. Посмотрите, насколько стабильно и спокойно у нас, в Аргентине. Да и в других странах. К тому же, учтите,— и директор, заговорщически нагнувшись ко мне, закончил шепотом,— не зря Латинскую Америку называют задворками Соединенных Штатов». Через несколько дней после этого разговора в Аргентине произошел переворот, и потерявший пост главы государства Перон вынужден был бежать из страны.

С тех пор утекло много воды. Уже после кубинской революции стало отчетливо видно, насколько велико желание самых широких слоев населения латиноамериканских стран изменить навязанные им внешне- и внутриполитические курсы, насколько ошибочно считать ныне страны Латинской Америки «политическими задворками Соединенных Штатов». И факты последнего времени служат наглядным тому доказательством. Я имею в виду события в Перу, Боливии, Панаме и совсем свежие — в Чили.

Между ними нельзя ставить знака равенства. Каждое вносит что-то свое, неповторимое в мозаику латиноамериканской панорамы, и каждое заставляет выводить новые оценки всему комплексу латиноамериканских проблем. Возьмем Чили.

Выборы 4 сентября. Три кандидата на пост президента. Кандидат правых сил, реакции, интимный друг монополистического капитала Соединенных Штатов— 74-летний Хорхе Алессандри. Кандидат нынешней правящей партии христианских демократов Радомиро Томич, поддерживаемый официальным пропагандистским аппаратом и авторитетом (среди довольно широких слоев населения страны) нынешнего президента Эдуардо Фрея. Третий кандидат — Сальвадор Альенде, выдвинутый блоком Народное единство, представляющим левые силы страны: социалистическую, коммунистическую, радикальную партии, движения Единое народное действие и «Независимое народное действие» и др. Результаты выборов: Сальвадор Альенде занимает первое место по числу поданных за него голосов, Томич — третье и Алессандри — второе. 24 октября на совместном заседании конгресса будет назначен президент из числа двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов избирателей. В чилийских традициях назначать президентом кандидата, занявшего первое место. В данном случае таковым является Сальвадор Альенде.

Судя по сообщениям, поступающим сейчас из Чили, реакция отказывается признать свое поражение, готовится дать «бой» в конгрессе и все еще надеется украсть победу у левых сил. На днях Альенде заявил, что реакционные силы ассигновали на расходы по подкупам, для различных маневров и махинаций один миллион долларов. Кроме того, не нужно сбрасывать со счетов и северного «соседа» — Соединенные Штаты. Еще до выборов, 13 августа, нью-йоркская газета «Уолл-стрит джорнэл» напоминала, что «компания «Анаконда» и корпорация «Кеннекотт коппер» имеют в горнорудной промышленности Чили капиталовложения, достигающие, по подсчетам, 600 миллионов долларов», а «Альенде обещает сразу же национализировать эти рудники, если будет избран». Вряд ли можно ожидать, что североамериканские монополии не предпримут отчаянных усилий, чтобы не допустить в президентское кресло представителя левых сил.

Однако в данной статье не будем гадать, как станут развиваться грядущие события в Чили, во-первых, потому что до 24 октября осталось не так уж много времени и, во-вторых, наша задача сказать о новых веяниях в жизни латиноамериканских стран.

Победа левых сил на всеобщих выборах в Чили — событие первостепенной важности. Чилийские выборы доказывают убедительно и наглядно возможность прихода к власти прогрессивных сил в отдельных странах Латинской Америки мирным путем. Не нужно забывать, что именно в этой части земного шара получили наибольшее распространение псевдореволюционные теории о том, что народ может взять власть в свои руки только и исключительно путем вооруженной, в частности партизанской, борьбы, отрицая всякие другие ее формы. На чилийском примере наглядно доказывается ошибочность подобных теорий.

Примечательно, что среди государственных деятелей, одними из первых поздравивших Сальвадора Альенде с победой на выборах, были главы двух соседних с Чили государств: Перу и Боливии — генералы Хуан Веласко Альварадо и Овандо Кандиа. Два генерала, вставшие у власти после военных переворотов и вопреки установившейся в этом районе земного шара «традиции» не последовавшие по наезженной колее латиноамериканских военных режимов.

В Перу военные, взявшие власть, пошли по пути защиты национальных интересов, национального суверенитета. Ряд мероприятий, отвечающих национальным интересам страны, был проведен нынешним правительством Боливии. Правящие круги Панамы недавно отказались продлить соглашение об аренде североамериканской базы, находящейся на территории страны.

Эти примеры наглядно свидетельствуют о новых веяниях в Латинской Америке. И в наши дни, повторяю, Латинскую Америку уже никак нельзя назвать «задворками» Соединенных Штатов.

ПОЛВЕКА БОРЬБЫ

Коммунистическая партия Великобритании перешагнула свой полувековой юбилей. Пять десятилетий миновало с тех дней, когда посланцы передовой Англии собрались на учредительный съезд, провозгласивший создание на Британских островах коммунистической партии.

И с первых же дней своей деятельности английские коммунисты дали пример верности высшим принципам пролетарского интернационализма.

Когда в 1920 году английская, французская и американская буржуазия организовала новый поход Антанты против Советской России, активнейшим членом движения «Руки прочь от России!» были молодые английские коммунисты.

В истории Коммунистической партии Великобритании есть такие страницы.

Стало известно, что в лондонском порту началась погрузка на судно «Джолли Джордж» оружия и боеприпасов для врагов молодого советского государства, и докеры в ответ на призыв Гарри Поллита отказались грузить корабль.

Когда же правительство Англии стало грозить Республике Советов войной, только что созданная коммунистическая партия поручает своим местным организациям готовиться к объявлению всеобщей забастовки. Под угрозой массового революционного выступления правительство было вынуждено отступить.

Год за годом росли ряды английских коммунистов, крепла партия, росло ее влияние. Это они, коммунисты Англии, выдвинув в 20-е годы лозунг «Не отступать!», повели энергичную кампанию за единство рабочего класса. В 1931 году, когда разразившийся кризис оставил три

Насыщенно и бурно жил мир в первые недели сентября. Мы были свидетелями разных событий — и тех, которые вселяли в людей оптимизм, и тех, которые вызывали тревогу. Но, если отбросить все второстепенное, все наносное, то можно разглядеть, что главные тенденции в развитии международных отношений носили созидательный характер, свидетельствовали о сплочении сил, выступающих против империализма, агрессии на Индокитайском полуострове и Ближнем Востоке, за дальнейшую разрядку напряженности в Европе и других частях света.

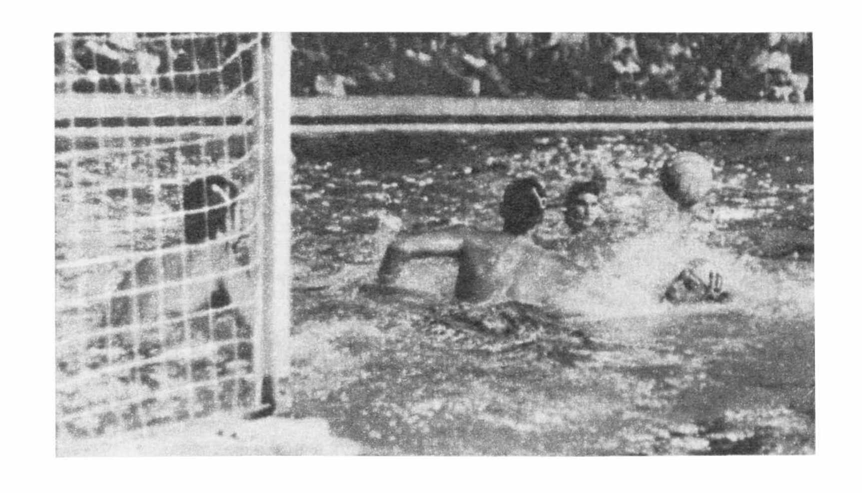
Фото ЮПИ, ТАСС,

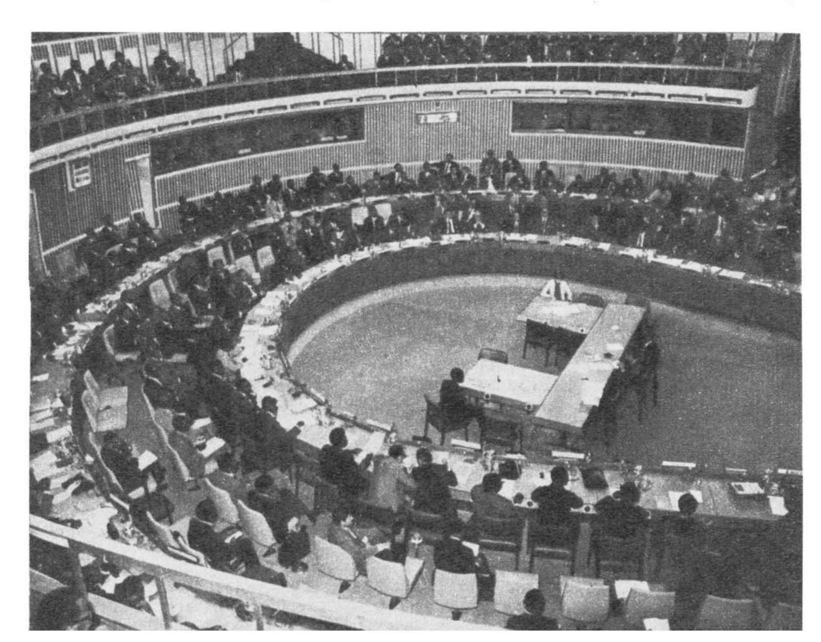
Недавно в столице Замбии Лусаке закончилась третья Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. В ней участвовали представители более 50 стран, и в качестве наблюдателей присутствовала делегация Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Конференция в Лусаке стала новой важной вехой на пути к укреплению мира, дальнейшему сплочению фронта сил, противостоящих империализму и реакции.

Опустел барселонский бассейн «Пикорнелл». Здесь в течение восьми дней пловцы из 25 стран вели борьбу на чемпионате Европы. Все три командных приза (на этом чемпионате разыгрывался также Кубок Ферна для прыгунов) вручены пловцам ГДР, которые завоевали 16 золотых медалей, 9 серебряных и 9 бронзовых. Это большой успех спортсменов Германской Демократической Республики. Советские пловцы остались на втором месте — 6 золотых, 4 серебряных и 8 бронзовых медалей.

Турнир сильнейших ватерпольных команд завершился победой команды СССР. Тепло встречали зрители советских и итальянских ватерполистов.

Другая важная конференция — Ассамблея глав государств и правительств африканских стран — состоялась в начале сентября в эфиопской столице Аддис-Абебе. Она продемонстрировала боеспособность Организации африканского единства (ОАЕ), последовательно борющейся против империализма, колониализма и неоколониализма. ОАЕ — ныне активный участник борьбы за обеспечение международной безопасности, свободы и независимости народов.

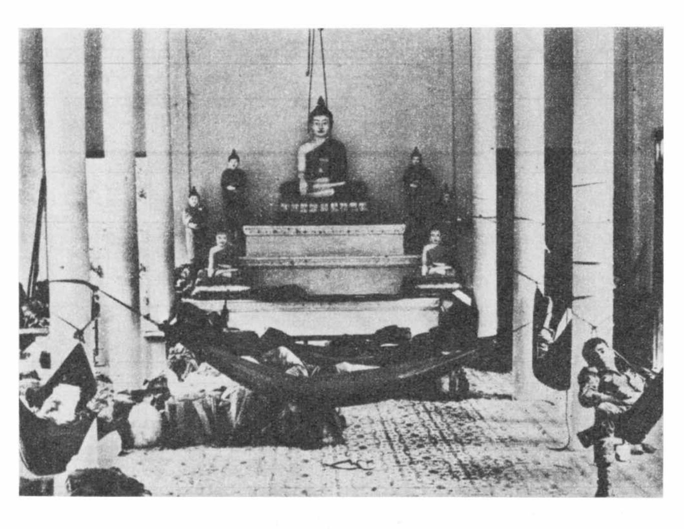
Сальвадор Альенде — кандидат блока Народного единства Чили — на недавних президентских выборах получил наибольшее число голосов. Известие о его победе вызвало ликование чилийских трудящихся.

миллиона без работы, коммунисты организовали «голодные походы» на Лондон и заставили власти принять меры. В годы второй мировой войны они организовали, опираясь на промышленных рабочих, движение за скорейшее открытие второго фронта. После войны коммунисты оказали существенную поддержку борьбе колониальных народов за независимость.

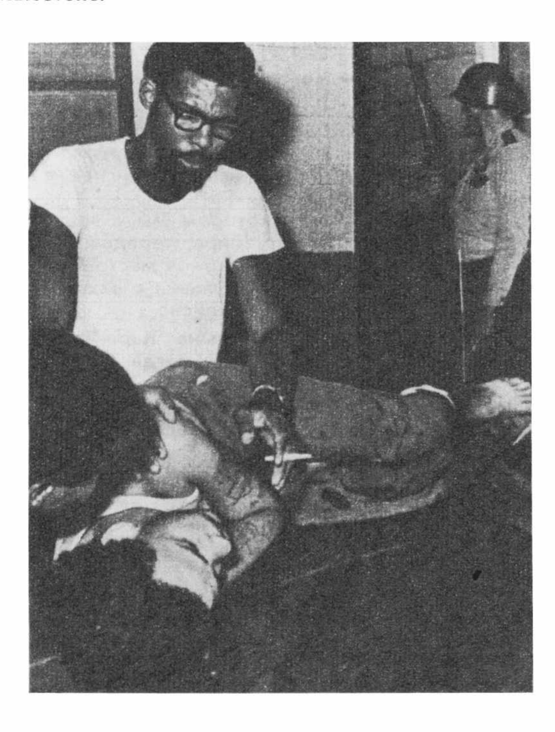
Ныне же коммунисты Англии, защищая национальные интересы своего народа, ведут борьбу за независимую внешнюю политику Великобритании, против гонки вооружения, за установление справедливого мира на Ближнем Востоке и обеспечение европейской безопасности.

«Полувековой путь, пройденный КПВ,— говорится в поздравлении ЦК КПСС Исполнительному комитету Коммунистической партии Великобритании,— убедительно свидетельствует о том, что классовый подход к событиям, верность марксизму-ленинизму, борьба за его чистоту, за его творческое развитие отвечают интересам рабочего класса, делу социализма».

— Трудно перечислить все преступления, совершенные американскими агрессорами и их сайгонскими марионетками в Камбодже. Репрессии, расправы, бомбардировки, применение отравляющих веществ — вот что принесли в это небольшое свободолюбивое государство чужеземные пришельцы. Агрессоры глумятся над памятниками культуры, превращают буддийские храмы в свои казармы.

— Продолжаются репрессии американской военной полиции против негритянского движения «Черные пантеры». Очередная жертва расстрелов в Хьюстоне.

«Химия-70». В советском разделе выставки.

Фото автора.

• ХИМИЯ МОЖЕТ ВСЕ

Капроновые детали машин, флаконы «Диора» и «Красной Москвы», немнущаяся ткань элегантного костюма, отделка зданий — во всем участвует химия. Павильон, начиненный тысячами бытовых мелочей, и неброские, но важные работы ученых московских вузов — имени Ломоносова, имени Менделеева и других химических институтов, пластмассовая теплица, удобрения, эффективные средства защиты растений (такие хотя бы, как тот же «родан», взявший заботу о здоровье ячменя и пшеницы) — все это химия. Прочно вошедшие в быт искусственные ткани — тоже химия. Сейчас ее «подразделения» собраны воедино в Москве на крупнейшей — 25 стран, тысячи предприятий и фирм! — выставке, занявшей сокольнический городок плюс несколько новых построек, о возведении которых тоже позаботилась химия.

Я попытался было сравнить советский раздел с тем, что видел на первой международной химической выставке. Безуспешно искал «знакомых» пятилетней давности. Почти стопроцентное обновление.

Выставка поражает размахом, разнообразием экспонатов. Вам показывают не только готовую продукцию, но и технологические процессы, которые ее рождают. Экспозиция становится в чем-то похожей на действующее предприятие.

...В подготовке выставки приняли участие 770 советских предприятий и организаций. Они представляют более 60 министерств и ведомств. 10 тысяч экспонатов — химия в космосе, в промышленности, сельском хозяйстве, быту. Производство пластических масс в 1970 году у нас по сравнению с 1965 годом увеличится почти в два раза. Советская химическая продукция продается сейчас в 80 стран мира.

Среди новинок, представленных нашей страной,— непрерывный способ производства смол. Он опережает многие зарубежные работы в этой области. Не случайно «Лицензинторг» предлагает этот способ для продажи — им интересуются иностранные фирмы. Вообще «Лицензинторгу» работы на выставке достаточно. Его предложения — лицензии на производство пластмасс для шрифтов, автоматический фильтр-пресс, универсальный станок, способ производства изопрена из изобутилена и формальдегида — привлекают внимание иностранных фирм.

— Масштабы и содержание выставки,— отметил министр химической промышленности СССР Л. А. Костандов,— свидетельствуют об огромном прогрессе, достигнутом химией в самых различных отраслях производства.

Большой интерес вызывают экспозиции стран социалистического содружества. Новейшие приборы, ткани, готовые изделия, красители и фармацевтические препараты, косметика и каучук, детские игрушки и кузова автомобилей... В венгерском разделе открыта... аптека; фармакология не может обойтись без химии. А болгарские химики создали «табекс» — средство, помогающее отвыкнуть от курения.

К. КОСТИН

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВИАКОНСТРУКТОРА С. А. ЛАВОЧКИНА

ТВОРЕЦ БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ

Трижды Герой Советского Союза

И. КОЖЕДУБ

Труд генерального конструктора, создающего боевые самолеты, сложен и ответствен. Много знаний нужно, чтобы дать истребителю совершенные аэродинамические формы, высокую прочность, мощное вооружение и одновременно не утяжелить его, сделать как можно более легким. В годы войны эти извечные для самолетостроения трудности усугублялись тем, что массовое производство требовало неизменности конструкции, а чтобы быть сильнее врага, ее следовало непрерывно совершенствовать.

И Семен Алексеевич Лавочкин блистательно справился с этой задачей, создав свой знаменитый истребитель «Ла-5». Впервые эскадрильи «Ла-5» приняли участие в гигантской битве под Сталинградом и отлично выдержали суровые экзамены: «Ла-5» превосходил истребители противника по своим летно-тактическим качествам.

И тем не менее Семен Алексеевич сам часто выезжал в боевые соединения, чтобы своими глазами увидеть, в какой степени созданная им техника отвечала требованиям фронта. В 1941 году Лавочкин выезжал на фронт под Москву, в 1942 году — под Сталинград, в 1943 году — на Орловско-Курское направление.

Об истребителе «Ла-5» шла добрая слава, и я перед отправкой на фронт радовался, что мне предстоит воевать на таком отличном самолете. На аэродроме мы тогда не отходили от лавочкиных.

«Ла-5» оправдал все наши ожидания. Летал на нем я на Курской дуге и сбил там первый фашистский самолет. А воздушные бои на этом участке фронта были очень напряженными и тяжелыми. Противник стянул сюда лучшие силы своего 4-го воздушного флота: эскадры асов, модернизированные бомбардировщики «хейнкель-111», истребители «фокке-вульф-190а». И тем не менее наша авиация завоевала превосходство в воздухе.

Авиационный конструктор Герой Социалистического Труда Семен Алексеевич Лавочкин внес ощутимый вклад в отечественное самолетостроение, в победу советского народа над фашистской Германией.

Иззат КЛЫЧЕВ,
народный художник Туркменской ССР,
секретарь правления Союза художников СССР

Новое в Третьяковке...

Для каждого из нас священны стены Третьяковской галереи — национальной сокровищницы русского и советского искусства.

...Послевоенный, 1947 год. Волнуясь, входил я в заветные двери. Еще до того, как перешагнешь порог дома в Лаврушинском переулке, ты во власти искусства — ведь фасад здания, выполненный по рисунку Виктора Михайловича Васнецова, привечает ласковой сказочностью, былинной красотой.

Я спешил встретить в залах галереи любимых и знакомых по репродукциям Репина и Крамского, Федотова и Перова, Валентина Серова и Сурикова, боготворимых нашей молодежью.

Потрясенный, переполненный художественными впечатлениями, уходил я из музея.

Прошло время, и мне открылись все богатства этой удивительной коллекции.

Какая мудрость, какое живописное мастерство в русских иконах! Как прекрасно, что в Третьяковке есть Суриков, гениально раскрывший в своих величественных полотнах эпический характер русского народа, и есть Борисов-Мусатов с его поэтически тонким ощущением характера Родины. Есть красочный вихрь малявинских холстов и прозрачные краски нестеровского «Отрока Варфоломея». Есть гигант-философ Александр Иванов и не менее великий для чутких сердец своих соотечественников Саврасов. Есть музыкальная плавность силуэтов в иконах кисти Рублева и жесткие ритмы картин Дейнеки. Богатство галереи — в широте диапазона представленных в ее залах живописных шедевров.

Художники выражают идеи, которыми живет общество, народ, эпоха. Третьяковская галерея бесконечно дорога для нас прежде всего тем, что в ней собрана воплощенная в образах искусства история великого народа.

Непреложен тот факт, что русский народ возглавил и объединил наши национальные революционные движения. Он же встал во главе культурной революции, щедро делясь с другими народами, населяющими Советский Союз, великими культурными богатствами.

В прошлом году мне посчастливилось увидеть замечательные художественные музеи Италии. И невольно я сравниваю наши богатства с тем, что предстало передо мной в музеях Рима и Неаполя, Флоренции и Венеции. (Естественно, речь идет о классическом искусстве. Современное беспредметное искусство Италии просто невозможно сопоставить с чем-либо другим, кроме формалистического искусства того же рода.)

Вот хотя бы такой пример. Русская иконопись XIV—XV веков и произведения итальянского Возрождения — словно горные цепи одной высоты. Ощущение весны, великой радости бытия живет в красках Дионисия и пластике фигур Боттичелли. Возвышенный гуманистический идеал с гениальной силой художнического прозрения воплощен в «Сикстинской мадонне» Рафаэля и «Троице» Рублева.

Как прославленные в целом свете картины Леонардо, Тициана, Рубенса, Веласкеса, Рембрандта, Давида, Делакруа сквозь столетия несут свет духовной жизни, являясь неисчерпаемыми источниками эстетического наслаждения, так великие творения Брюллова, Александра Иванова, Репина, Сурикова, Валентина Серова, Врубеля являются бесценными сокровищами советского народа, и свет, излучаемый этими шедеврами Третьяковской галереи, ныне достигает самых дальних пределов земли.

Прочтя мою короткую исповедь, вы можете представить, какой огромный смысл для меня, художника, автора картин, заключен во внешне прозаических словах «приобретено Третьяковской галереей».

...В залах первого этажа галереи, в ста пятидесяти шагах от моих скромных «Белуджей», экспонированы полотна моего учителя Бориса Владимировича Иогансона «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе». Иогансон учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у замечательных русских мастеров Архипова, Касаткина, Малютина, Коровина.

Художники, у которых учились мы,— это передающее звено между русской классикой и сегодняшним искусством. Моими профессорами в годы учебы в Ленинградском художественном институте имени Репина были Авилов, Иогансон, Орешников, Серебряный, и каждый из них в пору молодости испытал непосредственное влияние великих русских реалистов.

«Коровин был для нас каким-то богом,— говорил Борис Владимирович,— это имя у всех звучало на устах. Его влияние сказалось почти во всех моих вещах. Но Коровин не понимал моего тяготения к картине».

«Что такое картина? — любил повторять Константин Алексеевич.— Напишу здорово натюрморт или пейзаж, вот тебе и картина».

Иогансона влекло другое. Он пишет в автобиографии: «Моими учителями, привившими мне любовь к психологии в картине, были передвижники, Репин и Суриков. В это время у меня появляется ряд полотен, в которых играет роль человек не только как живописное пятно, но где я пытаюсь разрешить и задачи психологии».

В Третьяковке есть коровинский зал, в котором мы с восторгом снова и снова постигаем безграничную красоту мира, переданную блистательной артистической кистью. Но в галерее почетное место отведено и психологическим полотнам Иогансона. Они исполнены с захватывающим мастерством и написаны по-коровински живописно.

...Дипломная картина моя называлась «В пустыне Кара-Кум». На холсте желтела песчаная пустыня, но мне не удалось тогда, в пятьдесят третьем, языком искусства передать характер родной земли. Я уехал в Ашхабад и через год снова отправился в Ленинград. Опять учиться. Я занимался в академической мастерской под руководством талантливого русского живописца Александра Михайловича Герасимова. Высокого класса портретист, мастер натюрморта, Герасимов значительно обогатил меня, начинающего художника. Работа в мастерской чередовалась с посещениями второй знаменитой сокровищницы — Русского музея. Но снова и снова мой путь проходил через Москву, через Третьяковку. Известное высказывание Иогансона о посещении им в период ученичества Третьяковской галереи — «Я начал туда ходить, как верующий человек в церковь» — относится и ко мне и ко многим моим товарищам по труду, по искусству.

В 1958 году в академической мастерской я попытался написать картину в духе Сурикова, которым был увлечен самозабвенно. Хотелось поскорее научиться писать, как Суриков в «Боярыне Морозовой». Но

М. Савицкий (Минск). ПАРТИЗАНСКАЯ МАДОННА.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Смолин, П. Смолин (Москва). СТАЧКА. Государственная Третьяковская галерея.

почему-то живопись была мертвой, краски не лежали на холсте, как борода деда-мороза на лице юноши...

И вот я снова пришел в Третьяковку и перед полотнами классиков дал себе зарок расти профессионально, учиться выражать свои мысли своим языком. Вернувшись домой в Ашхабад, я несколько лет кряду не брался за картины. Много ездил по республике, жил среди чабанов, писал этюды, портреты хлопкоробов, колхозных вожаков, изучал традиционное туркменское искусство. Я окончательно понял, что без глубокого познания корней народного творчества искусство не может быть полнокровным.

Веками отточенный рисунок миниатюры, излюбленные цветовые сочетания орнамента ковров, узоры керамики учат современного живописца лаконизму, точности, воспитывают вкус.

Постигая трудовую жизнь моей республики, осваивая национальные традиции, язык народного искусства, я шел к своей картине. Мои произведения не похожи на полотна моих учителей — Б. В. Иогансона, И. А. Серебряного, А. М. Герасимова, но это совсем не значит, что я у них ничему не научился.

Сегодня в обиходе бытует словечко «поиск». Сплошь и рядом читаешь и слышишь: «художник в поиске», «поиск художественной формы», «поиск героя». Что ж, в таком случае путь моих товарищей, мой путь — это тоже поиск: поиск себя в искусстве, поиск личной интонации, поиск близкой сердцу темы. Пусть будет «поиск», хотя вернее было бы назвать это по-старому творчеством. Создание станковой картины — самая высокая форма художественного выражения. Тут сколько ни ищи, коли ты не стал еще художником, ничего не найдешь.

Картина — одна из важнейших форм воплощения социально значительных тем времени. В картине автор выражает свои наиболее сложившиеся замыслы. Эта форма искусства требует разносторонности мастерства художника, выступающего одновременно и живописцем, и психологом, и творцом композиции.

Лучшие картины последних лет в конкретных образах выражают большую человеческую мысль. В них завершенность образа имеет ясную реалистическую форму. Обращает на себя внимание и широта творческого диапазона современной советской живописи.

Внимательному взгляду открывается вся многогранность мастерства и идейной целеустремленности наших предшественников. Буйство красок революции в «Большевике» Кустодиева. Философский взгляд и психологическая глубина Петрова-Водкина. Ясно очерченная классовость и удивительная свобода выражения у Дейнеки. Мощный сплав эпичности и драматизма в полотнах Иогансона. Чеканность могучих образов Корина. Живописность, стихия русской деревенской поэзии в творчестве Пластова. На каждом историческом этапе свои задачи определяли и сюжетную сторону и особенности композиции. И всегда главным качеством советской живописи была ее социальная определенность. Так было и так обстоит дело и в наши дни. Сегодняшнее искусство традиционно идейно, художественно многообразно.

Обратимся к новым приобретениям Третьяковской галереи. В них наш опыт, достижения и недостатки. В них проявление нашего творческого многоголосия.

Новые картины Третьяковской галереи — этап развития советской школы живописи. Искусство не терпит повторения. Если художник не ставит перед собой цели изо дня в день одолевать новые ступени постижения жизни и нет у него желания двигаться вперед, его искусство станет мертвым. Наша задача состоит в том, чтобы изучать и развивать мастерство, достигнутое предшественниками. Традиция советской картины — это высокая завершенность, драматизм столкновений, героика образа, возникающая из глубокого проникновения в духовный мир человека, возвышенное композиционное мышление, при котором уже в самом замысле ясно определены идейно-художественные взаимосвязи.

Среди новых приобретений — картины Гелия Коржева — одного из крупнейших наших мастеров, Таира Салахова, который уверенно вошел в торжественные залы многих музеев, братьев Ткачевых, интересно работающих над жанровыми полотнами историко-революционного цикла, Виктора Иванова и Индулиса Зариня, Степана Дудника и Владимира Стожарова, Михаила Савицкого и Дмитрия Жилинского, Надира Абдурахманова, братьев Смолиных и многих-многих других...

В этом номере «Огонька» читатели увидят репродукции четырех картин Третьяковской галереи, вошедших в ее экспозицию.

«Партизанская мадонна» Михаила Савицкого — это символ жизни. Как величава фигура молодой женщины! Как торжественны краски! Какая духовная сила в ее спокойствии, в плавных линиях ее фигуры, в классической позе! Мадонна эпохи Великой Отечественной войны.

Шла борьба с врагом не на жизнь, а на смерть. Республика посылала в бой своих сынов. Старились от горя и мук пожилые люди. Но в партизанском краю молодые матери растили детей. Жизнь на белорусской земле, несмотря ни на что, продолжалась. Обо всем этом и повествует картина бывшего бойца Советской Армии Михаила Савицкого. Горести и страдания, мужество и стойкость народа ведомы художнику, и потому высокая правда освещает это полотно.

Я сам фронтовик, прошедший четыре года через огненное горнило Великой Отечественной, глубоко верю в суровый пафос картины.

Бледное золото хлебов. Женщины, склонившиеся над спелым житом. Черная полоска леса и грозовое небо у горизонта. Партизаны идут на операцию. В центре полотна — молодая мать. Справа от нее погруженная в горькие думы старуха, слева — боец на коне. Он с заботой и тревогой смотрит на женщину, кормящую грудью ребенка. Мать с младенцем на руках как бы окружена светящимся ореолом. Звучные мажорные тона использовал художник, выписывая ее облик. От нее в картине развивается действие, которое конкретизирует время, рисует реальную обстановку.

Глядя на картину Савицкого, вспоминаешь «1918 год в Петрограде» Петрова-Водкина. Второе название этой картины — «Петроградская мадонна». Много схожего, родственного в этих двух замечательных произведениях советской живописи. Савицкий, как бы следуя за Петровым-Водкиным, создает идеальный образ славянской красоты, применяет любимое и Петровым-Водкиным красно-сине-желтое трехцветие. Но едва ли кому придет в голову упрекнуть Савицкого в подражании, потому что в основе его картины не примитивные заимствования, а лишь законное желание опереться на опыт большого мастера.

В младенце Савицкого я вижу человека, счастливо вошедшего в наш сегодняшний день. Этот день с любовью и вниманием пишет Дмитрий Жилинский в содержательном жанре «У моря. (Семья)».

Творчество Жилинского, по моему мнению,— это еще одно яркое проявление разнообразия советской реалистической школы. Это новая индивидуальность, идущая от четкого понимания пластической формы

Проблемы ясности композиционного построения приходится разрешать художникам, которые, стремясь к характеру конкретному и неповторимому, образным языком искусства характеризуют современность. Жилинскому дан счастливый дар выражения радости бытия, выражения нашей сегодняшней красоты. Безмятежность детства, счастье материнства, красота природы — вот мотивы его картины. Персонажи его небольшого по размерам полотна конкретны. Вы видите портрет семьи самого художника. Эта картина — прекрасный современный групповой портрет.

Картина «У моря» написана темперой на деревянной доске по левкасу и покрыта лаком. Такая техника позволила мастеру писать сильными локальными цветами, решая пространство сопоставлением масштабов первоплановых фигур с плоскостно-декоративными персонажами заднего плана. Однако сцена, развернутая в отдалении, жизненна и достоверна, рисунок фигур точен, пластичен.

...Мир и красота — тема полотна азербайджанского живописца Надира Абдурахманова «Талышки».

Азербайджан ассоциируется в моем сознании с музыкой. Музыкален азербайджанский народ, и когда путешествуешь по горным районам и долинам республики, то кажется, что ты на каждом шагу слышишь прекрасные мелодии. Это ощущение музыкальной, поэтичной земли живет в произведениях Абдурахманова. Молодость, темперамент, особая пластичность волнуют художника, и в плоти картины как бы пульсирует его горячее сердце. Живописец поставил кувшин у ног красавицы горянки — и нам слышится журчание бегущих среди камней ручьев.

Как-то глубокой осенью я оказался в горах Азербайджана. Чабаны с детишками в седлах спускали в долину отары овец. Это было зрелище упоительное, полное звуков и щедрых красок. Я смотрю сегодня на полотно Абдурахманова и вспоминаю тот день. Припоминаю удивительной голубизны и прозрачности воздух высокогорья, чернеющие в высоте скалы, белые шапки вершин. Музыка красок Надира — это голос его родной земли...

Тот факт, что твоя картина в экспозиции Третьяковской галереи,— это большая духовная поддержка для художника.

Не всегда на выставках живописец получает объективную оценку. Работники Третьяковской галереи, приобретая новые произведения советской живописи, проявляют вкус и понимание искусства.

Эти приобретения достаточно широки по диапазону — среди них и «Портрет космонавта Комарова» работы А. Лактионова и острые по форме полотна наших молодых художников. В этом виден верный признак продолжения традиций создателя галереи Павла Михайловича Третьякова, который покупал картины разных по возрастам и почеркам художников, но при этом следил за тем, чтобы коллекция была духовно однородна...

«Стачка» братьев Смолиных — картина, о которой много спорили, но которая, пройдя испытания временем и многократное репродуцирование, стала уже привычной. Третьяковская галерея по справедливости включила ее в экспозицию.

Стачка. Суровость, собранность внутренних сил рабочих. Настораживающе-утверждающая тишина. Пролетарии не отступят от своих требований. Неизбежность предстоящих революционных перемен живет в образах картины. Рабочие, сбившиеся в тесном, застроенном фабричном дворе,— это сгусток энергии, который обязательно разорвет проржавевшую оболочку изжившей себя царской власти. Чувство тревоги внушают зрителю металлические черные конструкции над головами стачечников на фоне холодного неба. Колорит картины скуп. Багровые, алые цвета встречаются с черными, холодными. В этих контрастах — борьба и решимость. Изможденные, измученные непосильным трудом лица рабочих. В них вся тяжкая жизнь предреволюционной России! Особую значительность полотну придает фресковый характер изображения. Художник как бы возвращает нас к горьковским страницам «Матери», к славной и суровой истории.

...Работы моих современников, наши работы в экспозиции Третьяковской галереи! Это большая честь. Но в факте признания Третьяковкой вместе с тем заключена великая ответственность для нас, художников, перед будущим, перед народом. Ведь всякое утверждение нового в живописи, всякий рост связаны с трудностями и издержками. Так, сегодня иным холстам на наших выставках свойственна еще угрубленность, некоторая конструктивная обнаженность. Иногда еще колорит полотен скорее напоминает декоративное панно, нежели станковую живопись. Но, повторяю, это результат творческих исканий на пути к раскрытию духовного мира современников, к выражению сущности нашей эпохи. Мы в процессе становления. Перед нами огромная работа. Труд, с которым придут новые высоты мастерства, новые образы, новые творения, достойные нашего великого времени!

НОВОШАХТИНСК

ТОЙ РАННЕЙ ВЕСНОЙ...

Их было двадцать пять. Двадцать пять воинов-гвардейцев, уже не раз и не два смотревших в глаза смерти. У них были пулеметы, автоматы, гранаты и одна-единственная 45-миллиметровая пушка. И еще был приказ: во что бы то ни стало удержать переезд у селения Тарановка. Гвардейцы лейтенанта П. Н. Широнова перевели этот приказ на суровый язык долга: стоять насмерть!

Значительно позже, когда окончится война, ныне президент ЧССР Людвик Свобода в своей книге «От Бузулука до Праги» напишет: «Неотделимой частью боя за Соколово — нашего первого боевого крещения в степях южнее Харькова — была поистине героическая оборона Тарановки».

Это писалось после войны. А тогда, ранней весной 1943 года, Тарановку оборонял гвардейский полк, которым командовал Герой Советского Союза полковник К. В. Билютин. И на острие этой обороны был выдвинут один взвод — двадцать пять воинов. Они должны были закрыть единственный проход для танков — железнодорожный переезд.

Бойцы знали, что их ожидает. Они терпеливо пересидели в окопах, пока два десятка «юнкерсов» бомбили и обстреливали из крупнокалиберных пулеметов их крошечный плацдарм. Но когда пошли танки, заговорила их единственная пушка. Четыре выстрела наводчика Александра Тюрина — четыре подожженных танка врага! Пятый снаряд был немецкий — и пушки не стало.

Обходя горящие машины, танки ринулись к переезду. Пошли в ход гранаты. Первой же гранатой сержант Иван Вернигоренко подбил головной танк. Потом еще один вражеский танк споткнулся, потерял гусеницу и загородил путь другим. Но он, этот второй, стал поливать позиции гвардейцев из пулемета...

Вот что рассказал мне об этом эпизоде Иван Вернигоренко:

— Танк стоял у самых окопов. И бил — голову не поднять. Такое меня взяло зло, что, как только пулеметная струя передвинулась в сторону, я выскочил из окопа и вмиг оказался у танка. И тут только сообразил, что стою перед этой бронированной махиной с голыми руками. Тогда схватил оторванный гусеничный трак и что было сил ударил по стволу пулемета — он и заглох.

Первая танковая атака отбита. Враг не прошел и на второй день. Не прошел и на третий. Но и ряды гвардейцев поредели. В критические моменты, обвязавшись гранатами, бросились под танки Александр Болтушкин, Николай Крайнев, Василий Павлов, Алексей Крайко...

Последнее, что запомнил Иван Вернигоренко,— это стальную громаду, которая шла на него. Иван метнул в танк гранату с близкого расстояния. Оранжевый всплеск огня, тугой удар взрывной волны — и темнота.

Лишь после долгого лечения он узнал, что враг так и не одолел переезд, оставив возле него 30 танков, самоходок, бронемашин и более роты солдат. Узнал, что всем 25 гвардейцам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Двадцати, в том числе и ему,— посмертно. Думали, что и он погиб. Между тем, тяжелораненого и контуженого, его подобрали санитары. Могучий организм победил смерть.

...Герой Советского Союза Иван Григорьевич Вернигоренко живет и работает сейчас в Новошахтинске, Ростовской области. Он десятник шахты имени «Комсомольской правды». Часто встречается с молодежью, рассказывает ей о войне, о беспримерном сражении у Тарановки. В составе советской делегации Иван Григорьевич побывал в Чехословакии, где встречался с трудящимися братской страны, с воинами чехословацкой армии.

Иван ХВОРОСТИНА

МОСКВА

ДЕВУШКИ С «ЭМИТРОНА»

Затянутая дымом пожарищ «зона поражения» ограждена цветными флажками. Там, в развалинах зданий, в развороченных укрытиях и рвах, есть «пострадавшие». Командир санитарной дружины московского завода «Эмитрон» Зина Коршунова, быстро оценив обстановку, командует:

— Звену Чехановой осмотреть укрытия, звену Захаровой — ров, звеньям Алферовой и Орловой — завалы!..

Девушки в противогазах, с носилками и санитарными сумками бросаются на поиски «пострадавших». Надо оказать им необходимую помощь и эвакуировать.

Первым справилось с этой задачей звено Лины Захаровой. В глубоком, почти трехметровом рву, среди обвалившейся земли и битого камня, они обнаружили четверых «пострадавших». У двоих ожоги, у одного перелом ноги, последний пострадавший тяжело ранен в грудь. Лина Захарова и Нина Дианова перевязали «раненого», Таня Сафонова наложила шина на сломанную ногу, Лида Зуева обработала ожоги. Затем девушки на носилках вынесли «пострадавших» из «зоны поражения», доставили к санитарным машинам. Ненамного отстали и другие звенья.

— Молодцы, девчата, быстро управились! — похвалил сандружинниц Алексей Маркович Тарасенко, хирург 67-й поликлиники Советского района столицы. Это он обучал их, готовил к первому Всесоюзному соревнованию санитарных дружин страны. Девушки с «Эмитрона» заняли первое место в этих соревнованиях. Их дружине присвоили имя Героя Советского Союза З. А. Самсоновой, погибшей смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны.

Нелегко было стать чемпионами. Занятия отнимали немало времени, а многие дружинницы — матери семейств, к тому же учатся в вечерних техникумах, институтах...

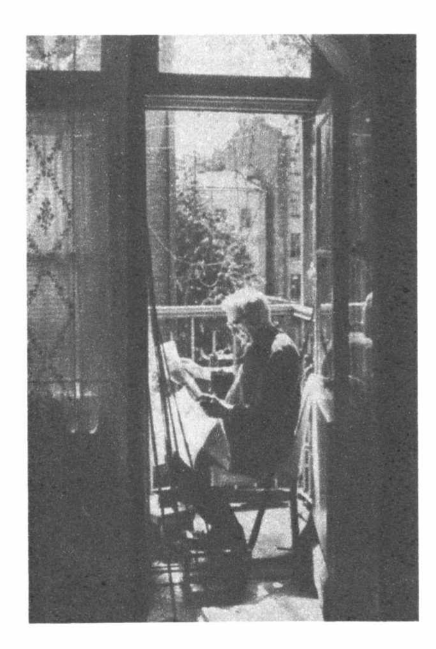
Девушки с «Эмитрона» принимали участие в первом слете санитарных дружин стран — участниц Варшавского договора.

А. ГОЛИКОВ

На снимке: девушки с завода «Эмитрон» — победители первого Всесоюзного соревнования санитарных дружин.

Фото К. Каспиева.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ...

КИЕВ

ВОЛШЕБСТВО

...Мы беседуем в его квартире, похожей на сад: столько тут цветов, зелени, окутавшей и балкон. Мне много рассказывали об известном на Украине офтальмологе, профессоре П. С. Плитасе, о широте его интересов, о созданном им уникальном офтальмологическом атласе. С этого, собственно, и начался наш разговор. Листаю атлас и поражаюсь мастерству художника, выполнившего в цвете рисунки всех деталей глазного дна. Художник этот — автор атласа профессор Павел Саввич Плитас.

...На столе лежит брошюра «Уход за медицинским инструментарием». Автор ее — мой собеседник. Он рассказывает:

— Была у нас американская делегация. Врач-глазник вот так же, как и вы, заинтересовался брошюрой. Я сказал ему, что не только написал об уходе за медицинским инструментарием, но и сам затачиваю свой инструмент, никому этого не доверяю.

...У раскрытой двери балкона стоит скамеечка, лакированная, расписанная на сюжеты русских сказок. Она смонтирована без клея и гвоздей. «Люблю в свободное время заниматься такими пустяками»,— говорит профессор. А я подумала: попади такой пустячок на выставку народного творчества — сколько посетителей приворожил бы он!

...Мое внимание привлекли картины в кабинете профессора. Все они написаны Павлом Саввичем. И все на одну тему: лес и птицы. Тема выбрана не случайно. Лицо профессора светлеет, весь он преображается, когда говорит о птицах, о том, как поют соловьи над Днепром, в Киевском гидропарке.

— Бог ты мой... Какое волшебство! И подумать только — в Италии, например, ежегодно уничтожалось не менее 150 миллионов певчих птиц. Население широко оповещалось, когда начнется перелет певунов. К охоте на них готовились заранее. Капроновые сети, металлические доски, птичий клей на ветках и кустах, зеркала, о которые птицы разбивались, принимая их за воду,— и все для того, чтобы в специальных ресторанах приготовить из них деликатес — дорогостоящий «шашлык по-итальянски». Только недавно издали декрет, запрещающий варварскую охоту на певчих птиц. Выяснилось, что нанесен был огромный вред посевам и садам. Одной химией, оказывается, невозможно бороться с вредными насекомыми. Тут-то и приходят на помощь певчие птицы... А в гидропарк наш обязательно загляните. Только рано-рано утром. Послушаете, как поют соловьи. Истинное волшебство...

М. КИСЕЛЕВА

На снимке: профессор Павел Саввич Плитас.

Фото Н. Козловского.

МАРИЙСКАЯ АССР

СТАЛА ФЕРМА ФАБРИКОЙ

Как вы думаете, кем работает эта девушка? Она оператор птицефабрики. Есть теперь такая профессия в марийской деревне. Комсомолка Лида Васильева из совхоза «Азановский», Марийской АССР. Она ухаживает за несушками, их у нее пятнадцать тысяч. Нет, Лида не кличет поутру: «Цып-цып!..»

Несушек кормит и поит автоматика. Оператор нажимает кнопки пуска и выключения, следит за действиями механизмов. Именно они подают корм, дозируют воду, собирают яйца, даже чистят клетки. Не будь автоматики, разве смогла бы марийская комсомолка Лида Васильева ожидать от своих несушек 120 тысяч яиц, а именно столько обязалась получить она в нынешнем году!..

На снимке: оператор совхоза «Азановский» Л. Васильева в своем цехе.

Фото М. Барабанова.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ГЕОГРАФИЯ СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ

Сегодня мы рассказываем о работе янтарного комбината, расположенного в Калининградской области. На вопросы корреспондента «Огонька» Мих. Ходакова отвечает Василий Николаевич РОЖКОВ, директор комбината.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Прибалтику обычно называют янтарным краем. А можно ли считать поселок Янтарный, так сказать, столицей этого края?

В. Н. РОЖКОВ: Символически, пожалуй, можно. Ведь наш комбинат — а он находится именно в этом поселке — дает восемьдесят процентов всей мировой добычи янтаря.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что нового в столице янтарного края?

В. Н. РОЖКОВ: Самое главное для нас сейчас — борьба за резкое увеличение добычи янтаря. В предстоящей пятилетке наш комбинат собирается давать не 400, как раньше, а 1000 тонн янтаря в год. Вполне реальную возможность для этого открывает перед нами новое месторождение янтаря, к разработке которого мы сейчас готовимся. Но для того, чтобы получить тонну чистого янтаря, надо «перелопатить» 13 тысяч тонн породы. Причем перелопатить, естественно, посовременному, то есть с помощью совершенных и высокопроизводительных машин.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Какое новое оборудование будет применяться при разработке этого месторождения?

В. Н. РОЖКОВ: Более мощные землесосы и шагающие экскаваторы, а также другое новейшее оборудование.

КОРРЕСПОНДЕНТ: На сколько же времени хватит запасов нового карьера, если вы станете добывать по тысяче тонн янтаря ежегодно?

В. Н. РОЖКОВ: Надолго. На полвека. А вообще-то, разведанные нами месторождения обеспечивают комбинат сырьем по меньшей мере на столетие.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Какова география сбыта изделий из янтаря?

В. Н. РОЖКОВ: В мире, пожалуй, не много найдется таких стран, где наша продукция не пользовалась бы спросом. И в любом уголке Советского Союза тоже популярны красивые вещи из янтаря. Мы хотим, чтобы каждый, кто отдыхает в Прибалтике, увозил отсюда на память сувенир из солнечного камня. Вот и представьте теперь, какая получается янтарная география!..

ТБИЛИСИ

Прошло часа два, прежде чем корреспондент Михаил Квирикашвили смог нажать на спуск фотоаппарата и сделать этот снимок. Сначала он расположил людей в номере одной из тбилисских гостиниц. Они приехали в столицу своей республики Тбилиси на специальном автобусе из колхидского села Саджиджао. Кто они? Колхозники сельхозартели имени Ленина Лола и Рамин Зарандия и их дети. Все, кроме Заури, который сейчас в армии.

Там, в Саджиджао, этой семье живется просторно: кроме старого крестьянского дома из четырех комнат, колхоз построил для них рядом еще один каменный дом. Ведь надо разместить 17 детей! И даже тех, которые уже давно не дети. Нодар, например, агротехник в колхозе, Нелли — сборщица чая, депутат сельсовета, Валерий — тракторист...

Когда фотокорреспондент приготовился сделать снимок, закапризничал самый маленький, трехлетний Автандил. «Хочу конфет!» — хныкал он. Кто-то пошел в буфет, притащил целый куль конфет и вручил Автандилу. Но мать, Лола, возмутившись, отобрала куль и раздала конфеты всем малышам поровну. Автандил отреагировал на это громким воплем.

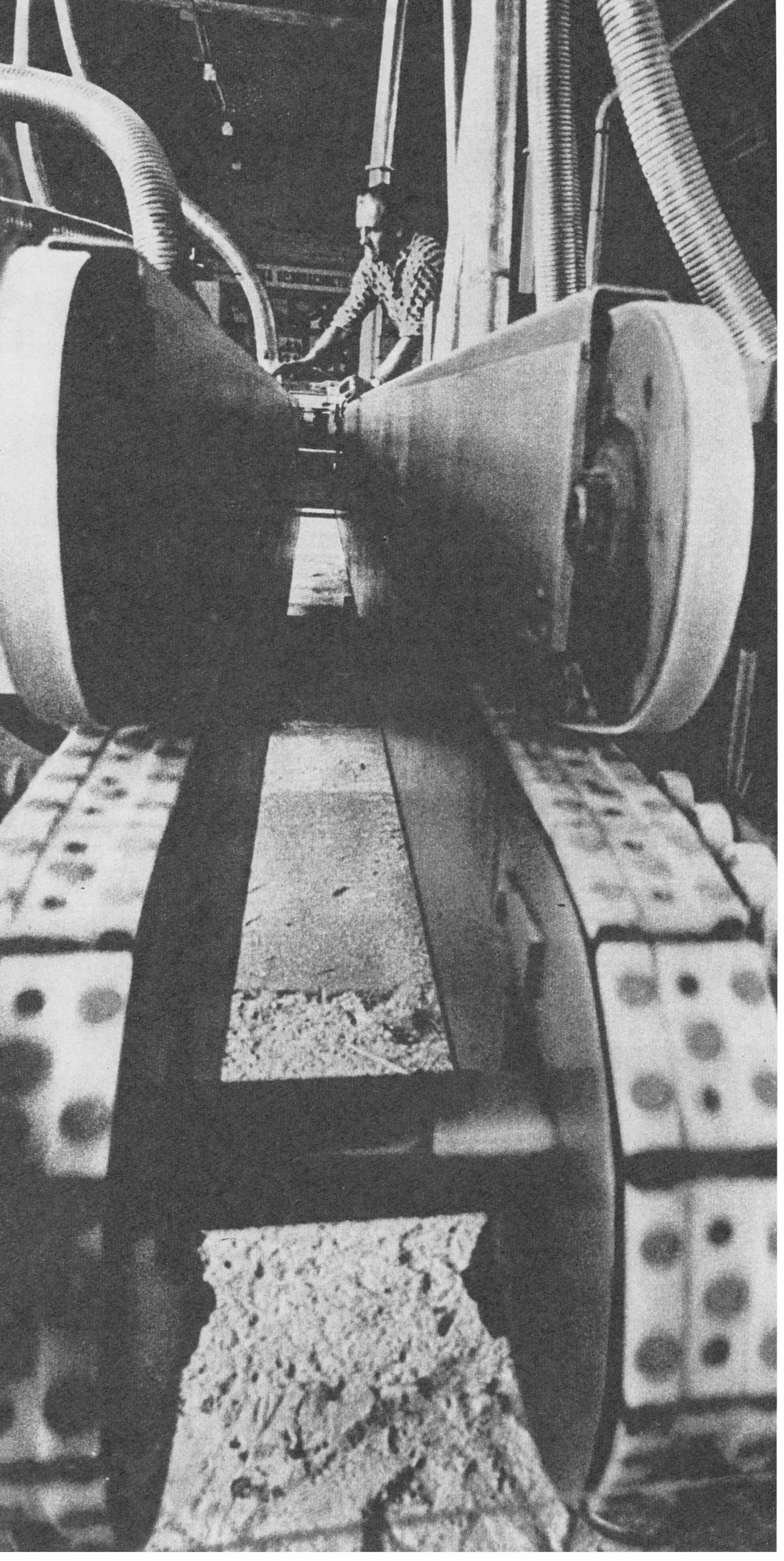
Решили выйти из номера и сняться на лестнице в вестибюле: Лола, Рамин и дети. Но в это время кто-то проходящий мимо подарил Автандилу большую кисть винограда. Только было открыл Автандил рот, как мать забрала у него кисть и раздала всем маленьким понемножку. И снова Автандил обиделся. Беда...

Тогда фотокорреспондент вывел всех на улицу. Вот здесь интересно! Много людей, троллейбусы бегают... Малыш утих. А может быть, задумался и понял, что мама права?

И. СЕРГЕЕВА.

Фото М. Квирикашвили.

Теперь слово автоматике.

20 СЕНТЯБРЯ —
ДЕНЬ РАБОТНИКА ЛЕСА

КОНВЕЙЕР КОМФОРТА

Н. ВЕРИНА,
А. НАГРАЛЬЯН
Фото авторов.

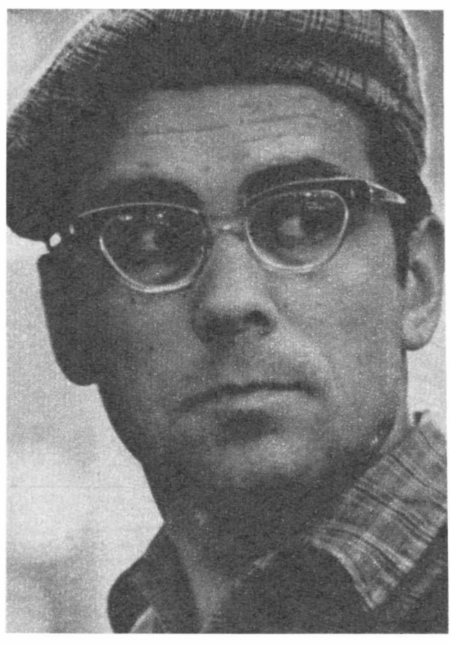
На окраине тихого подмосковного города Сходни, по берегам ласковой речки весело кудрявится лес, большой, пышный, ухоженный. Шелестят листвой березы, старательно, как гренадеры на смотру, тянутся ввысь ели. И спешат сюда со всех концов страны нескончаемые эшелоны... Что везут? Пиломатериалы. У Сходни с лесом отношения особые.

Всего лишь десять лет тому назад здесь был построен Первый московский мебельно-сборочный комбинат. Так что среди ветеранов, работающих тут со дня его основания, много молодежи, таких, например, парней, как оператор-отделочник Александр Воронин, которого вы видите на нашем снимке. Комбинат производит все, что нужно для обстановки современных квартир, выпускает мебель для больниц и поликлиник. А кроме того, выполняет и специальные заказы: его изделия — и в Кремлевском Дворце съездов, и в Госплане СССР, и в гостинице «Юность», и на стадионе в Лужниках, и на телецентре в Останкине.

Десять лет — срок невеликий, но молодое предприятие уже успело прославиться, в его коллекции — многочисленные дипломы, медали отечественных и международных смотров, а три года тому назад комбинат был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Главный инженер предприятия Василий Корнеевич Давиденко рассказал любопытную историю комбината. Он был спроектирован, как и положено, с учетом последних достижений техники. Но когда индустриальный младенец вырос, запроектированная техника устарела так же быстро, как стареют детские игрушки. Словом, доводкой оборудования до современнейшей кондиции пришлось заняться эксплуатационникам. За десять лет оборудование обновлено почти на семьдесят процентов.

Все начинается с лесной биржи. Там громоздятся бревна хвойных пород, вкусно пахнущие смолой. Мощные машины скоро разгрызут их, размелют, как зерно на мельнице, и превратят в стружку и опилки, из которых потом будет сформирована древесностружечная плита — основа нынешнего производства мебели. Проклеенные специальными смолами, тщательно спрессованные, плиты приобретут большую прочность. И тогда другие машины выкроят из них нужные детали, оденут в нарядные

Ветеран комбината, оператор-отделочник Александр Воронин.

рубашки: тонкую фанеру из ценных пород — красного дерева или ясеня. Затем рубашку покроют полиэфирным лаком, отполируют до зеркального блеска, и, наконец, сборщики соберут из готовых деталей шкаф или сервант.

В цехе первичной машинной обработки почти через весь огромный, светлый зал протянулась линия, состоящая из множества станков.

— Это наш закройщик,— говорит Василий Корнеевич.— Автоматическая линия с программным управлением. В день дает до девяноста кубических метров продукции. А народу возле станков, видите, почти нет. Оператор, его помощник да двое рабочих...

В том же цехе нам показали еще одну автоматическую линию — для обработки брусков. Ею управляет с пульта всего один человек. Такова она, отличительная примета Сходненского комбината: необычайно высокий уровень автоматизации и механизации.

Слушая главного инженера, мы вспомнили его же ответ на один из первых наших вопросов: почему комбинат построили именно в Сходне? «Да потому,— сказал нам Давиденко,— что местность эта издавна славилась своими столярами-краснодеревщиками». И вот выходит, что комбинату теперь они не нужны! Одно дело — кустарь-краснодеревщик и совсем другое — оператор автоматической линии. И, как бы угадав наши мысли, Василий Корнеевич продолжал:

— Кадры — вот главная для нас проблема. И краснодеревщики нужны нам. Вы их увидите в одном из цехов. Но сейчас наше производство требует высокой квалификации специалистов, знающих новую и довольно сложную технику. Поэтому почти все наши рабочие учатся. У нас действуют филиалы Московского лесотехнического института и техникума. И, кроме того, курсы по повышению квалификации. Каждый год защищают дипломы двадцать инженеров и сорок техников. И все равно не хватает кадров. Реконструкция...

Это и понятно: строится вторая очередь комбината. В новом цехе расположится комплексная установка по облицовке древесностружечных плит текстурной бумагой. Что это за диковина? На специальной бумаге фотомашина станет печатать текстуру, имитирующую ценные породы дерева. Хотите — карельскую березу или орех. Можно и какой-нибудь совсем новый рисунок. А потом бумагу пропитают особыми синтетическими смолами и напрессуют на древесностружечную плиту. Говорят, что даже специалисты не всегда могут отличить эту подделку от настоящей ценной фанеры. Представляете, какие возможности сулит такое новшество? Редкие древесные породы останутся в сохранности, а люди получат великолепную мебель. Интересно, какой она будет?

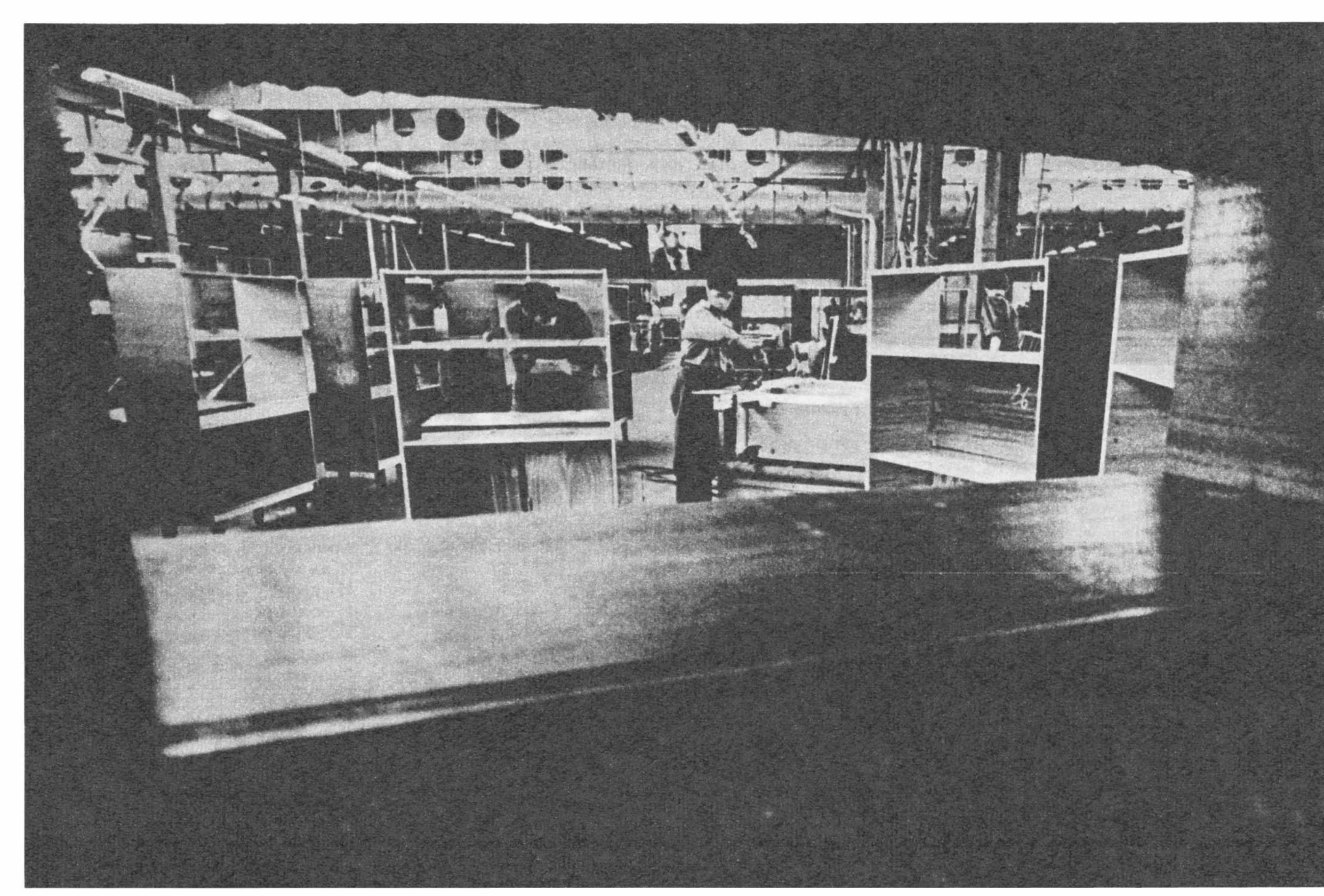
При Сходненском комбинате работает Московское конструкторское бюро проектирования мебели. Оно ведает всеми техническими нововведениями и разрабатывает образцы новой мебели. К слову говоря, ПКБ работает не только на это предприятие. Директор комбината Иван Степанович Хвостов и руководители бюро чужды местнических интересов и охотно отзываются на просьбу прислать чертежи — совсем за бесценок — другим мебельным заводам. А эти другие охотно пользуются чертежами прославленного комбината. Настолько охотно, что дело иногда доходит до курьезов. Както во Владимире организовали выставку мягкой мебели. Посетил ее министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофеев. Обошел выставку, а потом удивленно спросил: «Что же это получается, выставка вроде бы общесоюзная, а представлена почему-то одна Сходня?» Ему объяснили, в чем дело. «Хорошо, конечно,— сказал министр,— что на Сходне такие щедрые люди. Но нельзя же без конца пользоваться их добротой».

Главный архитектор проекта сходненского ПКБ Иван Афанасьевич Старюк — старый художник. Когда-то он был мультипликатором, участвовал в создании фильмов, популярных и поныне. В «Коньке-Горбунке», например, Старюк рисовал главного героя — Ивана. А потом стал мебельщиком. И принес в это дело весь свой богатый опыт и отличный вкус художника. Мы спросили Ивана Афанасьевича, как он относится к тому, что нынешняя мебель в общем-то однообразна, стереотипна. А вот старинные мастера создавали мебель единственную в своем роде.

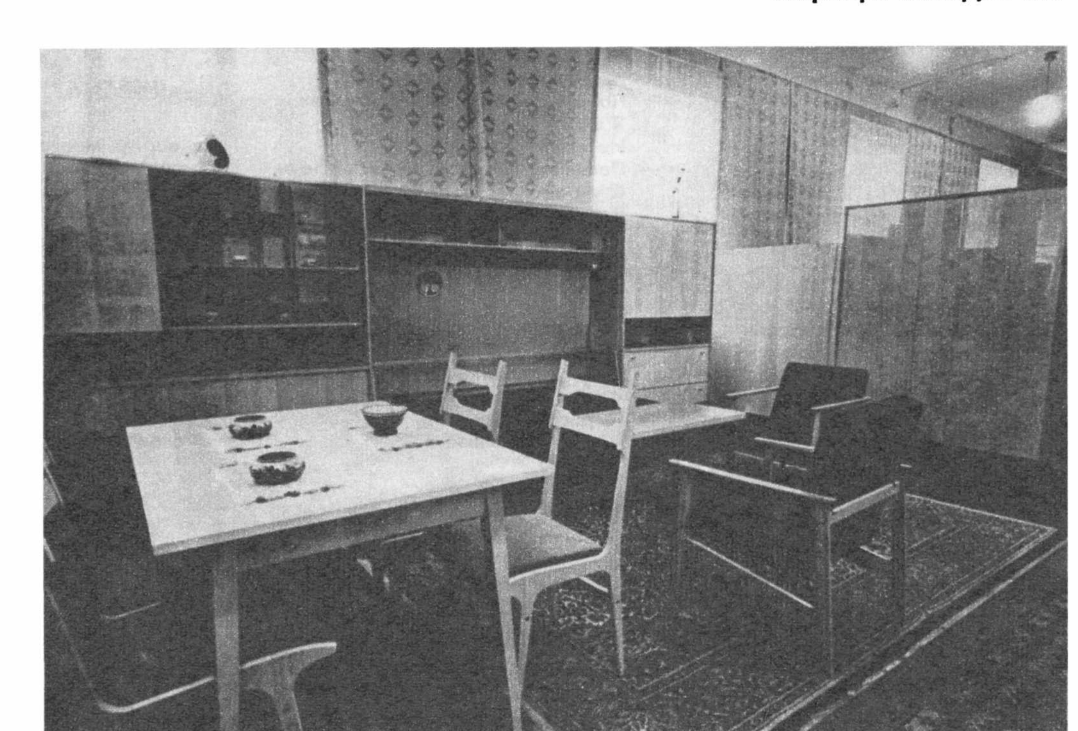
— Простите меня, но это, в общем-то, снобизм,— поморщился Старюк.— Хотя доля истины в подобных рассуждениях есть. Да, новая мебель действительно несколько однообразна. Мы много думаем о создании нестандартных образцов, ходим по музеям, выставкам, читаем специальную литературу,— но индустриальный метод и новые материалы, которые мы используем, пока что диктуют строгие формы, отсутствие всяких сложных украшений. И так не только у нас — так во всем мире. Где же выход? Мне кажется, нужно больше думать о том, чтобы придать мебели национальный колорит. Это во-первых. А во-вторых, надеюсь на текстурную бумагу. Такой способ позволит добиться большого разнообразия рисунка поверхности. И еще: сейчас наше слабое место — фурнитура да и вообще отделка. Какой-нибудь изящный ключ, петли или подлокотник для кресла из красивого пластика способны оживить вещь, сделать ее более оригинальной. Но заводы металлоизделий считают фурнитуру делом хлопотным, маловыгодным и потому не очень-то пекутся о ней...

Потом нам показали образцы новой мебели. И тут у нас, как говорится, разбежались глаза. Не будем описывать эти модели. Скажем только: все новинки нам очень понравились.

Пока это образцы. Воплощая в дерево замысел художников и конструкторов, славно потрудились столяры-краснодеревщики. Вот, оказывается, где пригодилось потомственное мастерство кустарей-столяров — в опытном производстве! А завтра эта мебель придет к нам в дом, украсит его.

Секретеры монтируют так.

«Сходня-1» — гарнитур для однокомнатной квартиры, отмеченный серебряной медалью ВДНХ.

Книга моей

* * *

Благословляю тот час,
Мой милый,
В который друг друга мы обрели.
О, как любовь меня окрылила:
Мне небом стали дороги земли!

А кто посмеет сказать, что в небе
Легко,
Скажу ему неспроста,
Что он не только на небе не был,
Но и не видал его никогда.

Ступать по небу — иное дело,
Чем по знакомой земле ступать:
Там нет начала и нет предела
И троп протоптанных не сыскать.

Там, кроме звезд, светофоров
нету,
Там тучи движутся, в гром трубя.
Там никогда не остаться следу
От ног прошедшего до тебя.

И там никто не пройдет вторично
По той тропе, что сам проторил.
Так непривычно и необычно
Мне ощущать наличие крыл!

То я крылом, что косою острой,
Травы в небесных кошу лугах,
То ледяной разбиваю остров
Силой любви,
Что в моих крылах.

Снова и снова торю тропинки
Ради твоих лучезарных дней,
Ради одной
Счастливой слезинки,
Ради одной
Улыбки твоей!

* * *

В мире новость появилась:
В мир любовь моя пришла.
И к земле звезда склонилась
И свечу на ней зажгла.

Я, возвысившись над бытом,
Этой свечкою горю,
За минувшие обиды
Никого я не корю.

Я добрее стала к людям,
Хоть и строже, может быть,
О любви их, как о чуде,
Научилась говорить.

Шаг мой тих необычайно,
И неслышно дышит грудь,
Чтоб чужой любви случайно
По дороге не спугнуть.

Мир, и ты ко мне отныне
Будь внимательней, молю.
Не отвергни и в гордыне
Не спугни любовь мою!

Ведь любовь совсем как птица:
Улетит — не возвратится.

* * *

Сегодня, знаю,
Не придешь —
И в жаркую бросает дрожь.
Мне дня наставшего не надо!
На что сегодняшний мне день,
Когда со мною будет рядом
Весь день
Лишь собственная тень?!

Мой беспокойный взор поник,
Внутри меня таится крик,
Мне от него безумно душно,
Пусть вырвется он,
Как вулкан,
Пускай разбудит равнодушных,
Которым дар любви не дан.

Пускай покинет крик меня,
Приняв обличие огня;
Пускай увидят трезвым взглядом
Разбуженные среди дня,
Что с их холодным миром рядом
Есть мир,
Исполненный огня.

Сегодня, знаю,
Не придешь —
И на пустыню мир похож.
И я бреду по той пустыне
И вот до моря добрела:
Наш Каспий, словно небо, синий
В день,
Раскаленный добела.
Молчу на тихом берегу,
Расстаться с болью не могу.
И вдруг разбушевалось море:
Волна вскипает за волной.
Наверно, в море
Капля горя
Обронена случайно мной.

Уже отзывчивый простор
Не усмирится до тех пор,
Покамест дара внятной речи
Я вновь
Не обрету вполне,
Покамест не дождусь я встречи
С тобою
В предстоящем дне.

* * *

А все-таки
Какое расстоянье
Между долиной — сердцем
И горой — умом?
То расстоянье
Я не в состояньи
Измерить на пути своем земном.
Порой мне даже кажется:
Оно
Всей жизни моей длительной
равно.

Все не могу я
Вырваться из плена
Сурового, холодного ума:
Здесь надо всею жизнью
неизменно
Господствует блестящая зима;
Здесь вечные, нетающие льды —
Рассудка постоянные плоды.
О, поспеши же
Мне на помощь, милый!
Я тихо замерзаю среди льда.
Огонь —
И тот теряет свою силу,
Как только попадает он сюда.
В сосульку превращается слеза,
Едва покинет жаркие глаза.
Здесь все ложится
На весы рассудка —
И взвешен каждый вздох
И каждый шаг...
И в том плену
Мне оставаться жутко,
А без тебя
Не вырваться никак.
Я заклинаю:
Милый мой, приди,
И за руку возьми,
И уведи,
И сократи
Вот это расстоянье,
Которого измерить не могу.
Возьми туда,
Где радуги сиянье,
Цветов и пчел слиянье на лугу,
Где каплями дождя звенит апрель
И не смолкает в рощах птичья
трель.

Была я среди птиц
Когда-то в детстве
И крылья там оставила свои.
О, возврати меня
В долину сердца,
В долину безрассудочной любви!
Я не сумею вырваться сама
Из непомерно трезвого ума.

* * *

Не ищите моего избранника
Средь красой прославленных
мужчин,
Ни среди джигитов
Или странников,
Ни среди достигнувших вершин.
Он среди ничем
не примечательных,
И от них
Лишь тем он отличим,
Что он свет очей моих
взыскательных,
Что он мною преданно любим.
На слезах
И на тумане утреннем,
На дождях,
На счастье и тоске
Замесила я любовь, как будто бы
Тесто на согретом молоке.
Он для вас —
Поляна неприметная.
Мимо вы проходите спеша.
Для меня же он —
Гора заветная,
Чья вершина — чистая душа.
К ней ведет меня тропа суровая,
В поворотах резких и крутых;
Я иду по ней,
На все готовая,
Полная мечтаний золотых.
Бьется сердце гулко и
восторженно —
Мне уже не страшно ничего.
О природа,
Ты ль не растревожена
Частым стуком сердца моего!
То меня выводит утро раннее
К месту,
Где нежнейшая трава,
Но едва
Переведу дыхание,
С облегчением вздохну едва,
Как меня уже в кусты колючие
Вдруг бросает горная тропа:
На руке моей
Кровинки жгучие,
И в глубоких ссадинах стопа.
То родник мне на пути
встречается,
И лицо мое в нем отражается,
Но, нагнувшись,
Я из родника
Не успею сделать и глотка,
Как тропа отталкивает
к пропасти,
И стою
На гибельном краю,
Замерев,
И чувство безысходности
Тихо кружит голову мою.
Мой избранник!
Он для вас не более,
Чем ручья обычного вода.
Тот ручей,
Не скинув даже обуви,
Вы перешагнете без труда.
Ну, а для меня же мой
возлюбленный —
Океан,
Где волнам нет числа.
Я плыву,
Рискуя быть загубленной,
Я плыву без лодки и весла.
Я себя волне его доверила,
Обнимаю каждую волну,
Все плыву —
Не доплыву до берега,
Все тону,
Но не иду ко дну.
Мой любимый!
Необычна речь его,
Хоть особый дар ему не дан.

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

Без моей любви — и спорить
нечего —
Не гора он
И не океан.
Но когда бы он в моем сознании
Не был океаном и горой,
Не было б ни счастья,
Ни страдания
И любви, возможно, никакой.

* * *

Словно наших две судьбы...
Я сегодня повстречала
На прогулке две тропы.
Я не знаю их начала.
Шли они из глубины
Голосистого ущелья,
То плелись, а то летали,
Как летают наши сны.

В гору две тропинки шли
То в молчанье сиротливом,
То со скорбью всей земли,
То в молчании счастливом.
То сближались на ходу,
То надменно отстранялись —
Отрешенно углублялись
В голубую высоту.

Тяжесть чувствуя в груди,
Шла вослед я тихим шагом:
Неужели двум беднягам
Путь единый не найти?
Я устала от ходьбы,
Но сошлися, слава богу,
Наконец в одну дорогу
Две тропы, как две судьбы.

Стало легче на душе,
Стало в небе больше света...
Только дальше я уже
Не пошла,
Страшась, что где-то
Разойдутся две тропы,
Словно наших две судьбы.

* * *

На свадьбе я присутствую чужой,
Не ты со мною рядом,
А другой.
В разгаре свадьба.
Веселятся люди.
Дымится мясо на старинном
блюде.
Хватило бы одной моей улыбки,
И был бы непомерно счастлив тот,
Кто в рюмку мне вино льет
из бутылки
И разные мне яства подает.
Одна б улыбка —
И воспрянет он,
Тот, кто всецело мною поглощен.
Дабы душе его развеселиться,
Что стоило мне, право,
притвориться?

Но жизнь,
Что столько знаний мне вручила
И столько мастерства мне
принесла,
Притворствовать еще не научила,
Я этого не знаю ремесла.
В разноголосом свадебном кругу
Пытаюсь улыбнуться — не могу.
Прислушиваюсь к шуму
атмосферы,
И очи увлажняются от веры,
Что ветер
Твоим голосом наполнен,
И два его крыла,
Как паруса...
О если б ты со мною был
сегодня,
Улыбкой бы цвели мои глаза,
Улыбкою,
Омытою слезой...
И все же рядом — ты, а не другой,
Моя ладонь лежит в твоей ладони,
И в огненном напитке
Льдинка тонет...

* * *

Из суеверья нелюдимого
Стихам названья не даю,
Ведь имя моего любимого
Я в глубине души таю.

Оно — единственное верное
Заглавие к стихам моим,
Но, любящая, суеверная,
Я рисковать не смею им.

Его я спрятала за звездочки
В начале чистого листа.
Так птицы прячут свои гнездышки,
И это вовсе неспроста.

Гнездо тогда лишь птице дорого,
Когда оно затаено,
Когда от друга и от ворога
В листве упрятано оно.

Но если взгляду, пусть
случайному,
Оно доступно стало вдруг,—
В тревоге птица и в отчаянье
Над ним за кругом чертит круг.

И каждый звук уже сомнителен,
И каждый шорох — птице враг,
Уже не может быть обителью
Гнездо раскрытое никак.

И существо, на все готовое
Готовое и смерть принять,
Высматривает место новое,
Чтоб новое гнездо создать.

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Обширная критическая литература, посвященная творчеству великого советского классика, основоположника искусства социалистического реализма Алексея Максимовича Горького, недавно пополнилась еще одним интересным исследованием — книгой А. А. Волкова «Путь художника». Она содержит в себе анализ произведений, созданных писателем в дооктябрьский период.

Полемизируя с зарубежными «знатоками» советской литературы, «которые отводят Горькому роль художника-консерватора, чье творчество якобы полностью является традиционным», автор исследует идейно-художественное новаторство буревестника пролетарской борьбы.

«Художественные искания Горького многообразны,— пишет А. А. Волков,— и в то же время целеустремленны... Все искания Горького были направлены на то, чтобы в революционном духе решить вопрос о судьбе народа». И далее на протяжении всей книги автор убедительно доказывает, что «именно на эпической основе открылись Горькому огромные возможности изобразительного мастерства, критического освоения и переосмысления опыта своих предшественников».

Рассматривая под этим углом зрения раннее творчество пролетарского писателя, А. А. Волков внимательно прослеживает путь, ведущий от характеров бунтарей в романтических легендах к созданию первого в литературе образа рабочего-революционера Павла Власова, героя романа «Мать».

По справедливому утверждению автора исследования, в центре внимания Горького всегда было положение народа и процесс его пробуждения. В связи с этой основной темой разрабатывается и тема босячества, характерная для многих рассказов писателя, и тема «российского мещанства, этого тормоза на пути к свободе», и тема интеллигенции — одна из основных тем горьковской драматургии.

Подробно останавливаясь на созданных Горьким образах босяков, людей, «бредущих по обочине буржуазного общества», А. А. Волков отмечает в их характерах неудовлетворенность мещанским бытием, делающую их выше той обывательской среды, за пределами которой они оказались в силу «инстинктивного стремления к «воле».

Анализируя первое крупное произведение Горького — повесть «Фома Гордеев», критик возражает самому автору, считавшему нетипичным образ главного героя повести, и приводит неопровержимое доказательство в пользу своей точки зрения: Фома Гордеев «типичен как показатель внутренней противоречивости» класса собственников, и его гибель, гибель «здорового человека в паутине собственничества», свидетельствует о духовном распаде буржуазии.

В повести «Трое», которую автор исследования называет «большой увертюрой к воплощению в художественных образах грандиозной темы народного протеста», изображена уже не только гибель одиночек, «восстающих против ига собственничества». А. А. Волков обращает внимание читателя на то, что в этой повести «мраку жизни... противопоставлена деятельность передовых людей во имя освобождения народа».

С темой народной жизни в творчестве Горького непосредственно связана и тема интеллигенции, отношения интеллигенции к народу, ее роли в борьбе народа за свое освобождение. В этом ключе автор книги рассматривает пьесы «Дачники», «Дети солнца» и «Варвары».

Всем ходом своих рассуждений А. А. Волков подводит читателя к мысли, которая, по сути, является центральной в его исследовании: «На долю родоначальника литературы социалистического реализма М. Горького выпадает особая задача — развернуть огромную панораму труднейшего пути, которым народ шел к власти. Создавая эпос освободительной борьбы народа, он пишет различные по объему и жанру произведения, в которых многообразие русской жизни рассматривается с подлинно народной точки зрения. Поэтому роман «Мать» нельзя отрывать от созданного Горьким ранее, ибо он преемственно связан с его предшествующими произведениями».

В третьей главе своего исследования, посвященной произведениям, созданным Горьким в годы реакции, автор подмечает основную тенденцию писателя — стремление «проникнуть в самые глубины народной жизни и найти в ней те здоровые начала, которые явятся основой будущей победы». А. А. Волков опровергает заявления современной Горькому буржуазной критики об «отходе писателя от революции в окуровском цикле» и подчеркивает, что «создание больших полотен о жизни уездной Руси явилось важной вехой в развитии основной темы горьковского творчества — темы о народе, о судьбах России».

«Художественному осмыслению эпического образа народа» подчинена и автобиографическая трилогия Горького. «Путь героя трилогии к революционному сознанию,— пишет автор книги,— ...представил сложность исканий истины человеком из народа».

Человеку из народа, всему жизнеутверждающему и активному в нем посвящены и многие рассказы цикла «По Руси», подробным разбором которого завершает свою работу А. А. Волков.

Автор исследования сумел показать и доказать, какую «активную роль в идейной подготовке революции играло все творчество Горького дооктябрьского периода, представляющее собой в целом огромную эпическую панораму эпохи».

Н. ЦВЕТКОВА

А. А. Волков. Путь художника. М. Горький до Октября. Издательство «Художественная литература». Москва, 1969.

А. СОФРОНОВ

ТРИ ВОСКРЕСЕНЬЯ

ЖИЗНЬ ПОД СТРАХОМ

Нас пригласили на вручение литературных премий имени Карлоса Паланго. Естественно, мы поинтересовались, кто такой Паланго.

Кончита, сопровождавшая нас в отель «Манила-Хилтон», ответила с явным почтением к этому имени:

— Карлос Паланго — китаец по происхождению. Когда-то он появился на Филиппинах очень бедным. Начал торговать. Разбогател. Принял католичество. Взял имя священника, обратившего его в католическую веру. Его предприятия выпускают различные алкогольные и прохладительные напитки. Между прочим, и водку под названием «Волга». Можете ее сегодня продегустировать... Сам Карлос Паланго умер 2 сентября 1950 года. Сегодня вручается премия 19-й раз после его смерти.

— Это государственная премия?

— Нет, конечно... Но ее называют национальной. Этим премиям придается большое значение... Все-таки какие-то суммы получают наши бедные литераторы. Всего вручается 18 премий: 9 — за произведения, написанные на местных языках, и 9 — на английском.

— Кто субсидирует эти премии?

— Компания, выпускающая алкогольные напитки. Это очень преуспевающая фирма.

Мы поднялись по широкой лестнице весьма современного американского отеля «Манила-Хилтон».

В большом зале на сцене сидело много людей. Сын Карлоса Паланго вручал памятные медные дощечки служащим своей компании, заработавшим эти дощечки за долгую службу коньячно-винной компании. Дощечки получали заведующий складом, престарелая секретарша Карлоса Паланго, несколько консультантов фирмы. Играл оркестр. Награжденные кланялись. После того, как отзвучали аплодисменты, Паланго-сын приступил к вручению конвертов с деньгами литераторам за стихи, рассказы, маленькие пьесы.

Меж рядами ходили слуги и предлагали гостям изделия фирмы: вина, виски, бренди и водку «Волга». Они вручали рекламный проспект спирто-коньячных изделий фирмы, весьма красочно представленных на проспектах цветной печатью.

Одним словом, все было торжественно и пышно.

Кончита и Гилопес Кабайо не уставали знакомить нас с десятками людей. Одним из них оказался молодой человек, только что получивший премию за пьесу. Когда Кончита сказала ему, что мы писатели из Советского Союза, он с некоторым недоверием посмотрел на нас.

— Из Москвы? — спросил он, глядя на нас, как на пришельцев, залетевших на Филиппины с Марса.— Как неожиданно!

— В каком театре идет ваша пьеса? — спросили мы его.

— В театре? — удивился наш собеседник.— Я получил премию не за то, что пьеса пойдет в театре, а за то, что я ее написал... Я немного сатирик и стараюсь писать по методу социалистического реализма... А вообще я еще присматриваюсь к жизни... У нас не проживешь на литературный заработок.— Здесь наш собеседник, словно почувствовав, что сказал не совсем то, что следовало, попрощался.

Изделия винно-коньячной фирмы, на этот раз бесплатно представленные в изрядном количестве, действовали безотказно. И литераторы и гости шумно спорили у праздничных столов.

Мы попросили Кончиту вернуть нас в «Манилу» без прибавки «Хилтон». Едва мы вышли из машины, как увидели нескольких американских солдат с филиппинскими девушками, поднимавшихся в свои номера.

...Еще когда шел конгресс поэтов, мы познакомились с высоким, уже немолодым человеком. Он подошел к нам и поблагодарил за сувенир, который ему прислал Евгений Долматовский. Я обрадовался: значит, сувениры, которые мы попросили доставить по адресам, дошли по назначению. К сувениру было приложено письмо Долматовского. Сеньор Рио (так назвался подошедший к нам человек) попросил перевести это письмо на испанский язык. Леонид Агапов, в совершенстве владеющий испанским языком, выполнил просьбу сеньора Рио. Какая-то грусть, смешанная со скептицизмом и внутренним ожесточением, сквозила в его взгляде. С ним была жена, молчаливая, с чуть широкими скулами. Звали ее Тереса.

Рио с интересом слушал выступления участников конгресса. Видно было, что для литературы он не посторонний человек.

Через день, когда мы были на шумном дне рождения хозяйки отеля, сеньор Рио оказался за нашим столом. На этот раз он был один, без жены.

— Она нездорова,— сказал он,— но очень просила пригласить вас к нам в гости в первый свободный вечер.

Еще тогда же, в отеле, смотря с интересом филиппинские и гавайские танцы, мы выслушали монолог сеньора Рио о своей жизни.

— Я предприниматель... Капиталист, как у вас говорят... Имею несколько кокосовых плантаций и два парохода для грузовых перевозок. Но когда-то я писал стихи... Печатал их, у меня выходили сборники. Я переписывался с испанскими революционерами. Храню, как дорогие реликвии, эти письма. Во время войны я и мои товарищи страстно желали победы Советскому Союзу над немецким и японским фашизмом. Каждую сводку мы слушали по радио с волнением. Я тогда написал стихи о Сталинграде. Это было после разгрома немцев на Волге. Мы вели борьбу с японскими милитаристами, оккупировавшими после разгрома американцев на Пирл-Харборе Филиппины. Я оказался в японском концлагере. Мы голодали. Мне угрожала смерть. Тогда я познакомился с Тересой. Она спасла меня. Я бежал из концлагеря... А теперь все в прошлом... Литература в прошлом. Борьба в прошлом. Теперь я гуманный капиталист...

— А что такое «гуманный капиталист»? — спросили мы его тогда.

Сеньор Рио задумался.

— Конечно, мне вам это трудно объяснить... Я стараюсь хорошо относиться к рабочим, которые у меня служат. Самые страшные капиталисты здесь филиппинские, им все дозволено. На них законы не распространяются. Сами они это называют ростом национального самосознания.

— Но, вероятно, рост национального самосознания происходит не только у филиппинских капиталистов, но и у тех, кого они эксплуатируют?

— Да, конечно... Но вот именно это приходится учитывать таким, как я... В частности, последним могиканам Испании, которых все меньше становится на Филиппинах.

— А кто же вас заменяет?

— Сами филиппинцы... И китайские капиталисты.

— А американцы?

— Да, конечно... Они еще очень сильны.

— Еще?

— На Филиппинах все больше растет протест против Соединенных Штатов. Но правительство играет двойную роль. С одной стороны, бюджет Филиппин во многом держится на американских деньгах, которыми США расплачиваются за свои военные базы на Филиппинах и за то, что Филиппины символично участвуют в войне против Вьетнама, а с другой стороны, оно не хочет показывать народу, что поддерживает США... Когда студенты недавно побили окна в американском посольстве в знак протеста против агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме, полиция появилась несколько поздно и не очень старалась успокоить демонстрантов.

— А как понимать символическое участие Филиппин в войне против Вьетнама?

— Какие-то строительные батальоны и тыловые организации. Но деньги платят за это большие... Кроме этого, экономика Филиппин привязана к Соединенным Штатам. Нефть на Филиппинах есть своя, но ее возят сюда из Индонезии, а перерабатывают ее здесь американцы. Медную руду отсюда везут в США, а оттуда продукцию из меди везут на Филиппины. Да и не только медь, многое другое... Правда, сейчас с американцами успешно конкурируют японцы. Странно смотреть, как филиппинцы активно входят в деловые контакты со своими бывшими врагами.

Во всем, что говорил сеньор Рио в отеле «Манила», было немало правды. Об этом нам рассказывали и филиппинцы. Но в словах Рио еще и сквозила тоска по былому владычеству Испании в этих внешне райских местах земного шара.

См. «Огонек» №№ 36—37.

Молодость Манилы.

Филиппинский пейзаж.

На улицах Манилы.

Вулкан Майон.

На рисовых полях.

В центре Манилы.

Вечер на Тихом океане.

Крестьянский двор.

Филиппинские школьники.

Река идет через Манилу.

Кокосовая пальма.

В районе базаров.

...Вечером за нами в отель приехал сам Рио. Машина у него была средних габаритов.

— Большие машины слишком бросаются в глаза. Не хочется ни в чем выделяться,— сказал он, когда мы мчались к нему домой.

Мы пересекли улицу и прямо поперек движения въехали во двор особняка. У сторожевой будки навытяжку стоял вооруженный полицейский.

— Вас охраняет полиция? — удивились мы.

— Иначе нельзя. Это Манила. Мы живем под вечным страхом. Когда-то жили без охраны. Но однажды ночью в дом ворвались пятеро гангстеров в масках. Связали нас и положили под кровать. Они хотели украсть старшего сына. Мы едва сторговались с ними. К счастью, деньги мы держим в банке... Они могли и убить нас с Тересой... Теперь у меня три охранника. Это дешевле и спокойней.

Рио показал двор своего особняка, в котором вдоль высокой ограды вытянулась какая-то длинная деревянная постройка с множеством дверей, похожих на кладовые, так как они были расположены на очень близком расстоянии друг от друга.

— Здесь живет наша прислуга,— сказал Рио.— У нас по дому работают четырнадцать девушек. Да еще четыре шофера.

Рио показывал особняк. Открыл дверь спальни жены. Возле ее постели стоял домашний коммутатор. На маленьком столике лежали счета.

— Тереса тоже занимается нашими предприятиями,— сказал Рио.— У нее свой участок. У меня свои дела. Сейчас в порту стоит на погрузке мой пароход. Я прикован к нему даже в воскресенье.

— Значит, в воскресенье ваши рабочие тоже на погрузке?

— Я плачу им все, что полагается. Идемте в мою библиотеку.

Мы вошли в маленькую длинную комнату, по обе стороны которой стояли пыльные шкафы, набитые пожелтевшими от давности книгами и папками.

— К сожалению, здесь я бываю все реже и реже,— сказал Рио.— Некогда.— Он достал черную папку и раскрыл ее. В папке, аккуратно подклеенные, виднелись выцветшие газетные и журнальные полосы со стихами.— Это мое прошлое. Правда, я и сейчас иногда пишу статьи... Но уже деловые...

— А стихи не пишутся?

— Какие там стихи! Какая литература! Я пуст... Внутренне пуст... Я сейчас должен думать о том, куда сбывать продукцию своих кокосовых плантаций. Как повыгоднее зафрахтовать корабли... Нам нужны новые рынки. Мы были бы счастливы, если бы торговали с Советским Союзом. Разве вам не нужно кокосовое масло?

— Наверное, нужно,— признались мы простодушно, не слишком представляя, насколько необходимо нам кокосовое масло.

— Пусть сюда едут ваши торговые делегации. Надо торговать. Пусть едут на Филиппины культурные делегации. Здесь не Америка. Филиппинцы сердцем понимают, что Советский Союз желает им добра...— Рио спрятал черную папку со стихами.— Если сказать вам правду, мы были счастливы с Тересой первые пять лет нашей жизни... Тогда, когда были бедны. Я начал с трех тысяч песо... Тогда я пил воду, а мне казалось, что в стакане молоко. А потом пошло и пошло. У меня есть деньги, но нет радости. И я уже не могу выпрыгнуть из этого колеса. Идемте, я покажу вам детскую...

В детской навалом лежали игрушки. Два мальчика с любопытством смотрели на нас. Один, побольше, сидел на диване, листая журнал.

— Вот этого хотели украсть гангстеры,— сказал Рио.— Можете представить, как мы это пережили! — Рио открыл двери туалетной комнаты. Рядом с ванной стояли два унитаза.— Это чтобы мальчишки не дрались,— сказал Рио.

Со странным чувством покидали мы дом сеньора Рио. Для чего так беззастенчиво он выворачивал перед нами свою душу? Почему ему так хотелось показаться перед нами «гуманным капиталистом»? Что за метаморфозы произошли в жизни этого человека, когда-то писавшего стихи, посвящавшего их Сталинграду?

И невольно мысли возвращались к тем литераторам, которые получали конверты с денежными премиями одновременно с консультантами винно-коньячной фирмы из рук отпрыска Карлоса Паланго. Как пойдут жизни у этих литераторов? Найдется ли у них воля и решимость пойти путем борьбы за свободу и национальную независимость Филиппин, или они подобно сеньору Рио будут сломлены, займутся коммерцией и только потом время от времени будут тоскливо перелистывать папки со страницами выгоревших и отзвучавших навсегда стихотворений?

ПАДРЕ САЛЬВАДОР, МИСТЕР ДЖЕРОМ И ДРУГИЕ

Дни летели один за другим. Мы не считали их, но все же знали один день — день отлета из Манилы. Мы дали телеграмму в Сингапур представителю Аэрофлота с просьбой забронировать места на прямой самолет Сингапур — Москва.

Еще в самом начале нашей жизни в Маниле тихий и застенчивый Леонидас, сам по профессии скульптор, получивший образование во Флоренции, имеющий мастерскую, выпускающую медные изделия, предложил нам слетать в одну из провинций Филиппин.

— Вы будете очень жалеть, если не воспользуетесь этой возможностью,— сказал он.

— Но надо, чтобы кто-нибудь сопровождал нас.

— Я полечу с вами и еще кто-нибудь.

Этим «кто-нибудь» оказался молодой священник Сальвадор Димиан, выпускник иезуитской семинарии в Маниле.

Вместе с Леонидасом он пришел к нам в отель. Мы еще не очень представляли себе, что перед нами священник, настолько он был подтянут, спортивен, весел, сыпал как из рога изобилия солеными анекдотами; одним словом, надо было иметь большое воображение, чтобы представить себе, что перед нами человек, только что назначенный в викариат провинциального города Сорсогон. Но падре Сальвадор не только рассказывал анекдоты. Уже во время первой беседы он засыпал нас вопросами:

— В каком положении находятся писатели в СССР? Что представляет собой движение афро-азиатской солидарности? Может ли русский священник жениться?

Вопросов было много. Падре Сальвадор наши ответы слушал внимательно, словно проверяя свои собственные мысли.

Отлет был назначен на половину четвертого. Небо набухло дождем. Мы с тревогой поглядывали на темные тучи: полетим ли? Но этот вопрос, видимо, беспокоил только нас. Здесь летают, как нам объяснили, при любой погоде, иначе авиакомпания теряет заработок.

Еще при посадке мы обратили внимание на высокого человека в светло-желтой полосатой рубашке. Голова его была тронута легкой сединой, массивная коричневая шея пересечена складками. При посадке падре Сальвадор учтиво поздоровался с ним.

Самолет поднялся в воздух. И сразу мы оказались над Тихим океаном. Солнце только кое-где пробивалось сквозь щели в тучах, отчего океан внизу приобрел какой-то странный темно-жемчужный цвет. Слева под нами виднелся океан, а справа черные, густо поросшие лесом горы. Но это было только в начале полета. Где-то мы на короткий срок вырвались из облаков и увидели внизу высокие, торчком стоящие дымы редких домов, расположенных на холмах, вокруг которых поднимались бесконечные плантации кокосовых пальм. Снова стало темно. Все было перечеркнуто прямой сеткой дождя. Самолет затрясло, как на плохой дороге. Без грозы не обошлось.

Зажегся свет на табло: «Привязаться».

Падре Сальвадор, несмотря на качку, подошел к нам.

— Если ливень не пройдет, вернемся в Манилу... Это будет жаль... Вам было бы интересно поговорить с этим американцем. Он в Легаспи владеет кокосовой плантацией, фабрикой кокосового масла и удобрений. Любопытный экземпляр!

Но все же ливень кончился. Самолет сделал короткую пробежку и остановился возле маленького здания аэропорта в Легаспи. Возле самолета Сальвадор познакомил нас с американцем.

— Френк Джером,— сказал он, протягивая огромную руку, поросшую рыжей шерстью.— Если не возражаете, приглашаю вас переночевать у меня на фабрике.

Мы вопросительно посмотрели на падре.

— Да, да,— закачал он головой.— У мистера Джерома будет лучше, чем в других местах.

— Я заеду за вами,— проговорил Джером, не спуская с нас глаз.

— А мы пока поедем к другу моего отца. Он хирург, делает любые операции, но я надеюсь, что за те часы, которые мы проведем в Легаспи и Сорсогоне, нам не придется пользоваться его помощью. Повезет нас Альберто, его сын и мой большой друг.

За рулем сидел красивый молодой человек с черными веселыми глазами.

— Это и есть Альберто Байлаи... Он тоже хирург, не терапевт. Терапия, как известно, вещь в себе... Еще никто не знает, что такое терапия.

— Это вроде религии, падре,— ответил Альберто,— все верят, но чему верят, никто не знает.

— Вот следы его учения в Нью-Йорке — скепсис и безверие,— захохотал Сальвадор.

Мы въехали в маленький городок Легаспи. По асфальту бежали потоки мутной воды. Домики были небольшие, неказистые. Возле них стояли плохо одетые люди. На одном углу Сальвадор придержал Альберто за руку. Машина замедлила ход.

— Вот отель, который строит папа Альберто. А это кинотеатр, владельцем которого является папа Альберто. А это больница, хозяином которой является папа Альберто. Так я говорю, Альберто?

— Так.

— В больнице сто коек. Так, Альберто?

Впереди сквозь голубую дымку поднялась островерхая гора. Над ее вершиной стояло дымное, расползающееся по синему небу облако.

— А это вулкан Майон... Обычно раз в десять лет старик сердится и выбрасывает лаву. Последнее извержение было в шестьдесят седьмом году, так что, надеюсь, нам с вами ничего сейчас не угрожает.

Мы въехали в небольшой двор, усаженный цветами, и остановились возле дома с большой открытой верандой. На крыльце стоял пожилой человек с усталым, морщинистым лицом.

— Рад вас видеть,— сказал доктор Байлаи.— Вы, наверно, проголодались? Прошу к столу.

В комнате было влажно. По потолку столовой бегали ящерицы. Нас угощали дарами Тихого океана — рыбой и креветками с острыми соусами. На столе горками лежали бананы, еще какие-то фрукты...

Доктор неторопливо рассказывал о жизни Филиппин:

— Я человек старых взглядов... И для нынешних молодых людей, вероятно, не очень приемлем... Музыку я люблю старую. Конечно, наша филиппинская народная не очень современна, но я ее люблю. Привержен к европейской классике. С трудом переношу современную американскую, которая, к сожалению, почти вытеснила нашу национальную. Но музыка — это все же не главное. Сейчас бурлит все наше общество. Политически мы как-то даже и свободны... Но экономически мы прочно привязаны к Америке. Мы в основном добываем сырье, которое идет в Америку. Если во время японской оккупации мы еще что-то научились сами делать — текстиль, сахар, еще кое-какие предметы первой необходимости,— то сейчас наша национальная промышленность не выдерживает состязания с такой высокоразвитой экономикой, как американская... Конечно, легкая промышленность у нас есть, но тяжелой нет, значит, мы рабы. Срок договора с Америкой кончится в 1972 году, но надежд особых на перемены у нас нет. Лучше стало с получением нашей молодежью образования, они кончают школы, уни-

верситеты, но работы мало.— Доктор грустно улыбнулся.— Конечно, для богатых филиппинцев таких проблем не существует,— он взглянул на сына,— наши дети получают и образование и работу... Так я говорю, Альберто?

— Да, отец... Но я бы очень хотел продолжить образование в Советском Союзе. Я много слышал о больших успехах советской медицины,— сказал Альберто.

Мы уже заканчивали ужин, когда в столовую вошел Френк Джером. Он был все в той же полосатой рубахе. Мы перешли в гостиную и уселись с Джеромом на большой диван. С его приходом хозяин дома как-то замкнулся, затих, а может быть, просто предоставил нам возможность ближе познакомиться с американцем, по виду своему мало чем отличающимся от портовых докеров. Я спросил Джерома, какие дела привели его в Легаспи.

— Очень серьезные,— сказал он.— У меня здесь дело. Местные парни, что работают на моих плантациях и на фабрике, задумали создать профсоюз. Им, видите ли, не хватает денег на жизнь! Но я этого не потерплю. Их не устраивает, что погрузка пароходов производится конвейером... Несколько десятков филиппинцев лишились работы... Что же, из-за них я должен терять свои деньги?

— Вы постоянно живете на Филиппинах?

— А чего мне здесь постоянно жить? Мой дом в Лос-Анджелесе.

— Но ведь американские рабочие имеют профсоюзы и часто бастуют?

— Филиппины не Соединенные Штаты. У нас там неграм не разгуляться. Что такое негр в Штатах? Грузовая лошадь. Она никогда не будет рысаком. К сожалению, здесь мы не всегда хозяева... Но ничего, пробиваем бюрократизм... За деньги можно все сделать. А вообще все это пошло от вас.

— Что это все?

— Все эти забастовки, профсоюзы... Революции.

— А вы всегда были капиталистом?

Джером усмехнулся:

— Я? Я из Аризоны... Слышали такой штат?

— Да... Даже бывали...

— Бывали? — удивился Джером.— Может, вы знаете и моего друга Голдуотера?

— Знаем по печати... Мрачная личность.

— Да что вы! Он честный малый. Говорит, что думает... Если б вы узнали его, он бы вам понравился. Но к черту Голдуотера... Я узнал, что русские приехали, захотел познакомиться... Я никогда в жизни не видел русских. Появилось желание посмотреть, что вы такое представляете... Узнать, можно ли торговать с вами. Тут до вас рукой подать по Тихому океану. Раз я стал капиталистом, я должен торговать, а торговать все труднее... Да тут эти еще местные стремятся ухватить от нас побольше... Я-то знаю, что они думают. Сам был в их шкуре. Нас три брата. Я самый младший. Мне шестьдесят. Старшему семьдесят три. С чего мы начали? С коровьего дерьма. Собирали на пастбищах коровий навоз на удобрения и продавали. Сами с головы до ног были в дерьме, но делали деньги. Кое-что заработали. Стали потрошить коров, разделывать шкуры. Дело пошло. Нашлись потребители в Лос-Анджелесе, в других городах. Дальше — больше. Наняли корабль. Повезли продукцию в Японию. Страна обжорливая, все съест. Приехал на разведку сюда... Увидел: можно делать дела. Купил плантацию. Построил фабрику... Сейчас 175 рабочих здесь, в Легаспи.

— И это все у вас на Филиппинах?

— Стал бы я из-за одной фабрики возиться! Хватит их тут у меня... Мотаюсь от одной к другой... Тяжело. Сопротивление появилось... А у вас фабрику купить можно?

Тут пришла пора улыбаться нам.

— Нет.

— Я ж и говорю, что все от вас и идет.

— А доходы у вас большие?

Джером помолчал, потом ответил:

— Ничего... Жить можно... Жена у меня здесь живет в трехстах милях... Дочь в Лос-Анджелесе замужем за агентом по сбору налогов у тех, кто их задерживает.— Джером посмотрел на часы и сказал: — Поедемте. Утром покажу вам фабрику.

Честно говоря, нам не очень хотелось уезжать, но было уже поздно что-либо менять.

Доктор Карлос, предоставивший нам редкую возможность побеседовать с этим «тихим американцем», обосновавшимся на Филиппинах, попрощался дружески с нами и подчеркнуто сухо с мистером Джеромом. Но Джером не обратил на него внимания.

Мы промчались по темным улицам Легаспи и остановились перед воротами фабрики. Вооруженный охранник поспешно распахнул створки ворот. В воздухе запахло жмыхом и маслом. Машина подошла к небольшому коттеджу.

В столовой на столе висела карта авиалиний компании «Панамерикен». Рядом с ней — портреты дочери и жены. Возле стены стояло расстроенное пианино.

— Поговорим еще? — спросил Джером.

Мы сослались на усталость, что, впрочем, было правдой.

— А хотите, служанка вам споет? Они все здесь хорошо поют,— предложил Джером с неуловимым оттенком снисходительности в слове «они».

Служанка ожидала приказания Джерома. Джером сказал ей: «Давай». Грустная, грустная песня на незнакомом языке зазвучала в коттедже. Джером зевнул, потянулся и ушел в свою комнату.

Служанка, видя, что хозяин ушел, виновато улыбнулась и проводила нас в комнаты. В комнате громко гудел аэрокондишен. Из-за стены доносился монотонный гуд работающей фабрики.

...Утром, когда мы появились в столовой, Джером уже пил кофе. Рядом с ним сидел белобрысый, лысоватый человек с голубыми глазами.

— Мой управляющий,— сказал хрипло Джером,— Эль Фьюль. Жена его бросила и уехала в Штаты, а он здесь живет с четырьмя детьми... Старшему его сыну семнадцать лет, и он учится зарабатывать себе на жизнь здесь.

Эль Фьюль улыбнулся, а Джером продолжал:

— Он мармон из штата Юта, города Солт Лейк-Сити, поэтому не курит и не пьет... Но зато у него три молодых служанки... Это его вполне устраивает...

Фьюль продолжал улыбаться.

— Ему повезло: жена бросила его... А я, когда приезжаю к своей жене, вынужден с ней по утрам играть в карты. Она просыпается в пять утра, пьет кофе и требует, чтобы я один час играл с ней в карты. Ставка два доллара... Целый час требует, чтобы я играл с ней... Я проигрываю, тогда она меня отпускает.

Фьюль улыбался. Джером поднялся.

— У меня мало времени: грузится пароход... Надо заняться еще этими парнями, что затевают забастовку... Кажется, придется давать им работу.

Шагах в пятидесяти от коттеджа стояла фабрика. Рядом с ней под навесом возвышались огромные цистерны, куда по трубам перекачивалось масло.

— Отправляю масло в Западную Германию... И удобрения туда же. Немцы знают, что им нужно.

Мы прошли мимо дышащих теплом агрегатов. К Джерому подошел, вытирая руки, филиппинец, что-то сказал ему. Джером покровительственно похлопал его по плечу. Он явно не хотел задерживаться на фабрике. Мы вышли во двор. К Джерому подошла девушка в розовом платье. Он и ее похлопал по плечу и сказал:

— С ней я живу уже пять лет, ради чистого удовольствия.

Девушка в розовом платье улыбалась.

В это время во двор въехали падре Сальвадор и Леонидас.

— Мы за вами,— сказал Сальвадор.— Сейчас поедем в Сорсогон. Я хочу показать вам приход, куда направили меня по распоряжению господа бога.

Все так же поднимался серый дымок над вулканом. Дорогу обступили заросли кокосовых и банановых деревьев. Изредка среди зелени виднелись бедные хижины. В зарослях бродили буйволы.

— В этом районе средний годовой заработок — семьдесят пять долларов. А в стране средний заработок — двадцать пять — пятьдесят долларов,— говорил падре, ловко ведя машину по изгибистой дороге.— Голода здесь нет, но рацион жителя, как вы понимаете, не тот, что нужен человеку. Я не доктор, но в рационе понимаю.

Появились голубые озера, заросшие камышом. Вскоре засинел океан. На полной скорости мы въехали в Сорсогон. Падре долго катал нас по маленькому городу, словно стараясь показать жителям, что вот он, молодой священник, в один из первых приездов появился в Сорсогоне с советскими людьми. Это не осталось незамеченным. Когда падре затормозил машину возле туберкулезной больницы, врач, встретивший нас, сказал:

— Мне уже позвонили и сказали, что вы находитесь в пределах Сорсогона... Какие дороги вы выбирали, что так долго ехали?

— Вы лучше расскажите о вашей больнице, где лечат дырявые легкие,— отшутился Сальвадор.

Врач не был расположен к шуткам. Глядя на сидящих с запавшими глазами пациентов, он серьезно сказал:

— На Филиппинах туберкулез — враг номер один. Наш район — в какой-то степени концентрат этой болезни. С туберкулезом никто не рождается. Им заболевают при жизни. Что я могу прибавить к этому?

— К этому прибавить нечего,— сказал падре.— Мы еще заедем к губернатору.

Но губернатора на месте не оказалось.

— Судья здесь,— сказал падре, возвращаясь в машину.— Но мы еще не совершили ничего такого, чтобы нам оправдываться перед ним. Заедем в викариат, пообедаем и на аэродром.

В чинном здании викариата, расположенном возле церкви, было пусто.

— Епископ сегодня отсутствует, что не так-то уж и плохо. Мне еще предстоит с ним послужить господу богу.

В пустой столовой слуга поставил перед каждым тарелку с рыбой и по кружке кокосового сока со льдом.

— Спиртных напитков в этом учреждении не держат,— сказал падре, аппетитно уплетая рыбу.

Мы смотрели на часы. Уже явно было пора ехать на аэродром. Последний самолет уходил, а на завтра были заказаны билеты на Сингапур.

Но падре не торопился. Он еще походил перед зданием, рассказал два-три анекдота и только тогда пригласил нас в машину. Мы помчались по шоссе. А в это время снова хлынул ливень. Смотря на мелькавшие мимо нас пальмы, мы поеживались.

— У вас не было неприятностей во время таких гонок? — спросил я его.

— Два года назад я мог оказаться на шесть футов под землей после столкновения на таком ходу с другой машиной, но как-то выкрутился.

Мы опаздывали.

— Ничего... Самолет без вас не уйдет.

Падре не ошибся. Когда на большой скорости мы подъехали прямо к самолету, возле трапа не было никого, кроме... кроме Френка Джерома. Он спокойно и уже равнодушно посмотрел на нас, пока мы выбирались из тесной машины, потом сказал:

— Я задержал самолет.

Выглянуло солнце. В последний раз мы взглянули на дымок, вьющийся над вулканом Майон, и вошли в самолет.

Македоний ФЕДОТОВСКИХ

В поэзию приходят поэты с грузом самых разнообразных впечатлений и лет. У иных характер еще не окреп в жизненных испытаниях, другие могут многое рассказать в своих стихах о себе и о том, как они искали в жизни все самое трудное, самое ответственное.

Македоний Федотовских — человек с сильным характером, любящий, как он сам признается, риск и романтику. Ему довелось быть летчиком-истребителем, узнать небесные просторы, потом испытать ряд профессий, изведать просторы родной земли, вплоть до ее суровых северо-восточных краев.

Он больше не работает как летчик, но небо осталось в его стихах:

Труд высотный —
мой день вчерашний,
Но услышу гул в вышине —
Словно пахарю запах пашни,
Запах неба навеет мне.

А на земле он подмечает, какой зеленой нежностью овеяны сады, для чего растет трава, на которую ступают ноги усталой девушки, как пронзительно сиянье осенних красок, где умирающие в лесу деревья «оделись так красиво», что «руки клен торжественно раскинул» и «рябина... в каплях крови, а смеется звонко...». Этого не поймут марсиане: «расставанье с летом, а сиянье».

Стихи Македония Федотовских наполнены внутренним волнением. Искренность и добрая сила человеческого чувства остановят ваше внимание, когда вы прочтете такие произведения поэта, как «Нюрка-дурочка», «Горсть земли», «Цена».

С напряжением звучит стихотворение «Полина», где поэт сумел сердечно и психологически верно передать мучения девушки, у которой любимый убит на фронте, и она, бросая вызов судьбе, целует подростка, похожего на любимого...

Там, на фронте, взорвется мина,
А в тылу саданет волной...
Это боль войны —
не Полина
Целовалась тогда со мной.

У Македония Федотовских готовится книга лирических стихов «Сиянье». И эти стихи, о которых я говорю, являются залогом того, что книга будет удачной. Конечно, автору предстоит еще много работы над собой, но в его стихах уже сегодня мы слышим голос настоящей поэзии.

Николай ТИХОНОВ

СИЯНЬЕ

Поглядят на Землю марсиане,
А у нас
осеннее сиянье!

Не поймут,
зачем, идя из лета,
Светятся березы тихим светом.

Не поймут, зачем в лесу осины
Умереть оделись так красиво.

Почему, в огне готовый сгинуть,
Руки клен
торжественно раскинул.

И рябина отошла в сторонку,
В каплях крови, а смеется звонко...

Не поймут, наверно, марсиане:
Расставанье с летом, а сиянье!

ТИШЕ: МИЛАЯ УСНУЛА!

Целый день косили
За Ольховым логом...
Отдохнем часочек
С милой возле стога.

А над стогом небо —
Крик лучей заката!
Пахнут руки милой
Солнышком и мятой.

Ко щеке травинка
Колкая прильнула...
Тише, поле, тише:
Милая уснула!

Не шепчите, травы,
Не скрипи, кузнечик:
Милая устала,
Бойкий человечек.

А с далеких далей
Взрывом громыхнуло.
Тише там, солдаты:
Милая уснула!

Кто там высью мчится,
Что полнеба в гуде?
Выключай моторы:
Милую разбудишь.

Запрещаю в мире
Топот, взрывы, гулы.
Слышите вы, люди:
Милая уснула!

Над ее плечами
Звезды сыплет вечер.
Чем бы мне укрыть-то
Маленькие плечи?

Вся ко мне прижалась
И во сне вздохнула...
Тише, мир весь, тише:
Милая уснула!

ДЛЯ ЧЕГО РАСТЕТ ТРАВА

Чудак я был раньше! Вот честное слово!
Считал ведь, что травы нужны лишь коровам.
А нынче я, братцы, такое увидел!..
Пригожая девушка,
из лесу выйдя,
Попала на светло-зеленое поле.
Сняла босоножки.
Кругом огляделась.
Босыми ногами ступила несмело,
Но поле щекотит, нисколько не колет.
Тогда осветилось лицо веселинкой,
Глаза — озорнинкой,
И, сдернув косынку,
Та девушка как закружи!.. Закружилась!
Аж платье над ножками зонтиком взвилось!

Лес так и ахнул, старик суковатый,
Хотя уж давно для любви глуховатый.

А стебли-травинки губами зелеными
За радостным телом тянулись, влюбленные...

Чудак я был раньше! Вот честное слово!
Считал ведь, что травы нужны лишь коровам.

Я ИДУ С ПОЛЕТОВ

Небольшой, приветливо-зеленый,
Ждет меня с полетов гарнизон.
Я иду усталый, в даль влюбленный,
Сняв пропахший небом шлемофон.
Я иду как будто из похода,
Ощущеньем скорости налит,
И дышу не просто кислородом,
А вечерней свежестью Земли.

А Земля! Видать, сама устала:
В дымке поле, приутих завод...
Сколько километров налетала,
Полная желаний и забот!

Каждым деревцем тянулась к свету,
Открывалась далью для меня...
Кто же, как не я, планету эту
Защитит от крови и огня?

Отдыхай, Земля, ночной порою.
А придет сигнал, тревожный зов,—
Вновь взлечу, крылом тебя прикрою,
Шар земной, родной из всех миров.

* * *

На Землю погляди —
на ней зеленый дым,
Зеленой нежностью овеяны сады,
И радуются веточки весне...

А может, нынче...
зеленеть и мне?

* * *

Так осень подмосковная нежна!
В ней мягкость августовская осталась.
В полях не слышно шелеста зерна,
В лесу уют, сквозная тишина,
Отдохновенье есть, но не усталость.

Не дрогнет ни травинка, ни листок.
Закат горит, приветлив, не прощален.
И неба край так легок и широк,
И запад в тех же красках, что восток,
И вечер весь нисколько не печален.

Вдыхается с кустов прохлада рос,
А лес еще не отгорел любовью...
Хочу, чтоб в памяти потом зажглось
И нежностью зимой отозвалось
Исполненное света Подмосковье.

ПОСТИГАЮЩИЙ ВРЕМЯ

Азербайджанская драматургия имеет крепкие традиции. Реализм и романтика в едином сплаве отличали творчество замечательных классиков: М. Ф. Ахундова, Д. Мамедкулизаде, Н. Нариманова и других. Позже в драматургии Джафара Джабарлы проявились еще ярче и сильнее национальные особенности художественной выразительности, психологической глубины, вдохновенной романтики. Когда читаешь пьесы, написанные Имраном Касумовым, не можешь освободиться от мысли о том, как органично его творчество продолжает традиции классиков и своих предшественников, зачинателей новой советской драматургии. Писатели старшего поколения воспевали человека, который мечтал о будущем, боролся во имя будущего, жертвовал жизнью, жестоко высмеивая зло, расчищая путь к торжеству света и радости. Имран Касумов создает образы героев сегодняшнего дня, своих современников.

Будущее, о котором мечтали, пришло. Касумов — истинно современный драматург. У него есть своя широкая тема — трудовая вахта его современников, духовный мир людей, строящих коммунизм. Ярким выражением творческой силы и социальной активности автора могут служить пьесы, вошедшие в сборник, выпущенный издательством «Советский писатель». Есть в этом сборнике сквозная линия, которая проходит через все пьесы: герои Касумова любят свою родину, любят Каспий. Возникает замечательный образ моря, красивого и опасного, доброго и требующего от человека мужественности, зовущего на подвиг. Сборник начинается драмой «Человек бросает якорь» и заканчивается романтической пьесой «Заря над Каспием».

Азербайджан — это также своя романтическая тема, и герои пьес Касумова интересны не только тем, что они типичные азербайджанцы, но и тем, что они интернационалисты. В каждой пьесе Касумова мы видим, как он глубоко чувствует, что такое единство народов СССР, братство советских людей. И не случайно пьесы Касумова идут в театрах других республик, а драма «Человек бросает якорь» поставлена на сцене московского Малого театра.

Что связывает между собою героев этой пьесы? Труд и дружба, которая куется в работе, опасной и романтической, побеждающей неукротимый Каспий. Образы молодого мастера бурения Рамиза, его матери Шамамы, русской девушки Нины поражают своей нравственной чистотой, любовью к людям и преданностью делу. Автор не боится острых и сложных отношений между героями своей пьесы, он убедительно показывает торжество правды в противоречиях и конфликтах.

И. Касумов и его герои шагают по жизни, точно зная время и его особенности. И названия пьес неотрывны от жизни и современных проблем. «Зачем ты живешь» — пьеса о сложном послевоенном быте и борьбе; а затем «Мы так недолго живем» — здесь уже мирный труд, но, в общем, тоже фронт. «Заря над Каспием» — события 1950 года, опять нефть Каспия, опять борьба и наступление мужественных людей на грозные стихийные силы.

Творчество И. Касумова в зените; в дружной многонациональной семье советских драматургов успешно работает талантливый писатель, посвятивший свое творчество советскому человеку труда.

Вл. ПИМЕНОВ

Имран Касумов. Человек бросает якорь. Издательство «Советский писатель». М. 1969.

УДАЧНЫЙ ДЕБЮТ

Самую обыкновенную историю из сегодняшней жизни поведал нам молодой писатель. В небольшой городок посылают в командировку Николая Свиридова, двадцатисемилетнего геолога, только начинающего свой трудовой путь. Трехмесячное пребывание Свиридова в заштатном сонном городке, похожем на большую деревню,— всего-то и есть в нем, что маленький заводишко,— дается автором скорее в бытовом плане: поиски квартиры, отношения с хозяйкой дома, с ее родственниками и квартирантами — вот что составляет предмет повествования.

А квартирантов у Анны Романовны предостаточно. У каждого из них свои дела, свои заботы. Все они кое-как ютятся в тесном домишке, покосившемся от времени, но живут дружно, просто, открыто. Живут по пословице: в тесноте, да не в обиде. И, пожалуй, «виной» этому сама хозяйка. Квартирантов она пускает не столько из-за денег, сколь от способности души своей откликаться на заботы и нужды других.

Жизнь не баловала эту женщину. Приходилось терпеть ей и нужду и голод, особенно в военные годы, когда она осталась одна с маленьким сыном на руках. Анна Романовна рано овдовела, но она знала настоящую, большую любовь и навсегда осталась верной своему чувству. И вот она одна. Сына вырастила, женила, помогла ему отстроить собственный кирпичный дом рядом со своей невзрачной хаткой. А одна она быть не привыкла. Потому-то у нее в доме всегда шумно: народ в основном молодой, веселый. Анна Романовна с ними и сама молодеет, напевает, проворно хозяйствует: тому постирать, того накормить. Ссор и неурядиц не любит.

Главное в характере Анны Романовны — открытость и простота. Она смотрит на мир, на окружающих ее людей с той чуть наивной непосредственностью, которая возможна, лишь когда в каждом, даже незнакомом человеке видишь друга. В Анне Романовне молодому писателю удалось создать образ простой русской женщины, удалось воплотить характер народный, типический. Быть может, женщина эта и обыкновенна, заурядна даже, но она очень привлекательна той широтой души, той естественностью характера, какие исконно были отличительным, основным качеством русского национального типа.

Много общего у нее по душевному настрою и с Николаем Свиридовым. Анна Романовна, по сути дела, простая крестьянка, а Свиридов — типичный представитель молодой технической интеллигенции. Но он выходец из такой же трудовой семьи. В том и видится заслуга Анатолия Кривоносова, что он сумел показать в этих людях главное связующее звено — их народную основу.

Бригада буровиков-разведчиков, в которой работает Николай, выполняет самое прозаическое задание: ищет воду, чистую питьевую воду для жителей городка. Свиридов видит, что планы бурения составлены ошибочно. Ни одна из скважин воды не дала. На свой страх и риск он, не колеблясь, приказывает перенести буровую установку совсем в другое место — туда, где, по его предположениям, проходит водоносный пласт. Разные люди в бригаде. Одни равнодушно относятся к своей работе — лишь бы деньги платили. Другие понимают самую ее суть. К последним относится и бригадир Поперечный: он поддерживает предложение Свиридова. В конце концов они находят воду.

То, что задание выполнено успешно, то, что сам Свиридов еще больше укрепляется в мысли о личной ответственности каждого за выполняемое дело, то, что работа бригады оказалась не напрасной,— все это сплетается в откровенный разговор о самом главном: о месте человека на земле.

«Простая вода» производит впечатление рассказа очевидца, опускающего многие подробности. Так, например, в повести почти отсутствует пейзаж, что придает прозе Анатолия Кривоносова несколько спартанский оттенок. И все-таки в бытовых подробностях, в точном и кратком рисунке характеров, в общем настрое и звучании «Простой воды», даже в самой этой скуповатости на красочное слово видится нам удача литературного дебюта Анатолия Кривоносова.

Владимир ДРОБЫШЕВ

Анатолий Кривоносов. Простая вода. Журнал «Новый мир» № 6, 1970.

ПОВЕСТЬ О СУДЬБАХ СТИХОВ

«...на пороге возник взлохмаченный Семен Тимошенко...

— Вот что... Я обалдел, и мне некогда. Миша! Я делаю картину «Три товарища». И к ней нужна песня, в которой были бы Каховка и девушка. Я устал с дороги, посплю у тебя, а когда ты напишешь — разбуди...»

Тимошенко спал недолго. Через сорок минут он был разбужен Михаилом Светловым.

«— Как же это так у тебя быстро получилось, Миша? Всего сорок минут прошло!..

— Ты плохо считаешь. Прошло сорок минут плюс моя жизнь...»

Впервые прозвучавшая с экрана в 1935 году, она сразу стала знаменитой, эта светловская «Каховка». В огненные дни 1941 года ее распевала вся страна. Но уже в следующем году «Каховка» пелась с иными, современными словами:

Под солнцем горячим,
Под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость,
Вперед, бронепоезд,
На запад, на запад лети!..

О творческом озарении поэта, о вдохновении рассказано в «Повести о стихах и их судьбах» Анатолия Елкина.

Современник и друг Михаила Светлова, Алексея Суркова, Ярослава Смелякова, Евгения Винокурова, Константина Ваншенкина Анатолий Елкин сумел поэтическим языком поведать читателю историю создания ставших всенародно известными песен «Гренада», «В землянке», «Если я заболею...», «Сережка с Малой Бронной», «Я люблю тебя, жизнь».

Увлекательный рассказчик, интересный собеседник, автор книги вводит нас в мир поэзии, открывает нам многое из того, что поневоле остается закрытым, за пределами читательского зрения, показывает нам лабораторию поэта, описывает его душевное состояние в момент наивысшего взлета, в момент творчества.

Читая эту книгу, мы беседуем с безвременно ушедшими Василием Кулеминым и Дмитрием Блынским, слушаем их опубликованные и неизвестные еще стихи, восхищаемся их чистыми русскими голосами. Мы глубже познаем философскую суть поэм Бориса Ручьева, Ярослава Смелякова и Егора Исаева. Мы уже иначе, как говорил Михаил Пришвин, «с родственным вниманием» относимся к творчеству советских поэтов, с которыми познакомил нас так близко автор «Повести о стихах и их судьбах».

Анатолий Елкин был одним из тех, кто открыл всесоюзному читателю трагическую, но мужественную судьбу неизвестного узника Заксенхаузена, помог вернуть его стихи родной земле. И они, особенно «Я еще вернусь к тебе, Россия», прозвучали гимном сильных духом.

Писатель Анатолий Елкин рассказывает нам еще об одном стойком солдате, поэте Владимире Фесенко.

В этой книге много удач. Но самая неожиданная и радующая сердце — это удача самого автора, сумевшего так образно и талантливо рассказать об удивительных судьбах поэтов и стихов.

Анатолий ПАРПАРА

Анатолий Елкин. Повесть о стихах и их судьбах. Издательство «Советская Россия». М. 1969.

Николай АСАНОВ, Юрий СТУРИТИС

ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

РОМАН

15

На следующий день после отлета Вэтры в Москву оперативные работники Комитета госбезопасности доставили в Ригу вещи шпионов. Сопровождали вещи Граф и Мазайс. Они должны были после тщательного и всестороннего осмотра специалистами шпионского имущества доставить все это снаряжение владельцам.

В вещах Альвираса были бумага для нанесения тайного текста, химикалии для проявления тайнописи, одиннадцать листов чистой бумаги, содержавшей тайный текст, письмо на латышском языке в двадцать страниц, между строк которого был написан текст, фиктивный советский паспорт, изготовленный в Западной Германии, со штампом прописки в городе Москве, печать УМВД по Московской области, фиктивные бланки командировочных удостоверений на русском языке, восемнадцать топографических карт районов Латвии и план Риги на латышском языке, шифры, коды, расписания радиосвязи.

Кроме бумаг, находились восемь пакетов в хлорвиниловой упаковке, содержавших восемьдесят тысяч рублей советских денег; электроприборы для определения напряжения тока в сети и для проверки работы беакона; пистолеты, более десятка автоматов и патроны к ним; две портативные радиостанции; две ручные динамо-машины для питания рации и зарядки аккумуляторов, много мелких предметов: даже спички, иголки, нитки, батарейки для карманного фонаря, медикаменты и тому подобное. Примерно таким же снаряжением был снабжен и Биль.

При специальной обработке бумаг, имевшихся в имуществе шпионов, важные письменные документы оказались у Альвираса: среди них письмо-инструкция для Бертулиса. Силайс в нем писал:

«Сердечный привет руководству и всем борцам! С искренней радостью вместе с Зариньшем шлем самые сердечные и наилучшие пожелания каждому борцу в день независимости нашего государства — 18 ноября. Наши лучшие пожелания, которые мы можем передать друг другу,— все для Латвии!

...Запад примет бой в любую минуту, когда бы он ни начался. Единственно, кажется, что Москва не желает провоцировать Запад. Но Запад использует этот промежуток времени для вооружения. Когда Запад окончит подготовку, он будет сильнее коммунистов...

Наша роль в смысле военной силы в будущей войне будет очень небольшой, так как нас мало... Все, на чем мы должны сосредоточить наши усилия,— это сохранить себя. Вот наша главная задача.

Я предполагаю послать к вам весной человека, который умеет обращаться с документами, и отправить с ним сотни две паспортов, чтобы те, кто имеет возможность, переходили по крайней мере на полулегальное положение, чтобы уменьшить количество партизан в лесу. Таким образом, действующих партизан будет легче обеспечить.

Твоя работа, друг мой, была очень хорошей. Но прошу тебя и впредь быть столь же осторожным и помнить о своей безопасности. Я, конечно, с удовольствием получил бы какую-нибудь информацию о русских военных силах или о том, что происходит в Лиепае или Вентспилсе, но без большой опасности для тебя.

На всякий случай я одновременно с этим письмом посылаю тебе восемьдесят тысяч рублей. Эта сумма предусмотрена для тебя и того нового друга, который ее тебе передаст. Для главной группы друзей деньги доставит ваш делегат, я посылаю им тоже. Тебе же предназначен и паспорт, имеющийся у нового друга. О деньгах переговори с руководством, я бы не хотел, чтобы они ушли за пределы группы, оказывающей нам свою помощь.

Для тебя будет еще одно письмо с буквами «АРТ», пересланное через твое руководство. Письмо храни, как свой глаз, пока мы не скажем, как быть с ним дальше. Лучше тебе это письмо закопать в окрестностях Риги и сообщить мне адрес, чтобы я мог передать другу, который пойдет за ним...»

Итак, Альвирас был главным из «новеньких», и трогать их не следовало, так как весной англичане решили повторить всю акцию. Надо только тщательно присматривать за ними. А шифр, который им передала английская разведка для связи, был пока что недоступен. Он находился в пакете, вскрыть который мог лишь сам шпион. Следовало подождать, пока шпионы выйдут в эфир, чтобы доложить о своем прибытии.

После осмотра и тщательной укладки всего снаряжения шпионов, заделки пломб и отличительных знаков мешки и чемоданы присыпали привезенной с собою землей со взморья, и они обрели такой вид, будто их только что выкопали из тайников. Граф сообщил генералу Егерсу, что Альвирас просит господина Будриса дать ему аудиенцию... Получалось, что Альвирас действительно был старшим в группе. Генерал попросил от имени Будриса передать, что из-за воспаления легких Будрис встретиться с Альвирасом сейчас не сможет, но при первой возможности навестит нового «друга» либо в лесном лагере, либо вызовет его на одну из своих конспиративных квартир.

Первые дни шпионы вели себя спокойно. Альвирас, которому, должно быть, хотелось произвести впечатление на «лесных братьев», держался этаким удальцом: мне, мол, и море по колено! Он все досадовал, что переброска вещей из тайников задерживается: будь у него под рукой его рация и оружие, он тут же объявил бы войну большевикам! Биль больше помалкивал, внимательно прислушивался к рассказам «братьев», мотал на ус любой намек на опасности, которые приходилось переживать отряду и отдельным его участникам...

Но не прошло и недели, как оба шпиона начали волноваться. Их беспокоило долгое молчание Графа и Мазайса. Теперь они расспрашивали, как происходили предыдущие высадки, всегда ли удавалось выручить оставленные в пограничной зоне вещи, как «братья» определяют, обнаружены ли следы высадки пограничниками, бывают ли преследования нарушителей границы и как глубоко в лес проникают в этом случае преследователи...

В этих расспросах чувствовалось влияние Вилкса: тот, должно быть, неоднократно рассказывал о собственном промахе при высадке, когда он и его спутники закопали свое имущество в пограничной зоне, а потом их помощник Приеде потратил две недели, пока разыскал клад. По-видимому, Вилкс тщательно инструктировал новичков перед отправкой их в Латвию и объяснял суровые правила конспирации у «лесных братьев».

Но окончательно шпионы успокоились только в тот день, когда в лагере незаметно и бесшумно появился Граф. Граф обрадовал новичков тем, что вещи благополучно доставлены в расположение лагеря, находятся в трех километрах,— подвезти их ближе не было возможности, но там на охране остался Мазайс.

С наступлением сумерек все шпионы и другие участники отряда направились за вещами, оставив в лагере одного Коха, которому поручили приготовить торжественный ужин в честь Графа и Мазайса, так блестяще справившихся с чрезвычайно трудным делом: общий вес груза превышал полтонны...

К ночи мешки, тюки, чемоданы были доставлены в лагерь. Все вещи были еще облеплены сырой землей, пломбы и печати целы, и шпионы от души поблагодарили Графа и Мазайса, выполнивших самую трудную часть задачи.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—37.

Возле бункера выкопали новый тайник, куда и уложили все вещи, кроме рации Альвираса и аккумуляторов к ней, так как Альвирас попросил разрешения выйти в эфир, чтобы сообщить в «Норд» о благополучном «приземлении».

Ужин удался на славу. В лесу было еще тепло, дичи сколько угодно, подруга главного кулинара Коха недавно передала своему возлюбленному большой бидон самогона «для лечебных целей».

Во время этого ночного пира Биль и Альвирас рассказали своим новым друзьям, что окончили в Англии шпионскую школу. На прямодушный вопрос Мазайса, зачем их понесло в эту школу, а не в какую-нибудь шоферскую или монтерскую, парни пожаловались, что испытывали тяжкую нужду, а подходящей работы не попадалось месяцами. Да если такая работа и находилась, так всегда рядом оказывался какой-нибудь тип, который начинал преследовать их за то, что они, мол, отнимают хлеб у настоящих англичан, и прочее и прочее. Короче говоря, они отчаялись в своих поисках, а в той небольшой латышской колонии, где они жили, проходу не было от «двинских соколов», которые все требовали от молодых латышей «активной борьбы» с большевиками, хотя сами что-то не стремились вернуться в Латвию с пистолетами за пазухой...

Говорили они откровенно, может быть, потому, что Лидумса, которого они побаивались, не было. И вообще рассказывали о жизни на Западе без прикрас, не чувствовалось у них и той животной ненависти ко всему советскому, которую питали шпионы, так сказать, старшего поколения, тот же «покойный» Петерсон, Вилкс и Эгле. Только Альвирас все же похвастался, что когда начнет самостоятельную жизнь, то еще покажет большевикам свой характер.

Рассказывали они и о прошлой жизни в Латвии, но своих настоящих имен не называли. Во всяком случае, вели они себя проще и более доверчиво относились к окружавшим их «партизанам». Возможно, это объяснялось их молодостью и отсутствием достаточного жизненного опыта.

Альвирас откровенно рассказал, что имеет особое задание: он должен связаться с некоторыми националистами, проживающими легально. Для этой цели он надеялся лично встретиться с Будрисом...

16

На следующий день Альвирас вскрыл один из своих шифровальных блокнотов, а ночью впервые вышел в эфир. Его выход, очевидно, ожидали с большим нетерпением, так как Альвирасу пришлось тут же начать прием довольно длинной радиограммы.

Англичане сообщали:

«Возникли непредвиденные обстоятельства, которые заставляют нас просить Лидумса после акклиматизации в Латвии совершить поездку по России. Мы хотели бы, чтобы Лидумс направился по железной дороге в Москву, а затем по железной дороге от Москвы до N, оттуда — на пароходе по реке К до города N, и на пароходе возвратился в Москву. Просят отметить (рекомендуется использовать средства тайнописи) замеченные во время путешествия места, в которых строят новые железнодорожные линии или ремонтируют и расширяют старые.

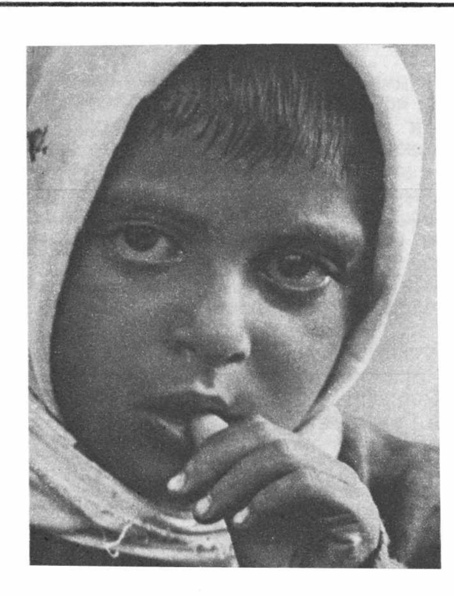
В городах, список которых есть у Лидумса, за номерами 13, 14, 15 и 16 находятся важные аэродромы. Если Лидумсу удастся их увидеть, он должен запомнить длину беговых дорожек, их конструкцию. Он должен осмотреть типы и количество самолетов, которые там находятся,— истребители, бомбардировщики и прочие, реактивные или винтовые и сколько моторов.

Были бы благодарны за каждую информацию в отношении самолетов, аэродромов, армейских частей, особенно в городах №№ 1, 3, 5, 7. В городе № 7 имеются военные штабы. Здания их находятся на углу следующих улиц: Заводской и Ленинской и еще на углу Ленинской и одной из улиц, идущей параллельно Заводской (западнее ее). Прошу отметить, какие армейские подразделения находятся в них, и обозначения на каждой воинской машине, какую можно увидеть стоящей возле штабов.

В городе № 7 прошу записать все в отношении аэродромов, заводов, особенно описания самолетов и их типы и количество. Обязательно дать точное место расположения заводов и аэродромов в городе и возле него...»

ОДНА

Ия МЕСХИ

Шестилетняя девочка Эльмира в нарядном красном платьице сидела у бабушки и пила чай. Сидела и молча наблюдала своими большими внимательными глазами, как бабка гремит посудой, как носится из комнаты в комнату, раздает подзатыльники другим своим внукам. Эльмире не перепадало: она была гостьей. Ей вообще интересно было в доме, вот таком, деревянном, с комнатами и окнами, из которых все хорошо видно, с балконами и лестницами. У нее самой такого дома нет. У нее кошма с камышовыми стенами, с войлочным верхом. Летом — высоко в горах, на зеленых пастбищах, зимой — внизу, в кишлаке, на Черной речке. А между этими двумя стоянками — село Мелгам, и то на очень короткое время.

Именно такое время и выдалось сейчас. Только что все чабаны с отарами поднялись в Мелгам, отец занялся своими делами на колхозной ферме, мать вместе со старшими ребятами принялась разгружать домашний скарб, а Эльмиру послала к бабушке. День клонился к вечеру, пришли соседки, принялись о чем-то судачить, громко и непонятно. Эльмире все это наскучило. Она отправилась во двор, постояла там, вышла на улицу и пошла, разглядывая дома, останавливаясь у заборов. Дом за домом, улица за улицей, все шла и шла. Мелгам — большое село, здесь когда-то родился великий азербайджанский поэт Хагани, здесь когда-то, в древности, была Медицинская академия...

Когда дома кончились, началось поле. За полем — стена хлебов. Девочка раздвинула стену и вошла в незнакомое желтое царство. Колосья смыкались над ее головой, а она все шла. Совсем не заметила, как стемнело. Кинулась в одну сторону, другую, потом сняла с головы платок, подложила его под голову и заснула. Она росла на воле, и воля ее не пугала.

Когда проснулась, в небе уже носились стрижи, солнце вставало, было тепло и радостно. Она услышала где-то недалеко звуки воды и захотела пить. Родник был у самой дороги, а за дорогой начинался лес. Эльмира напилась и присела у родника. Теперь захотелось есть. Она решила, что пора уже идти домой, к маме. Мама накормит. И пошла по дороге куда глаза глядят. Шла долго, а в животе все булькало. Поесть бы хоть чего-нибудь! Зашла в лес, а там, под листьями, ягоды земляники. Стала искать еще, все глубже и глубже уходила в лес. Ей нравилось здесь: тихо, птицы поют, пни поросли мягким мохом, лучи солнца пробиваются через листву, играют на траве. Спустилась в сухую балку, здесь было темновато. Вообще стемнело. И вдруг ей стало страшно от надвигающейся лесной мглы. Что же это такое? «Хочу к маме!..»

Плакала, кричала, звала — никого. Нарвала травы, сделала себе постель и заснула. Ей снилось, что пришла мама, принесла ей чурек, сыр, мацони... Утром встала и пошла уже тихонько, пошатываясь, часто останавливаясь. Но лес не кончался. Не кончался лес! И негде было есть.

К концу третьего дня, когда она сидела, усталая, прислонившись к дереву, к ней подошла большая «собака» с двумя щенками. На эйлагах много собак, больших, мохнатых овчарок с обрезанными ушами — она ни капельки не боялась их. Но это другая собака: глаза горят, уши торчат, сзади пушистый хвост. Спина у Эльмиры прилипла к стволу, в горле пересохло. «Собака» приблизилась к ней, обнюхала всю ее и стала сильно разрывать землю лапами. Комья больно хлестнули в лицо. Девочка прикрыла глаза ладонями, но не зажмурилась, а смотрела сквозь пальцы, как «собака» со своими детьми повернулась и исчезла за деревьями.

Она очень ослабела после этого визита. К тому же полил сильный дождь. Эльмира сделала над собой усилие и быстро собрала ветки, чтоб соорудить укрытие от дождя. Пока была занята строительством, забыла про «собаку», но когда построила и забралась внутрь, стало жутко: вдруг появится опять? Сняла с головы платок, крепко повязала глаза и легла ничком. Так она ушла от леса, от страха, от самой себя и забылась сном.

Наступил еще один день, на листьях сохранилась дождевая вода, но есть было нечего. Эльмира подумала, что надо поискать хотя бы ягод, и сделала несколько шагов, но тут же вспомнила про «собаку» и вернулась к своему шалашу. Шалаш стал домом, а с понятием дома связана безопасность.

Ей уже никуда не идти, да она и не может: голова кружится, ноги дрожат. Инстинктивно сберегая силы, она ползает на коленях, слизывает капли росы с травы, ищет кору и листья, которые посочнее. Спускается ночь — она повязывает глаза платком и ложится на животик. Ей снятся громадные простыни тонкого, в пузырях лаваша, белые реки теплого парного молока. Вот мать ткет на своем ручном станке узорный ковер — палас. Эльмира видит рисунок, видит движения рук, и все проваливается в глубине сознания. Вот приехал из Баку ее старший брат, Мирса-хаб, который учится на строителя. Потом она вспоминает своего самого младшего братика, Мехти, совсем крошку, которого носила на спине, чтоб он не плакал, и... сама начинает плакать горько-горько. Плакать от обиды, от бессилия и голода, от боли в желудке и ссадин на теле, оттого, что все путается, куда-то плывет, и нет уже ни дня, ни ночи, ни надежд, ни сил. Идут дни. Сколько их? Десять? Двадцать? Хотя бы «собака» пришла!.. Теперь она просто лежит ничком — худое, иссохшее тельце, прикрытое рванью, которая некогда была нарядным красным платьем...

Вдруг фыркает лошадь, трещат сучья. Краем глаза она видит, словно в тумане, лошадиные копыта, потом сапоги, чувствует, что чьи-то руки прикасаются к ней, поворачивают ее на спину, и лицо с усами наклоняется над ее лицом. Она не знает, что в тот вечер, когда ей захотелось погулять, бабка и родители, полные забот, поздно заметили ее отсутствие. Поаукали в деревне, пошарили в окрестностях. Наверно, заснуло где-нибудь кочевое дитя?..

Но и утром она не появилась. Всполошился весь Мелгам. Председатель колхоза имени Ильича Андрей Иванович Кастрюлин, герой Брестской крепости, отменил все работы, составил отряды, мобилизовал школьников. Стали искать планомерно. К вечеру заготовили факелы, раздобыли солярку, прочесывали лес возле Мелгама, пошли в горы, думая, что девочка, может быть, сама направилась по знакомой дороге на зеленые пастбища Гюгляр. Искали день, и ночь, и еще день. Как-то никому не пришло в голову, что Эльмира ушла совсем в другую сторону, к селу Чухурюрт, и осталась в другом, дальнем лесу, который называется Лесом предков — Улюдуз.

На третий день родители объявили поминки, приготовили плов. Мать оплакивала свою седьмую дочь. На седьмой день, согласно обычаю, поминки повторились. Все равно родители еще метались в надежде найти прах. Не может же человек исчезнуть без следа! На утро 23-го дня после пропажи Эльмиры семья отночевала в Гюгляр. Именно в это утро лесной сторож из Чухурюрта Алексей Иванович Половинкин взнуздал своего коня Кольку и отправился в дозор по глухой тропе в самую гущу леса. Тут Колька и стал фыркать, тревожно мотая мордой.

...Мы поднялись на высокий, обдуваемый всеми ветрами Гюгляр, чтобы увидеть девочку, которая сумела выжить. Палатка ее родителей Альсахаба и Сары Гидаятовых стоит рядом с другими чабанскими палатками. Оравы загорелых, здоровых, краснощеких ребят носятся по ровному травянистому плато, оглашая Гюгляр воинственными криками. И Эльмира вместе с ними. Она месяц лежала в сельской больнице под наблюдением врача Рафиги Фаттулаевой и пока еще выделяется своей белизной и недетским выражением глаз. Она неохотно вспоминает о лесе. Все это, наверно, потом будет всплывать в памяти. А может быть, и не будет вовсе, утонет, уйдет в глубины сознания, потому что самое страшное на свете — быть одной.

г. Шемаха,
Азербайджанской ССР.

Конец этой телеграммы англичане передали в течение следующего сеанса: они просили Лидумса дать полную информацию о заводах, примыкающих к реке К.

«Дорогой Лидумс, по прибытии в город № 5 прошу собрать подробные сведения о каждом воинском подразделении. Особенно о находящихся в казармах города. Необходимо обратить внимание на форму одежды, обозначение подразделений, на образцы оружия.

На реке К в городе № 8 пароход идет мимо верфи, на которой строятся подводные лодки. Эта судоверфь имеет два больших здания для спуска лодок на воду. Прошу заметить, имеются ли подобные сооружения на другой стороне реки. Необходима информация о каждом виденном корабле, находящемся в стадии строительства. Во время путешествия по рекам необходимо отмечать, какие пароходы были встречены. Среди них могут быть и военные корабли: фрегаты, истребители, минные тральщики и подводные лодки. Необходимо обращать внимание на отметки на бортах кораблей, указывающие на их осадку, это очень важно.

Также хотелось бы знать, приходится ли когда-либо пассажирским пароходам ожидать, чтобы пропустить мимо военные корабли, где и когда это произошло. Все вопросы: места, даты и время, когда видели военные корабли,— являются важными. Это все, что касается путешествия по России, но путешествие по реке К лучше провести весной, а другие прогулки можно и сейчас...»

Эту длинную радиограмму Альвирас принял за два сеанса. Но она доставила генералу Егерсу больше забот.

Итак, англичане сочли наконец группу Будриса не только надежной, но и одной из главных своих опорных точек в Советском Союзе. Это может означать только одно: по своей манере снимать сливки с чужого молока англичане попытаются использовать членов группы и для сбора разведывательной информации по другим районам Советского Союза.

Их разбирает жадность: завтра они могут потребовать, чтобы Будрис направил какого-нибудь шпиона за тысячи километров. Меньшим теперь они не удовлетворятся...

Егерс был прав. Через два дня у него на столе лежала новая телеграмма из «Норда»:

«Дорогой Будрис! Прошу информировать нас, имеется ли возможность направить кого-либо из вашей организации на несколько дней в город по списку Лидумса № 10. Последний является важной базой русского морского флота...»

Генерал Егерс вызвал «Бородача» Ниедре. Ниедре полтора года просидел вместе со шпионами, потом заболел, и его перевели на хутор. Сопровождали его Граф и Юрка, которые, вернувшись в лагерь, нагородили сто верт до небес и все лесом: «Бородача» будто бы захватили чекисты, Граф и Юрка еле спаслись.

Ниедре вылечился и теперь являлся помощником Будриса по всем «шпионским» делам. Он был уже капитаном, а в лес уходил старшим лейтенантом.

— Вот какое дело, капитан, вам надо немедля проехать на хутор к Арвиду и организовать из лагеря ответ на эту вот телеграмму «Норда». Так как Будрис пробудет в Москве не меньше месяца, то англичанам лучше сказать, что на выполнение их заданий Будрис пошлет своего человека в январе или в феврале...

Ниедре выехал на хутор и передал телеграмму Графу. Граф записал ее, чтобы шпионы видели: Будрис все еще болен. Так он ее и передал Альвирасу:

«Человека в город № 10 сможем послать только в январе или в начале февраля».

Через несколько дней последовала новая радиограмма из «Норда». Англичане благодарили Будриса за намерение оказать им помощь.

«Радуюсь,— писал Силайс,— что вы имеете возможность отправить своего человека в город № 10. Мы, правда, не знаем, кто этот человек по специальности и на какое время поедет туда. Все же предлагаем ему, как главную задачу, попытаться привлечь к сотрудничеству кого-либо из проживающих там надежных людей для регулярного наблюдения за расположением военного флота и установить связь с этим лицом по почте или другим путем.

В отношении военного флота нас интересуют те вопросы, о которых мы информировали Лидумса и обучили формуле наблюдения: для надводного флота — «Филмстар», для подводного — «Сиал». Пусть Лидумс объяснит вашему посланцу, что и как надо наблюдать в этом городе. Нас интересуют строения вблизи порта; как близко можно подойти к месторасположению флота? Имеется ли поблизости какая-нибудь высокая вышка, с которой можно было бы наблюдать военные корабли и устанавливать их класс? Какие корабли строятся на судоверфях на южном берегу реки? Можно ли проехать по реке из города в следующий город? Имеется ли регулярное транспортное сообщение по реке или по дороге на северном берегу реки от порта к порту?

Если пройти от подъемного моста по северному берегу реки от двух до трех километров на запад, минуя химзавод, цистерны с маслом и целлюлозную фабрику, то чуть дальше за фабрикой станут видны все военные корабли, которые находятся в городской бухте. На южном берегу реки, за фабрикой, расположены судоверфи. На каких верфях строятся корабли, какого типа, величины, сколько именно?

Если строятся и подводные лодки, то какой величины, длины и типа? Оканчивают ли строительство кораблей на месте, или они монтируются из готовых деталей?

Какие военные корабли и где именно видели в городе в последнее время, их названия, номера, описание. Лидумс знает, что является характерным для определения кораблей. Где стоят они на якоре? Если у вашего человека есть возможность проникнуть туда, пусть опишет все корабли, которые он увидит, а также все трудности, препятствия и все возможности для проникновения туда. Если туда идут поезда, пришлите расписание. Имеется ли какая-нибудь местная газета или журнал для моряков, которую кто-нибудь мог бы регулярно пересылать в Ригу...»

Вот какую «энциклопедию» затребовали англичане у Лидумса и Будриса!

17

Вэтру и Балодиса поселили на даче под Москвой.

Дача была обжитая, внизу — столовая, при ней — комната для домоуправительницы, еще несколько комнат — для гостей и обслуживающего персонала. Наверху в смежных комнатах поселили Вэтру и Балодиса.

В первый день вечером их посетили гости. Это были генерал Голубев и полковник Вавин, а с ними еще несколько человек, которым было крайне интересно поговорить с человеком, вернувшимся из «логова» английской разведки.

Утром началась работа, связанная с подготовкой отчета о выполнении Лидумсом задания органов госбезопасности в Англии.

После завтрака приехали стенографистки. Вэтра выбрал для работы гостиную: ему нужно было двигаться, стоять перед окнами, возвращаться к столу, за которым сидела стенографистка, диктовать ей фразу за фразой, потом опять стоять у окна... Балодис работал в столовой: там можно было прислониться к печке и помолчать, вспоминая, как худо живется в лесу суровыми зимами...

Вечерами выходили гулять. Шли к станции, порой уезжали в Москву, в театр или в ресторан, в воскресенье обязательно посещали выставки или музей. Этой осенью выставок было много.

Будрису доставили три телеграммы из Англии, полученные Альвирасом.

Итак, англичане желают, чтобы их «друг» Лидумс совершил длительное путешествие по России. Чтобы он побывал в Дольске,— там его легче всего поймать на ошибках, в Дольске бывают работники посольства, стоит Лидумсу неточно описать завод, и англичане будут это знать! Хорошо еще, что они решили ждать до весны. Так, а теперь телеграммы Будрису. Что значат эти слова: «Филмстар» и «Сиал»? Что интересует англичан в городе № 10? Наш флот?

Он прошел в комнату Вэтры. Тот возился со щенком, которого недавно они подобрали в лесу. За каждое выполненное приказание Вэтра угощал пса сахаром.

— Викторс, что такое «Филмстар»?

— Звезда экрана! — ответил Лидумс, подбрасывая мяч, чтобы собака поймала его.

— А еще что?

— Э, да ты, наверно, получил телеграмму из Лондона! Ну-ка, дай мне ее...

Лидумс читал и читал, и лицо его все больше и больше омрачалось:

— Они просят послать разведчика? Тогда им пригодится и «Филмстар» и «Сиал». Так вот, дружище: формула «Филмстар» относится к наблюдению за надводными судами и составлена из первых букв английских наименований частей судна.

Ф — фуннел: трубы и их количество.

И — идентификатион: опознавательные знаки, название или номер.

Л — ленгтх: длина судна.

М — мачта: мачты и их расположение.

С — спешиал деатурс: особые приметы.

Т — турт: артиллерийские башни, их количество и местонахождение.

А — армамент: вооружение судна.

Р — радар: локаторные установки, их количество и форма.

Все вместе собирается в слово-формулу «Филмстар», что можно прочесть как «звезда экрана». Конечно, это шутка, но от шутливого названия английская формула не становится более безобидной. А формула «Сиал» придумана для описания подводных кораблей:

С — спешиал деатурс: особые приметы, форма.

И — идентификатион: опознавательные знаки, номер.

А — армамент: вооружение.

Л — ленгтх: длина.

А теперь у меня к тебе один вопрос, товарищ полковник: не пора ли кончать эту затянувшуюся игру с англичанами? Теперь-то у них будет время на телеграммы! В ближайшее время вы, господин Будрис, получите столько заданий, что у вас не хватит времени на сочинение дезинформационных телеграмм в «Норд». Уж если господа англичане решили получить проценты на свои затраты, то постараются нажать на вашу группу...

— Прав-то ты прав, дорогой Вэтра, но не от меня все это теперь зависит. Игру надо продолжать. Хотя бы для того, чтобы англичане, сорвавшись здесь, не начали засылку новых шпионов в другие места!

— Ну, хорошо. Тогда я должен ответить Маккибину. Для этой цели мне необходимо съездить в Дольск.

— Эти англичане так верят в свой шпионаж, что никакому чиновнику из посольства доверять не желают. Шпионы, шпионы, шпионы, сорок тысяч одних шпионов — вот их мечта!

— А что будешь делать ты?

— Попрошу разрешения на отъезд. Англичане ждут многих сведений. Этим уж я займусь сам.

Вечером следующего дня полковник Балодис сел в поезд и покатил в Ригу.

Теперь с Вэтрой работал полковник Вавин.

Он привез данные о промышленности Дольска. А в один из дней они и съездили туда. Шел снег, погода была мягкая, машина бежала отлично. В Дольске посетили областное управление КГБ, выяснили, что можно и выгодно для нас сообщить англичанам. После этого Лидумс проехал по улицам города, сверяясь с планом, и запомнил местоположение некоторых предприятий. К вечеру вернулись домой.

Анна спрашивала в письмах, когда Викторс вернется. Может ли сама Анна приехать?

Лидумс понимал: надо как можно скорее заканчивать свои «мемуары». Но последнюю точку поставил к пятнадцатому ноября. В этот день Вэтру навестил генерал Голубев.

Голубев взвесил на руке папку с «мемуарами», сказал:

— Да, весомо! А сейчас мы заехали за вами!

Вэтра переоделся. Сели в машину.

Они миновали городской въезд, гостиницу «Украина», проехали мимо поворота на Садовое кольцо... Машина въехала в Кремль. Вот тут Вэтра заволновался!

К дому правительства прошли пешком. Широкая лестница вела в Георгиевский зал.

Генерал и Вавин были в штатском, не выделяясь среди приглашенных, просто сопровождали Викторса Вэтру. Теперь он чувствовал себя именно Викторсом Вэтрой, не было ни Лидумса, ни Казимира, был он сам — Викторс Вэтра. И едва они вошли в зал, как все смолкло.

Тут были ученые, инженеры, строители, шахтеры, колхозники, и это была та среда, в которой каждый чувствовал себя спокойно, ибо они все были друзьями, товарищами. И Викторс Вэтра успокоился, хотя сама церемонил награждения оставалась волнующей.

Когда его вызвали, он спокойно прошел к столу и сердечно поблагодарил за награду. Он был награжден орденом Красного Знамени.

18

Вэтра вернулся домой из длительной командировки и вытащил с чердака старые картины, которые требовалось «освежить». Когда друзья собирались у него в мастерской, он говорил, что лучшие полотна оставил в Москве, предложил их на выставку, к которой готовится.

Труднее всего было с Анной.

Что-то надломилось в ней. Ей было страшно нести в издательство свои рисунки, сдавать их, было трудно работать над ними, она все ждала от мужа, чтобы он помог, а как тут поможешь? Надо переломить себя — вот единственное лекарство!

Он предложил Анне сделать несколько портретов.

Сначала она отказывалась, но Викторс настоял. Первой ее работой стал портрет старой актрисы. Он пристально следил за работой жены и радовался ее успехам...

Чуть ли не каждый день звонил Балодис.

Викторс оказался прав... Англичане так насели на Будриса, что только поворачивайся! Работали обе рации — Альвираса и Бертулиса и задавали Будрису столько вопросов, что он составил длинный список, а Комитет госбезопасности предупредил некоторые учреждения, что их деятельностью чрезвычайно интересуются... англичане, и посоветовал этим учреждениям принять соответствующие меры для дезинформации противника...

В одной из таких телеграмм англичане передавали:

«Дорогой Будрис! Крайне необходимо, чтобы кто-нибудь из ваших друзей выехал в город по списку Лидумса № 15 на продолжительное время...

На берегу реки находятся важнейшие корпуса судостроительного завода, представляющие собой два больших ангара. В них производится сборка подводных лодок из готовых секций, поступающих с других заводов.

Необходимо зафиксировать типы подводных лодок и количество секций в них.

Длина подводных лодок примерно сто метров. Их спускают в реку ночью или утром около пяти часов.

Нужно зафиксировать дату спуска, размеры лодок, из каких дверей цехов они спускаются на воду.

В следующие после спуска дни наблюдайте подвоз новых секций.

Лодки перед спуском окрашиваются в огненно-красный цвет, и только после установки на них машинного и иного оборудования их перекрашивают шаровой краской.

Таким образом, по цвету можно определить, сколько новых лодок спущено на воду за определенный отрезок времени. Поэтому очень важно проводить наблюдения регулярно, если возможно, то через день.

Важно также знать, работают ли ночные смены и в каких помещениях. Вообще все, даже то, что, на ваш взгляд, кажется мелочью, для нас имеет очень большое значение...»

Круг интересов отдела «Норд» все расширялся. Правда, пока что Англия, бывшая владычица морей, большую часть своих вопросов и запросов связывала именно с морем. Но кто мог предсказать, чем англичане заинтересуются в дальнейшем?

Англичанам не терпелось пробиться за пределы Балтики. Им хотелось бы проникнуть на восток, юг, север. И Викторс с уверенностью предполагал, что не ему одному предстоит длительное путешествие, что такие же путешествия предстоят и Графу, и Мазайсу, и Делиньшу... Делиньшу в особенности, он же теперь Барс, лучший радист «Норда»...

Весной наступит время Викторса Вэтры. А за Викторсом придет день и для другого...

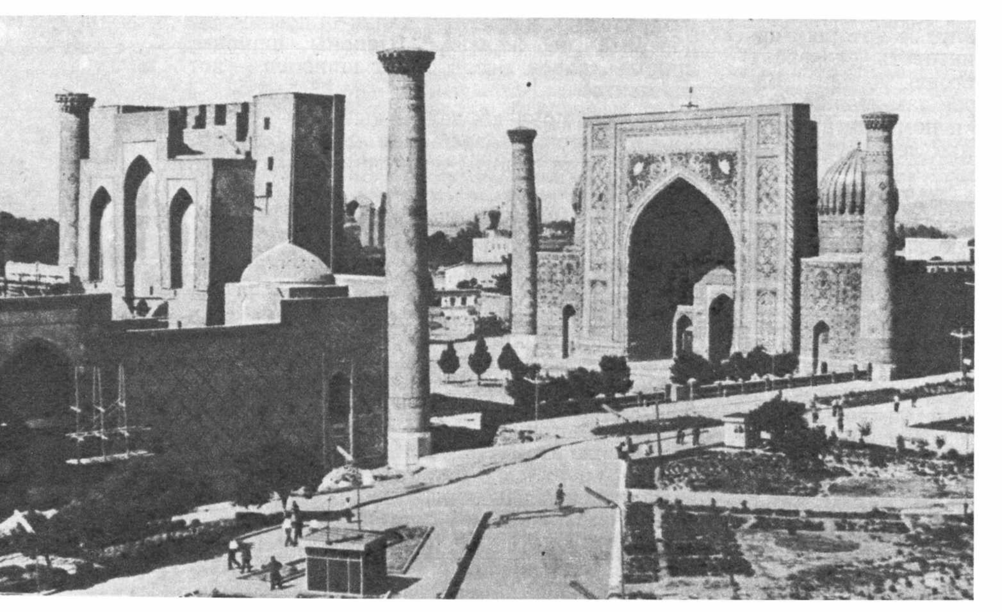
...Приближался Новый год. Викторс Вэтра готовился к выставке, писал много и хорошо. Анна взялась за портрет молодой девушки. Это было тоже очень хорошо, не потому, что портрет выписывался быстро и умело, нет, Анне все приходилось начинать очень трудно, каждую работу подолгу обдумывать,— а вдруг что-то выйдет не так? — и она постоянно советовалась с Викторсом. Но Викторс уже видел, что работа пойдет...

Свои тайнописные отчеты англичанам Викторс тоже послал. Он написал о Дольске, ответил на вопросы, касавшиеся нескольких других городов, правда, он туда не поехал, черновик письма составлял Будрис, Викторсу пришлось лишь переписать этот черновик, используя тайнописную копирку.

Ему приходилось ждать, ждать и ждать. Хоть бы все окончилось поскорее! Вот о чем он мечтал! Стать наконец самим собой!

Продолжение следует.

ПЕСНЯ О САМАРКАНДЕ

Близится один из крупнейших юбилеев в истории многонациональной культуры нашей страны. Самарканд готовится отметить свое 2 500-летие. Узбекские кинематографисты сделали хороший подарок к этой дате — фильм[1], рассказывающий о древнем городе. В славном ряду уникальных архитектурных шедевров, какими богата советская Средняя Азия, Самарканд занимает свое достойное место. Ровесник Рима, он пользуется заслуженной всемирной известностью. В городских ансамблях-шедеврах живет красивая душа узбекского народа, бьется его горячее сердце, камень и мозаика повествуют о таланте поистине безграничном и неиссякаемом.

Благодаря искусной работе режиссера, одного из зачинателей узбекского кино, народного артиста СССР М. Каюмова, и операторов Д. Салимова и Х. Файзиева мы видим на экране как наяву бессмертные творения узбекских зодчих. Мало того, средства современного кинематографа позволяют нам смотреть на них и разглядывать их так, как это, пожалуй, не удастся и с помощью самого опытного гида. Мы видим древние строения в разное время года и дня, в разных ракурсах, с земли и с воздуха, видим на экране увеличенными в сотни раз каменные узоры и крохотные миниатюры, написанные таинственными нестареющими красками.

Голубое ожерелье мавзолеев Шахи-Зинда. Вереница усыпальниц, которые, как это ни парадоксально, поют сегодня гимн не мертвым, а жизни, созиданию и таланту, поют о радости и красоте бытия... Мечеть Биби-Ханум. Это о ней сказано еще в древности: «Купол был бы единственным, если б небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если б Млечный Путь не оказался ей парой...» Обсерватория Улугбека, в которой он пять веков назад составил каталог тысячи звезд... Регистан — волшебный, словно из сказки возникший центр всего архитектурного городского ансамбля... Мавзолей Тимура с невесомым голубым куполом, устремленным в поднебесье...

Все эти чудо-картины величественно проплывают перед зрителями на экране. Но это фильм не только о Самарканде-памятнике, а о городе живом, богатом не одним своим прошлым, а также настоящим и будущим. Это фильм не только о Самарканде историческом, но и советском городе, в котором великая древность как бы обрела новую жизнь, еще ярче засверкала своими красками.

Да, это так! В трудном для страны 1919 году В. И. Ленин выделил средства на восстановление памятников архитектуры в Самарканде. Поистине государственный размах приняли реставрационные работы, вся страна помогала и помогает древнему городу сохранить для потомков творения узбекских зодчих. И об этом также с большой теплотой и убедительностью рассказывает фильм.

В ленту включено много интересных исторических кадров, таких, как, например, приезд в Самарканд М. И. Калинина. Нельзя без волнения смотреть и на старую кинохронику, рассказывающую о вскрытии учеными гроба Тимура в 1941 году...

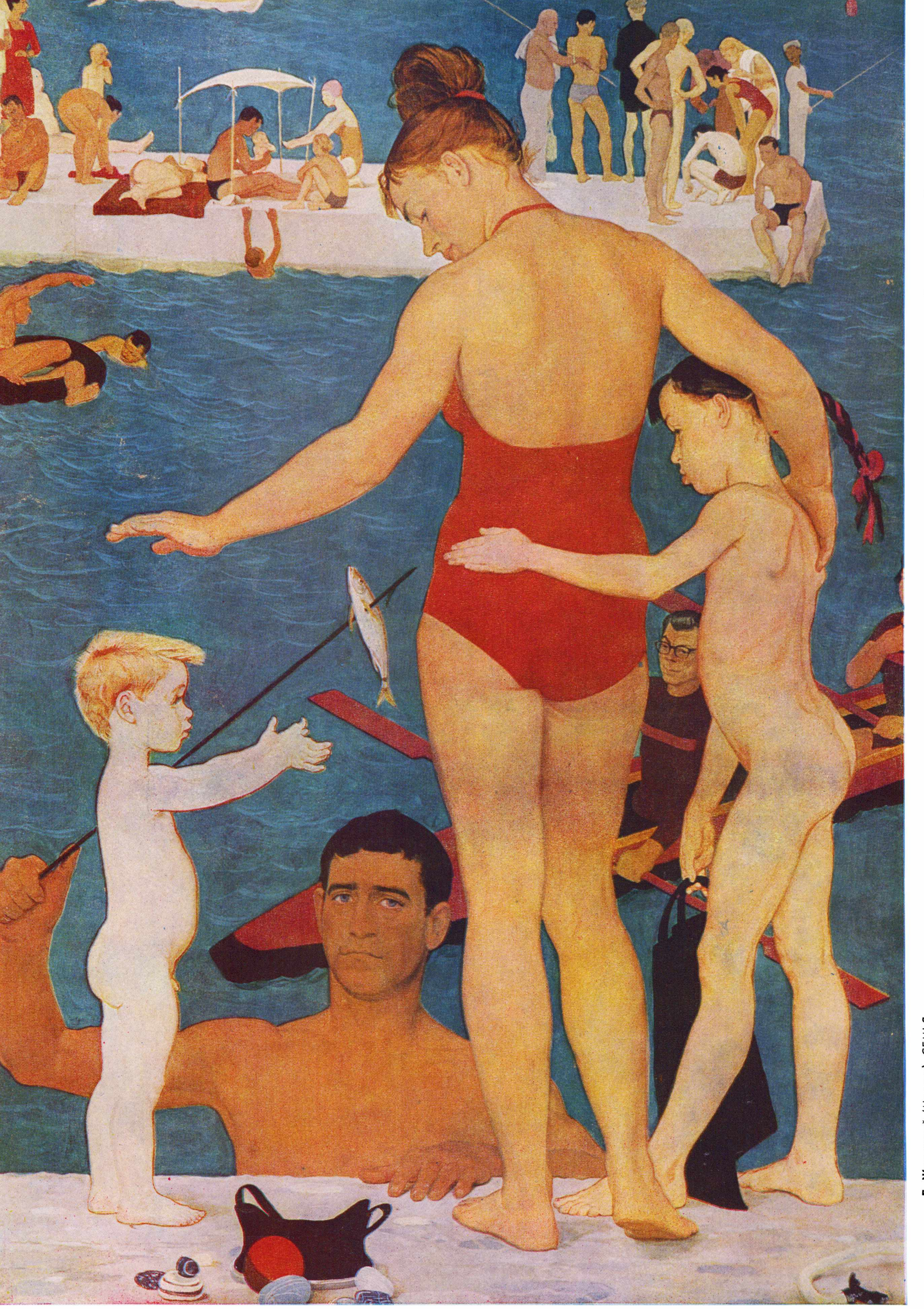
Хорошо показан в фильме и Самарканд сегодняшний, город рабочих и студентов, современных проспектов и изумрудной зелени, город древний и вечно юный.

В. ДМИТРИЕВ

[1] «Самарканд всегда со мной». Киностудия научно-популярных и документальных фильмов Узбекистана. Режиссер М. Каюмов. Операторы Д. Салимов, Х. Файзиев. Композитор А. Малахов.

Н. Абдурахманов (Баку). ТАЛЫШКИ. Государственная Третьяковская галерея.

Д. Жилинский (Москва). СЕМЬЯ.

Государственная Третьяковская галерея.

ЗВЕНИ, ГИТАРА СЕМИСТРУННАЯ...

К. ЧЕРЕВКОВ

Телеграмма звала меня в Москву. Времени оставалось в обрез, но все же я урвал минутку, чтобы позвонить по телефону другу, у которого обычно останавливаюсь, и предупредить его о моем приезде. Друг обрадовался, сказал: «Милости прошу, только не забудь, купи, пожалуйста, гитару и струны; это просьба Саши, он в ракетных служит...»

Я положил трубку и стал собираться в командировку: дело прежде всего. «Гитару, может быть, куплю в магазине, по пути на вокзал»,— подумал я.

По пути на вокзал гитар, конечно, не оказалось. Приехав утром в Москву, я сразу отправился на Неглинную: там солидный магазин музыкальных инструментов. К открытию дверей оказался в числе первых покупателей. Спросил гитару. Продавщица спокойно, вежливо ответила:

— Бывают, бывают... Заходите.

Но потом, узнав, что я приехал из Ленинграда, посмотрела на меня удивленно.

— Мы ведь продаем ваши же гитары, ленинградские. Наверное, их у вас проще купить!..

Мой друг был, конечно, весьма огорчен, увидев меня с пустыми руками.

— Если бы у нас было так просто гитару купить, разве стал бы я тебя обременять просьбами,— сказал он мне.

Извинившись, я обещал сразу же по возвращении в Ленинград выполнить Сашин заказ. Как только приехал из командировки, стал названивать во все универмаги, во все магазины Культторга... Мне всюду отвечали коротко: «Нет! Нет. Гитар нет!..»

Кто-то посоветовал мне съездить на Кузнецовскую улицу, в Дом музыки «Лира». Это специализированный магазин, недавно открытый в новом квартале.

Приехал в «Лиру». Огромный, красивый зал вытянулся по длине первого этажа большого современного дома; сплошь остекленные стены, изобилие света, просторно... Да и выбор богат. Здесь и скрипки и флейты, домры и балалайки, мандолины и баяны, пианино отечественных и зарубежных фирм...

И только гитар нет!

— Гитар не хватает,— поясняет директор «Лиры» Раиса Ивановна.— А когда поступают, так мигом их расхватывают. Мы уже исчерпали свой годовой лимит...

Что ж делать, поехал на фабрику имени Луначарского...

Директор фабрики — на утреннем обходе цехов. В приемной наблюдаю, как секретарь вскрывает конверты и вынимает письма.

— Может быть, хотите почитать? Берите любое, на выбор.

«Уважаемые рабочие. Пишет вам Вячеслав Нишенко. Мне 18 лет, работаю сварщиком на заводе железобетонных изделий. Очень люблю играть на гитаре. У нас в Иркутске их не продают, а жаль. Молодежь очень любит петь под аккомпанемент гитары. Помогите приобрести гитару вашей фабрики».

«Дорогой товарищ директор! Хочу поделиться своим горем. Несчастный случай лишил меня гитары, для меня же гитара — это мое сердце. Хожу как неприкаянный. Не откажите прислать семиструнную, за деньги, конечно. УзССР, Джаркурганский райцентр, Школьная, 3. Хашимов Борис».

«От имени нашего дружного боевого подразделения обращаемся к вам: пришлите семиструнную гитару и три аккорда струн для нашего оркестра. Стороженко Леонид».

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Помогите приобрести гитару: знаю, вы, ленинградцы, чуткие и не оставите мою просьбу без внимания. У нас в Хабаровске гитар в магазинах нет. До свидания».

Секретарь продолжает стричь конверты, а я вчитываюсь с интересом в письма.

Записываю в блокнот адреса городов и сел, где ждут гитар с особым нетерпением. Это Комсомольск-на-Амуре и Свердловск, Стерлитамак и Ленинабад, Тбилиси и Ровеньки, Хабаровск и Красноармейск, Соликамск и Донецк, Новомосковск и Пенза...

— Прямо-таки помешались на гитаре! — вздыхает секретарь.— Просят прислать не только гитару, но и струны, колковую механику, без чего семиструнка мертва.

Однако любители гитар напрасно лелеют мечту пробудить отзывчивость в сердце директора фабрики... Ведь предприятие только делает гитары, а не торгует ими.

— Мы даже не можем сразу ответить на все эти письма,— сказал секретарь.— Судите сами: за один только вчерашний день тысяча сто писем.

Нынешнюю влюбленность молодежи в гитару некоторые склонны считать всего лишь данью моде, каким-то очередным стихийным увлечением. И надеются, что рано или поздно это поветрие само собою уляжется и все успокоятся. Был же одно время ажиотаж вокруг пианино. Был...

Сторонники подобной точки зрения забывают, что «проблема пианино» исчезла отнюдь не сама собою. Она была **решена** — и то лишь отчасти — **общими усилиями:** быстрым расширением производства, мобильной перестройкой звеньев кооперирования.

Забывают, что и гитара с давних пор популярнейший народный любительский инструмент. Она както незаметно для многих вытеснила куда более популярные раньше баян и гармошку...

Зайдите сегодня в сельский магазин, и вы, может быть, увидите на прилавках и гармонь и баян. А вот семиструнка и здесь не залеживается! И дело тут не в «поветрии», не в очередном стихийном увлечении молодых людей. Думается, гитара наиболее созвучна нынешнему дню. Уезжая на стройку, студенческие отряды теперь всегда берут с собой не баян, а гитару. На службу в Советскую Армию парни уходят с гитарой. По общему признанию, наша массовая гитара обладает нежным звуком и приятным тембром, она поэтична и портативна. И что немаловажно — по своей стоимости самая дешевая в мире.

Да, наша отечественная гитара — это чудесный инструмент! И делается он умелыми руками рабочих фабрики имени Луначарского в Ленинграде.

Это предприятие пока что в масштабе Советского Союза не имеет себе равных ни по тиражу, ни по качеству выпускаемых музыкальных инструментов.

В минувшем году здесь было изготовлено 360 тысяч гитар для внутреннего рынка, не считая экспорта в США, Англию, Канаду, Австралию... Здесь делают еще и балалайки, мандолины, арфы, оркестровый щипковый инструмент, выполняют индивидуальные заказы...

Но потребительский спрос во много раз опережает возможности фабрики. Старые корпуса ее покрылись седым налетом: они заложены еще частным владельцем Шредером. Нынешний ведомственный хозяин фабрики — Министерство местной промышленности РСФСР — не балует производство капиталовложениями. За последнее десятилетие сюда не было вложено ни одного кирпича. Оборудование тоже не обновляется. Расти вширь фабрике некуда: со всех сторон она зажата жилыми домами... В цехах ощущается острый недостаток умелых рабочих рук. Мастеров щипкового инструмента не готовят ни в одном училище...

Многие проблемы ждут здесь своего решения. И, можно сказать, что головная, ведущая фабрика имени Луначарского заслуживает более чуткого отношения к себе, более пристального внимания... Правда, сейчас набирают силы Куйбышевская фабрика на Волге и Шиховская под Москвой: в их планах на 1970 год — 170 тысяч гитар... В цехах Ленинградской фабрики я встретил рабочих и из Иванова: они приехали поучиться у «стариков», чтобы организовать у себя гитарное производство...

Все это хорошо, конечно! Да дело-то это совсем не простое!.. Достаточно сказать, что технологический цикл изготовления гитары длится в общей сложности 28 дней. Почти месяц рождается изделие. И, наверное, потребуется еще немало усилий, пока молодые предприятия наберут нужные темпы, обретут опыт, солидность и завоюют признание у любителей музыки.

— Мы работаем в условиях местной промышленности Российской Федерации. А от нас хотят, чтобы мы удовлетворяли спрос всей страны на наши изделия!..— говорит А. П. Колупаев, начальник главка по производству народных инструментов.— Почему бы на базе своих ресурсов не создать свою фабрику белорусам?.. Мы им даем 20 тысяч гитар, и все равно это их не устраивает! Украина требует десятки тысяч гитар. А Закавказье, а Средняя Азия!.. Все это наши потребители, и мы невольно обижаем их отказами...

Возможно, в будущем и белорусы, и казахи, и грузины, используя

свои местные возможности, откроют такие фабрики или создадут цехи в кооперации с другими республиками...

Однако молодежи нужна гитара не в будущем.

Может быть, стоило бы более пристально изучить всю обширную номенклатуру выпускаемых изделий и за счет сокращения менее «ходовых» инструментов оперативно перестроить производство, увеличив план выпуска гитар...

Ничто не вечно. Даже сверхпрочные стали и те устают, изнашиваются. А тем более тончайшая струна-певунья... Она может оборваться, умолкнув на полуслове, на любом аккорде, в самое неожиданное и неподходящее время.

Но где взять новую струну?.. И вот вам новая проблема!.. Купить в магазине ее столь же нелегко, как и гитару.

Было время, когда та же фабрика имени Луначарского поставляла в торговую сеть струны комплектно, в маленьких бумажных пакетиках. Первая струна рвется чаще, поэтому клали три первых струны в пакетик, вторую и третью — по две...

Такая продажа устраивала всех. Но однажды все вдруг нарушилось. В цехе некому стало расфасовывать струны: нет рабочих. Роскультторг заволновался; стали думать и гадать: как быть? Согласились временно, в виде исключения разрешить фабрике укладывать струны в разрозненном виде: по 50—100 штук в коробке... Покупателю же сто штук ведь ни к чему! Продавцам тоже мало радости возиться с большими коробками: надо струны сортировать, снимать со струн смазку...

Временное решение оказалось недолговечным. Ленкультторг в соответствии с директивой Роскультторга заявил: «Расфасовка струн в разрозненном виде в коробках запрещается. Торговая сеть об этом уведомлена». Тогда на фабрике полностью прекратили выпуск струн в продажу.

У гитаристов теперь надежда на фабрику «Родина» в Люберцах и Московскую экспериментальную фабрику. Но эти предприятия в первую очередь делают струны, конечно, для гитар, значащихся в программе выпуска, ну, а затем уж и в продажу. Однако и здесь произошли непредвиденные случайности, роковым образом отозвавшиеся на наличии струн в магазинах. Роскультторг опротестовал фирменную этикетку. Опротестовал потому, что на ней были обозначены раздельные цены: струны стоят три копейки, целлофановый пакетик, куда струны вложены,— две копейки. «Оставьте ту же цену: пять копеек,— сказали в Роскультторге,— только не расшифровывайте, что сколько стоит».

Изготовитель-поставщик сдался и перешел на новую упаковку струн. А как же быть с теми струнами, которые вложены в злосчастные полиэтиленовые пакетики?.. Ведь в них, как нам сообщили в главке, вложено ни мало ни много — один миллион струн!.. Роскультторг их не берет, а перекладка в новую «тару» обойдется дороже стоимости самих изделий... Спрашивается: кто покроет убытки?!.

Так и лежит один миллион струн на складах в ожидании своей участи...

— В конце концов мы найдем выход,— утвердительно говорит тов. Колупаев.

Может быть...

А тем временем нетерпеливые гитаристы пытаются наигрывать мелодии без лопнувшей струны.

Как-то белой ленинградской ночью, когда сам воздух, кажется, напоен поэзией, донесся до моего слуха гитарный напев.

Десять парней, окружив своего вихрастого друга, сидевшего с гитарой, напевали на каком-то ломаном языке крикливый, с надрывом мотив...

Я подошел, познакомился. В центре внимания был Валерий Коротков, десятиклассник.

— Что поете?..

— Разучил с пластинки у одного моряка,— ответил мне парень и, не дожидаясь моих дальнейших расспросов, сердито, даже дерзко сказал: — А вы можете предложить что-нибудь другое?.. Был я в магазине «Рапсодия». Ничего не мог выбрать!..

— Так уж совсем ничего?..

— Нет, почему же? Там есть самоучители, есть песни далекой давности. А вот новых, популярных нет, не обнаружил!..

Я умолчал о своем собственном, недавнем посещении «Рапсодии».

Нельзя сказать, что «Музгиз» вовсе обходит гитару. Издательством выпущены книги: «Альбом гитар», «Школа игры на шести- и семиструнной», «Первые шаги гитариста»... Все это издано солидно, академично, объемно. Ну и цена, конечно, вполне соответствует такой солидности. Злободневной же, современной популярной песни, напечатанной в виде буклета, который бы стоил недорого, я тоже не обнаружил...

Мы иногда склонны упрекать подростков в том, что, дескать, они увлекаются чуждой для них музыкой, вульгарной песней... Но далеко не все делаем для того, чтобы влиять на вкусы молодежи, помогать ей в выборе хороших произведений.

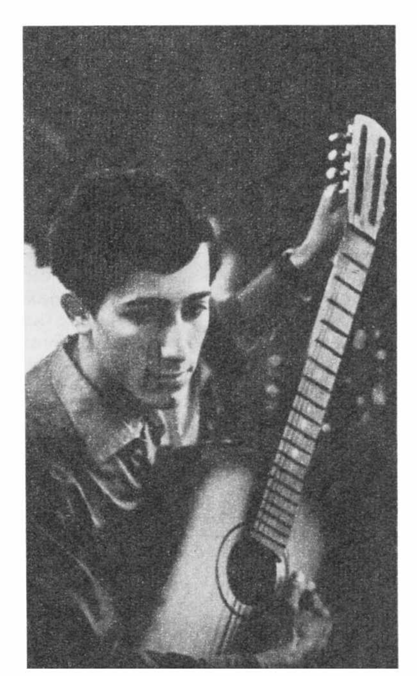
В классах гитары при ленинградских дворцах и домах культуры занимается свыше тысячи человек. С каждым годом поступать в эти классы становится все труднее. Педагогов не хватает.

Для самодеятельности же кадры гитаристов вообще нигде не готовятся.

Но несмотря на все преграды, гитара все шире шагает по городам и селам страны! Молодежь полюбила гитару. И не надо разбивать эту любовь...

Настройщик гитар Андрей Кириллов.

Фото Н. Ананьева.

СКАЗКИ ЗАПАДНОЙ

Судан

НЕНАСЫТНЫЙ АНСИГЕ КАРАМБА

В далекой стране, что лежит между Сенегалом и Гамбией, жил в деревне Маку человек по имени Ансиге Карамба.

От отца ему досталось большое наследство, и Ансиге слыл богачом, а был он жаден, скуп и невероятный обжора.

У него была жена Паама, множество слуг и рабов. Всем доставалось от него. Пааме он постоянно жаловался.

— Ты плохо меня кормишь,— говорил он сердито.— И не заботишься обо мне так, как жена должна заботиться о своем муже.

Он всегда был не в духе. Ему казалось, что его слуги и рабы едят слишком много да еще и обворовывают хозяина. А на самом деле еды доставалось им очень мало, потому что Ансиге прятал свои припасы так старательно, что никому не удавалось у него чем-нибудь поживиться.

Жители деревни Маку считали Ансиге самым несносным человеком на свете.

Он так оскорблял Пааму постоянным ворчанием и упреками, что и ей стало невмоготу жить с ним. И однажды она подошла к нему и сказала:

— Пойду я навестить отца. Должно быть, родные обо мне соскучились.

Собрала Паама свои пожитки и ушла из Маку к себе в деревню. Ансиге стало совсем плохо. Он сделался раздражительней и чувствовал себя еще более несчастным. Еду готовили ему теперь слуги, и если раньше, до ухода Паамы, его кормили вкусно, то теперь еда стала хуже и с каждым днем ее становилось все меньше.

Чем больше он жаловался слугам и рабам, тем хуже ему жилось: им надоела его жадность и обжорство.

Много воды утекло с тех пор, как ушла Паама, и вот как-то утром он признался самому себе:

— Жизнь моя незавидная. Я вынужден платить неблагодарным слугам баснословную цену только за то, что они готовят мне еду, а у них одна забота: обмануть меня да накормить похуже. Как бы мне не помереть с голоду. Надо пойти за Паамой и привести ее домой.

И он отправился в деревню, где жили родители Паамы.

Отец Паамы встретил его приветливо и по законам гостеприимства подарил ему козленка.

У Ансиге даже слюнки потекли. Забыв про все на свете, он схватил козленка, побежал с ним в поле, зарезал его и развел костер, чтобы сварить мясо. При этом он страшно спешил. Он боялся, вдруг кто-нибудь явится, и тогда придется делить еду на двоих. Не дождавшись, пока мясо сварится, он начал жадно глотать кусок за куском.

Он ел, ел и ел. И вскоре от козленка не осталось и помина.

Но Ансиге все еще не наелся. Увидев большую овцу, которая паслась в поле, он поймал ее, зарезал и принес к своему костру.

А между тем прошло немало времени с тех пор, как он ушел из деревни, и Паама стала беспокоиться, где он и что с ним.

— Я своего муженька знаю,— сказала Паама.— Пойду посмотрю, что с ним приключилось из-за его обжорства.

Паама пошла в поле и увидела Ансиге, который собирался свежевать овцу.

— Что такое? — спросила Паама.— Отец дал тебе козленка, а это овца. Она принадлежит вождю племени!

— Как будто ты меня не знаешь! — сердито ответил ей Ансиге.— Козленка, что дал мне твой отец, я уже съел, но не наелся. Я увидел овцу и решил ее тоже съесть.

— Какое несчастье! — воскликнула Паама.— Вождь не простит этого. Но я попытаюсь помочь тебе.

Паама велела Ансиге отнести зарезанную овцу туда, где был привязан необъезженный конь вождя племени, и положить ее в ноги коню. Потом оба вернулись в деревню. Паама сказала вождю, что они видели овцу, лежащую рядом с диким конем, что этот конь будто бы лягнул овцу и убил ее.

Вождь сейчас же послал слугу посмотреть, что случилось, и тот, вернувшись, сказал вождю:

— Да, это правда. Овцу, наверно, убила лошадь. Такое несчастье!

На другой день Паама и говорит отцу:

— Ведь я знаю, что Ансиге пришел из Маку страшно голодный. Как бы накормить его досыта?

— А почему тебе не поджарить ему молодые початки маиса? — посоветовал отец.— Это сытная еда.

Паама пошла в поле и набрала большую корзину маисовых початков. Очень большую корзину! Хватило бы на двадцать человек.

Поджарив початки, она подала их мужу. Ансиге съел все без остатка! Но все-таки не наелся. Только аппетит раздразнил. Захотелось еще!

Он сам пошел в поле и стал обрывать початки. К вечеру Ансиге собрал столько маисовых початков, что еле взвалил их на спину.

Быстро темнело, и ему нелегко было найти дорогу в деревню. Наконец он выбрался на тропу.

АФРИКИ

Темно. Только вдали маячили огоньки деревни. Ансиге решил идти к ним напрямик. Но путь лежал как раз через то место, где недавно был вырыт колодец, и Ансиге в темноте упал в него вместе со всей своей ношей.

А Паама меж тем размышляла:

— Я своего муженька хорошо знаю. Пойду-ка лучше взгляну, что с ним случилось, в какую беду попал он опять из-за своего ненасытного желудка.

И, взяв факел, она пошла искать мужа.

Подойдя к колодцу, Паама услыхала крики Ансиге: он звал на помощь.

Она заглянула в колодец, осветив его факелом, и увидела на дне Ансиге, а вокруг него плавали початки маиса.

— Что ты там делаешь? — спросила Паама.

— Не притворяйся, ты же меня знаешь! — закричал Ансиге.— Я искал чего-нибудь поесть. Все только одного хотят: уморить меня голодом. Лучше помоги мне выбраться отсюда!

— Опять беда! Кому это понравится, что ты воруешь зерно?! Но не волнуйся, я тебя вызволю.

Она побежала на пастбище, где паслись коровы, и согнала их всех на маисовое поле, где так потрудился Ансиге.

И когда коровы начали щипать то, что осталось после Ансиге, Паама подняла крик. Из деревни прибежали люди.

— Что случилось? — спросили они Пааму.

— Большое несчастье! — отвечала Паама.— Мой муж гулял в поле и увидел, что коровы топчут маис. Он разогнал коров и собрал упавшие на землю початки. Но ведь он нездешний и совсем не знает дороги, пошел наугад да и упал в колодец.

— Ну, не беда! — утешали ее соседи.— Ничего, мы его вытащим.

Они прогнали с поля коров, принесли фонари, веревки и вытащили Ансиге из колодца.

Он тут же пустился бегом к дому Паамы, чтобы поскорей пообедать.

На другой день отец сказал Пааме:

— Сегодня приготовь своему мужу что-нибудь повкуснее. Приготовь самое любимое его блюдо!

— Я приготовлю ему клецки из проса,— сказала Паама.

Она насыпала проса в деревянную ступку и стала толочь его; толкла и растирала до тех пор, пока все до последнего зернышка не превратилось в муку, а Ансиге тем временем сидел и голодными глазами следил за ее руками. Четыре раза насыпала она зерно в ступку и намолола целую гору муки. Потом она смешала муку с водой и приготовила клецки, а когда клецки были готовы, понесла их Ансиге.

Этими клецками можно было накормить двадцать человек! Но Ансиге съел все один. И когда последняя мучная пылинка была им слизана, он стал горящими от жадности глазами смотреть на ступку.

— Может быть, там осталось еще немножко? — сказал Ансиге.

Он подошел к ступке, заглянул в нее и увидел, что стенки припорошены мукой. Ансиге засунул голову в ступку, чтобы слизать языком муку, и увидел, что на донышке тоже осталось еще немного.

Ансиге подальше засунул голову в ступку, стараясь достать языком муку. Но когда он попытался вытащить голову обратно, ничего не получилось. Ступка крепко держала его.

А в это время Паама подумала:

— Я знаю своего муженька. Пойду-ка посмотрю, что с ним стряслось. Не попал ли он из-за своего обжорства в беду?

Найдя мужа во дворе и увидев его в столь странном положении, Паама воскликнула:

— Что с тобой случилось?

— Нечего стоять и расспрашивать, что со мной случилось,— сердито сказал Ансиге. Голос его звучал сдавленно и глухо.— Я хотел слизать муку на стенках. Теперь я крепко застрял. Придумай же что-нибудь!

— Хорошо, хорошо,— сказала Паама.— Я тебя выручу.

И она стала звать на помощь. Сбежались люди, стали спрашивать, в чем дело.

— Ах, какое несчастье, какое несчастье! — повторяла Паама.— И во всем я сама виновата. Я сказала мужу, что у него слишком голова велика, а он говорит: нет, совсем невелика. Я сказала, что его голова не влезет в ступку, а он стал спорить и сунул голову в ступку, да и застрял. Во всем виновата я одна!

— Ну, ничего, ничего,— смеясь, утешали ее соседи.— Беда не так уж велика!

Они не могли удержаться от смеха при виде Ансиге.

— А ведь твоя правда,— говорили соседи Пааме.— Голова-то у него и верно велика.

Потом принесли топор, раскололи ступку и освободили Ансиге.

Вся деревня над ним потешалась. А он так рассердился, что, собрав поскорее все свои пожитки, пустился в обратный путь, в деревню Маку.

Когда Ансиге вернулся домой, он вдруг вспомнил, что, увлекшись едой, позабыл сказать Пааме, чтобы она вернулась вместе с ним. И послал за нею слугу. Но Паама велела слуге передать мужу такие слова:

— Не притворяйся, ведь я тебя знаю.

Либерия

ПОЧЕМУ У ЛЯГУШКИ ПЛОСКИЕ ЛАПЫ

У лягушки была большая ферма. Пришла пора расчищать землю для посева и сеять. Лягушка пошла в деревню к людям за помощью, потому что одной ей было не справиться. А так уж было заведено: жители деревни во время посева и жатвы всегда помогали друг другу.

Помогать лягушке пришли все. А когда они расчистили и вскопали землю, она накормила их и поблагодарила за помощь.

Наконец работники стали расходиться. Помощников было так много, что цепочка их растянулась на несколько миль.

— Чем еще отблагодарить этих людей за их доброту? — подумала лягушка и решила: — Я знаю чем! Я пожму руку каждому, кто мне помогал.

Поскакала лягушка вслед за людьми, обогнала всю цепочку и стала их дожидаться.

Когда подошел первый из ее помощников, лягушка крепко пожала ему руку и закричала:

— Вот спасибо! Спасибо тебе!

С теми же словами она пожала руку и второму.

— О, спасибо! Спасибо тебе!

Пожала руку и третьему, воскликнула:

— Спасибо тебе! Спасибо!

Среди работников были и силачи: они очень крепко жали лягушкины лапы.

После этого лапы у лягушки разболелись и совсем сплющились. Решила лягушка пойти к богу неба — Ньяме и пожаловаться ему на свою беду.

Бог выслушал лягушку, посмотрел на ее опухшие лапы и сказал:

— Ты перестаралась. В будущем, когда захочешь поблагодарить такое множество людей, пошли в деревню гонца, и он передаст всем твою благодарность.

Лягушка ушла. А лапы у нее с тех пор так и остались плоскими.

ЁНДЕ ИДЕТ В ГОРОД

В стране Аким, вдали от побережья, жил-был человек по имени Ёнде. Это был простой человек. Никогда он не бывал далеко от дома: день-деньской работал в поле или ходил на охоту в лес, как и другие жители деревни. Часто ему приходилось слышать о большом городе Аккра, что раскинулся на берегу океана, о диковинках, которые можно там видеть, но сам он ничего этого не знал, потому что никогда не бывал дальше речки, на берегу которой стояла его родная деревня.

И вот однажды Ёнде решил пойти в Аккру. Оделся он в лучшее платье, заткнул за пояс охотничий нож, завернул немного еды на дорогу в узелок и, положив его на голову, отправился в путь.

Много дней шел Ёнде в Аккру по пыльной, жаркой дороге.

Наконец он вышел за пределы своей страны. Здесь люди уже не говорили на его родном языке — языке Аким.

Все ближе и ближе подходил он к Аккре. Навстречу ему попадались люди, ослы — все они шли из города. Такого множества людей он никогда в жизни не видел.

На обочине дороги паслось стадо коров. Ёнде никогда еще не доводилось видеть столько коров. Он остановился и с удивлением стал смотреть на них.

Увидел он маленького пастушонка, подошел к нему и спросил:

— Кто же хозяин этого большого стада?

Но мальчик не понял, что сказал Ёнде, потому что говорил Ёнде на своем родном языке Аким, а в Аккре говорят на языке Гах и ответил: «Мину», что означало «Не понимаю».

«Как богат, должно быть, этот Мину, если у него столько коров!» — подумал Ёнде и продолжал свой путь в город, не переставая удивляться всему, что попадалось ему по дороге. Так подошел он к большому дому и остановился, чтобы получше рассмотреть его. Дом был очень высок и построен из камня. Ёнде покачал головой. Там, где он жил, ничего подобного он никогда не видел.

Мимо него прошла на базар женщина, и Ёнде спросил ее:

— Наверное, здесь живет богач? Чей это дом?

Женщина не поняла слов Ёнде, потому что она знала только язык Гах, и ответила:

— Мину.

— Мину? Опять Мину!

Ёнде был поражен. В стране Аким не было таких богатых, как Мину.

Все дальше и дальше шел Ёнде по городу, и перед его взором появлялись все новые и новые чудеса. Так он пришел на базар. Базар был такой большой, что в нем легко уместилась бы вся деревня Ёнде. В самом центре базара он увидел женщин, продававших чугунные котелки и железные ложки — большая редкость в его деревне.

— Откуда все это? — спросил Ёнде маленькую девочку. Она улыбнулась ему и ответила:

— Мину.

— У Ёнде язык отнялся. Все принадлежало этому Мину. Мину был повсюду.

На базаре толпилось много людей. Они суетились, толкали друг друга, день был базарный, и каждый хотел что-то продать или купить.

Ёнде никогда не видел такого множества людей в одном месте. Все, что ему доводилось слышать об Аккре, не могло и сравниться с тем, что он увидел. Ёнде остановил старика, державшего под мышкой барабан, и сказал:

— Как много людей собралось здесь! Кто же заставил их всех прийти в Аккру?

— Мину,— сказал старик.

Ёнде был поражен.

— Какое влиятельное лицо этот Мину! Целые толпы собрались здесь только потому, что этого захотел Мину. А жители нашей деревни — какие же мы невежды! — даже никогда и не слыхали об этом великом человеке.

Покинув базар, Ёнде направился к берегу океана. Легкие парусные лодки стояли на причале у берега. Ёнде видел такие лодки впервые. А их было такое множество!

— Ах! Кому же принадлежат все эти лодки? — спросил он рыбака, стоящего на берегу.

— Мину,— ответил рыбак.

Ёнде отправился дальше и увидел, как огромное железное судно нагружают пальмовым маслом и плодами. Дым валил черными клубами из труб, и сотни людей суетились на палубах.

— Ах! — сказал Ёнде человеку, который нес на голове связку бананов.— Это, должно быть, самое большое судно во всем мире!

— Мину,— ответил человек.

— Да я уж сам догадался,— сказал Ёнде.— Но для кого все эти фрукты?

— Мину,— сказал человек, поднимаясь на палубу.

И снова изумлению Ёнде не было предела. Да, Мину поистине великий человек! И еда вся для него. Он съедает все. О чем бы ты ни спросил, все отвечают: Мину.

Мину здесь, Мину там, Мину повсюду.

— Я бы никогда не поверил, если б не увидел все это сам,— сказал Ёнде.— Они должны бы назвать Аккру городом Мину. Как чудесно было бы владеть таким сказочным богатством, как Мину!

Он уже подходил к окраине города, как вдруг услышал барабанный бой и увидел большую похоронную процессию. Мужчины несли гроб, а женщины причитали по покойнике.

Таких пышных похорон Ёнде еще никогда не видал. Он протолкался сквозь толпу и спросил у одного из участников траурной процессии:

— Кто же это умер?

И тот печально ответил:

— Мину.

— Что?! Великий Мину умер?! — воскликнул Ёнде.— Человек, которому принадлежит и большое стадо коров, и огромный дом, и парусные лодки, и железный пароход? Человек, по желанию которого целая толпа народа наводнила базар? Этому нельзя поверить. О бедный Мину! Не помогло ему все его богатство — он умер! Умер, как самый простой человек.

Ёнде продолжал свой путь. Он шел и думал о печальной участи Мину.

— Бедный, бедный Мину! — повторял он вновь и вновь.— Бедный Мину!

«Ввиду того, что СССР граничит с Азией, он особо подвержен риску импортирования холеры... Службы здравоохранения в СССР прекрасно оснащены для борьбы с настоящей эпидемической вспышкой...»

(Из коммюнике Всемирной организации здравоохранения. Август 1970 года.)

К. БАРЫКИН

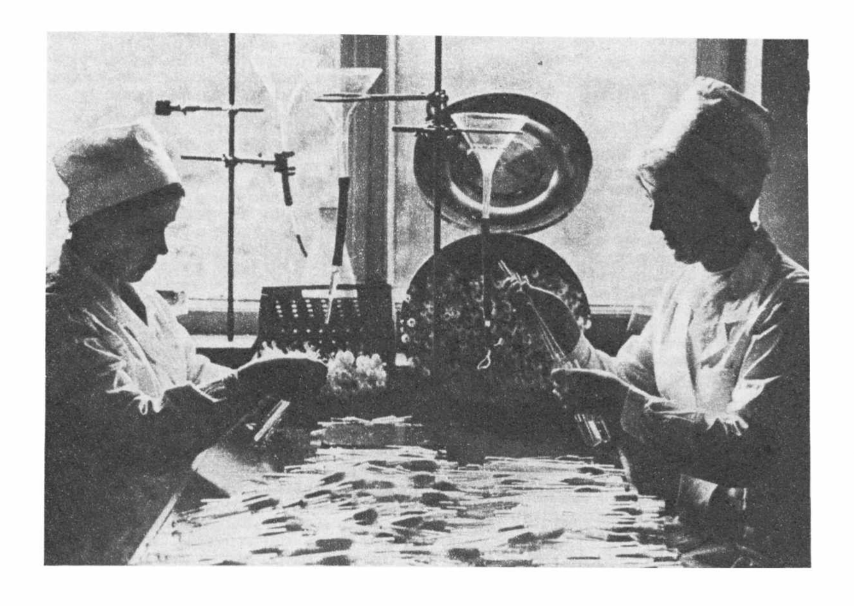
Фото К. КАСПИЕВА.

ЗАСЛОН НА ПУТИ ЭЛЬ-ТОРА

Пассажиров самолета первыми встречают медики: врач Клавдия Васильевна Кирпичникова (слева) и фельдшер Валентина Григорьевна Карасева.

Этот снимок сделан в бактериологической лаборатории Московской городской санитарно-эпидемиологической станции. Здесь готовят питательные среды для выделения микробов Эль-Тора.

Эта болезнь коварна. Даже не сама болезнь: настигнутая своевременно, она вылечивается бесследно. Коварен вибрион. Он подбирается втихомолку, проскальзывает сквозь кордоны и еще несколько дней таится, вызревает. Граница никогда не была заслоном перед холерой. Особенно после того, как перемещение из страны в страну стало занимать короткие часы, особенно после того, как холера сменила «оружие» — место бурного, быстро вспыхивающего, почти сразу заметного, известного медицине под названием «классического» занял скрытный, внешне тихий вибрион Эль-Тор. Опасность его тем более велика, что у него смазанные, чуть приметные первоначальные симптомы. Этот ловко маскирующийся вибрион почти отовсюду вытеснил возбудителя классической холеры и пошел по странам, а затем и по континентам.

В февральском номере «Хроники» Всемирной организации здравоохранения сотрудники отделения бактериологических заболеваний отдела инфекционных болезней ВОЗ отмечают, что «в течение последних 7 лет болезнь (холера — К. Б.) распространилась в пандемической форме на восток (от островов Индонезии.— К. Б.), захватив Южную Корею, Филиппины, Западный Иран и Новую Гвинею, и на запад — в Иран и Ирак». Парижское издание «Интернэшнл геральд трибюн» констатирует: «...по мнению эпидемиологов, случаи заболевания холерой, имеющие место и в Советском Союзе, являются частью пандемии, начавшейся на острове Целебес в Индонезии в 1935 году. Это седьмая из зарегистрированных пандемий со времени вспышки холеры в Индии в 1817 году».

Комментировать эти сообщения нет надобности.

...По первому «холерному звонку» в нашей стране сразу же начала действовать мощная машина советского здравоохранения, вступив в битву с Эль-Тором. Без промедления выехали сперва в Астрахань, а потом в Керчь и Одессу видные советские медики, организаторы здравоохранения.

...А сейчас, когда я пришел к члену коллегии Минздрава страны, начальнику Главного санитарно-эпидемиологического управления Александру Варламовичу Павлову, уже можно было побеседовать с ним обстоятельно, ознакомиться со многими документами, встретиться с теми, кто принимал непосредственное участие в подавлении холерных вспышек.

— Как только стало известно, что в Астрахань, Керчь и Одессу прорвалась холера, в эти города вылетели руководящие работники Министерства здравоохранения и крупные ученые. Поехали не с пустыми руками. Повезли с собой методику комплексной терапии, которая вкупе с другими эффективными мерами и обеспечила практически стопроцентное выздоровление заболевших. Коварство холерного вибриона не позволяет успокаиваться и после того, как очаг «залит», потушен. Надо ждать — не пассивно, а работая, изучая обстановку, выявляя то, что может способствовать развитию болезни. Самоотверженно трудились и местные врачи. Работали много, не считаясь со временем. А у маститых ученых появилась возможность присмотреться к своим молодым коллегам, выделить лучших; некоторые из них получили предложение: «Поступайте в аспирантуру...»

— Претенденты уже успели прямо там, в Одессе, сдать экзамены, и сейчас подготовлены документы об их зачислении в заочную аспирантуру,— говорит директор центрального эпидемиологического института профессор А. А. Сумароков.

...Меня знакомят с телеграммами, пришедшими за последние часы из Астрахани, Керчи и Одессы. Общий тон сообщений — спокойствие, деловитость.

— Но если хотите получить последние, как говорится, сиюминутные сведения, позвоните в любой из этих городов,— предлагает А. В. Павлов.

Прямой провод соединяет главк с Одессой, Астраханью и Керчью. Поднимаю трубку.

«Одесса слушает! — ответил дежурный городской санэпидстанции. И после моих вопросов продолжал: — Сегодня суббота, город отдыхает. Погода хорошая — на улице полно народу, одесситки щеголяют в нарядах ранней осени... К тому же начался театральный сезон, а одесситы всегда были театралами. В Академическом идет «Щелкунчик»; аншлаг в Русском драматическом. В летнем театре городского сада выступает команда нашего «Клуба веселых и находчивых». Какие еще новости? Помидоры на уровне стандартных сентябрьских цен — 11 копеек килограмм, персики — шестьдесят... Ах, вы не о помидорах? Тогда могу сообщить, что какой-то озорник написал песенку о том, как одесситы победили холеру, песенку «про ту холеру, чтоб взяла ее холера».

— Да, сейчас Одесса живет в обычном ритме,— рассказывает мне только что вернувшийся из этого приморского города начальник отдела особоопасных инфекций Лев Максимович Марчук.— Надо сказать о высокой организованности и четкости, с какой горожане отнеслись к рекомендациям медиков.

Это плюс одесский характер,— улыбается Марчук,— обеспечили быструю ликвидацию вспышки.

— Почему до сих пор держат город на карантине?

— Люди, выздоравливая, часто забывают о болезни. И в общем-то правильно делают... Еще реже помнят о болезни те, кто хотя и общался с больными, но не захворал при этом. Эль-Тор и пользуется такой забывчивостью. Вот тут-то медики и должны проявить терпение, требовательность. Пока все не будет проверено, перепроверено и выяснено, не следует торопиться.

Об этом же говорит и Павлов:

— Собираюсь вместе с товарищами лететь в Керчь, затем заеду в Астрахань. Зачем это сейчас? Вспышки холеры заставили нас еще раз проверить состояние повседневной готовности медиков. И ныне, когда все холерные «протуберанцы», делавшие попытку вырваться из кольца, созданного медиками, практически ликвидированы, необходимо проверить, как идет завершение атаки на Эль-Тор. К тому же пришла пора детально, обстоятельно проанализировать все, что произошло, и с возможно большей четкостью определить пути, которые помогут предотвратить возможность повторения вспышек.

В кабинет начальника управления зашел руководитель аптечного главка М. А. Клюев.

— Раз едете в Керчь, возьмите с собой эти новые препараты,— предложил он.

— Ну что же, несколько флаконов можно захватить. Не помешает, хотя там за последнее время не зарегистрировано ни одного случая заболевания...

Сотрудник управления В. Е. Семенов подтверждает:

— Да, пожалуй, сейчас эти медикаменты уже не пригодятся...

Владимир Евгеньевич час назад прилетел из Керчи и рассказывает о совершенно непредвиденной трудности, с которой столкнулись в этом городе. Когда медики и их помощники-студенты стали вести обходы, выявляя случаи кишечно-желудочных заболеваний, по Керчи пошел слух: «Это врачи проводят учения, тренируются...»

— Нет, товарищи, это не тренировка! — говорили медики.— Есть больные холерой...

Но горожане стояли на своем: «Что вы выдумываете?»

Не без труда убедили: положение серьезное. Сложно это было сделать еще и потому, что единичные случаи заболевания не внесли никаких особых внешних изменений в будничную жизнь города.

— Вы упомянули о слухах. Но ведь чаще они идут в ином направлении, не так, как в Керчи...

В разговор снова включается А. В. Павлов:

— Как говорится, на каждый роток не накинешь платок. Начинаются слухи частенько с авторитетного «сам видел» или столь же «достоверного» — «друг рассказал».

В Московскую городскую санитарно-эпидемиологическую станцию позвонили из весьма солидного института. «Почему нас не проверяете?! В институте — холерный больной!» Срочно проверили это сообщение. Действительно, один сотрудник института болен. Практика такова: даже зная, что ни одного случая заболевания холерой в Москве нет, у каждого больного с желудочным расстройством берется анализ на холерный вибрион.

Через 30 минут у сотрудника института был врач. Еще через 15 минут стало ясно — легкое отравление. Больной и не скрывал: «Вчера откушал грибков сомнительного засола». Большинство сотрудников института, узнав об этом, успокоились. Но кое-кто еще продолжал утверждать: «У нас был больной холерой... Сам его видел».

...В поезде на станции Мытищи так и не проснулся заснувший еще при отъезде из Москвы некий гражданин. «Умер от холеры. Сам видел». А в вагоне — несколько десятков пассажиров. Сообщение это, как снежный ком, обрастало десятками свидетельств «очевидцев». Между тем патологоанатомы дали заключение: смерть наступила от летальной дозы спиртного. Потом и дружки умершего подтвердили: «Выпил около двух литров водки и еще что-то пил».

Случаи заболевания холерой, как известно, были зарегистрированы в трех южных городах. Но буквально повсюду органы здравоохранения создали медицинские группы, готовые отразить любой натиск с любого направления.

— Вернее, не допустить этот натиск,— уточняют в Московской городской санитарно-эпидемиологической станции.— Наши сотрудники и их помощники поставили заслоны в аэропортах, на вокзалах, вышли на шоссейные дороги. Едешь или летишь из Астрахани, Одессы или Керчи,— будь добр представиться. Проверяются и автомашины. Если кто проехал транзитом через Москву из той же Астрахани, опережая его, идет телефонограмма: «К вам проследовал гражданин Н. из города, где были случаи заболевания холерой... Примите под наблюдение».

Врачи начеку!

Рассказ старого камского капитана Ивана Петровича СИБИРЯКОВА, записанный нашими специальными корреспондентами О. КУПРИНЫМ и Д. УХТОМСКИМ.

Катер подошел к маленькой камской пристани. Невысокий пожилой человек принял швартовы, поправил трап и отошел в сторонку улыбающийся и очень, видно, чем-то довольный. «Кто он?» — спросили мы. «Матрос,— был ответ.— А вообще-то он старый камский капитан. Весельчак, балагур. Вы его попросите про реку рассказать». Вот такая это была случайная встреча и случайный разговор на пристани Слудка.

Когда про реку рассказывают, то говорят: артерия. Верно говорят. Но река не только артерия. Для нашего брата-речника она и книга историческая, и газета самая свежая, и рабочее место — словом, вся наша жизнь в ней.

На пароходы пришел я мальчишкой в 1906 году. Как матросом стал, так это целая история.

Село наше Слудка испокон веку считается родиной капитанов. Наделы земельные до революции тут маленькие были, не прокормиться землей. На реку и шли. Только очень трудно было на пароход определиться. Флот маленький, а голодных куда как много. Чтобы матросом стать, надо было капитана умаслить. Тут каждый сам себе ломал голову, как услужить. Холкина Ивана Федоровича знаете? Он тоже нынче пенсионер. Так его отец — он портным был — шкиперу одному бесплатно пальто сшил, чтобы тот взял сына в матросы. А я две зимы капитану одному из нашей же Слудки двор от снега чистил и всякую мелкую услугу оказывал, так и заработал себе право стать речником.

Как только гражданская война началась, я ушел в бронефлотилию Первой Чрезвычайной комиссии. На Мотовилихе бронь на катере нам навешивали. О боях если вспоминать, так очень длинно получится. Я потом у Чапаева служил. Вот ведь как получилось. Пока воевал по разным дальним краям, сюда Колчак нагрянул, флот наш тут спалил. И так-то его было небогато, а после гражданской совсем опустела Кама.

На каких судах я потом плавал, и называть не стану. Списали их давно. На пенсии я уже пятнадцатый год. Раньше, бывало, выхожу вот сюда, на пристань, и все жду своих. Нет-нет да и заглянет в Слудку один из моих корабликов, порадует старика. Постепенно стал я реже видеть своих. Мы стареем, и пароходы тоже. Но при моем здоровье скучно сидеть на пенсии. Вот и пришел на старости лет на пристань матросом работать. Принимаю теперь «Ракеты». До чего ж быстро все меняется! Кораблики нынешние — это ж сказка! По-разному об этом можно рассказывать. Ученые все цифрами могут доказать. А старого речника нынешние наши кораблики очень за душу берут. Вспомнишь старое да глянешь на теперешнюю реку — и сразу видно, как широко мы шагнули вперед.

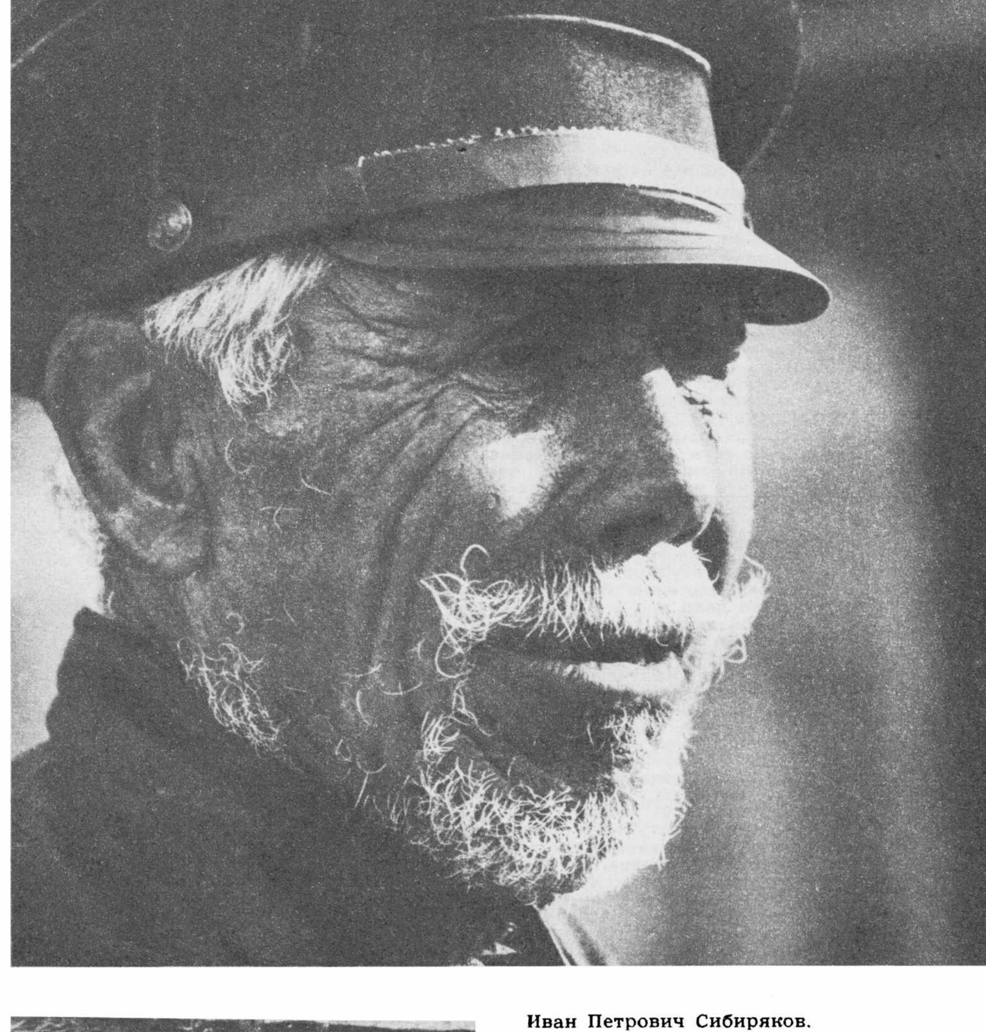
Из Перми грузов с каждым годом все больше отправляют — значит, промышленность растет. На Вишеру весной по большой воде какие громадные караваны судов идут, чуть ли не впритирку, один к одному. Богатства там лесные несметные. Про алмазы тамошние слышали? Брильянты из них делают. А провизию, одежду и все прочее речники туда на зиму завозят. Раньше народу там мало жило. Теперь поселки вырастают, как грибы. На речных картах новые острова появились. Нефтяные камни, как в Баку.

Вы, наверное, думаете: любит старик похвалиться. И то правда — люблю. Почему не порадоваться, если причин для радости хватает? Только не одной радостью жизнь полна. И для печали причины тоже, к сожалению, имеются. Гляньте, что справа, что слева от пристани,— весь берег бревнами завален. Теперь из Слудки на лесозаготовки не в лес едут, а на реку идут. Лесосплавщики бревна эти сотнями тысяч теряют. Почитай, все дно Камы древесиной выстлано. А вон, смотрите, топляк плывет. То голову высунет, то нырнет. Речники такой топляк «слесарем» называют. Попадет дубиноголовый «мастеровой» в винт — становись на капитальный ремонт. Так что наш речной барометр не всегда стоит на отметке «ясно».

И еще хочу сказать о нашей профессии. Очень мне обидно, что прошла на нее мода. Всем, видишь ли ты, космический корабль подавай или в худшем случае реактивный самолет. Это, дескать, современно, а все остальное устарело. Неправда это. Техника нынче такая на реку пришла, что без образования ни шагу. Очень нужны реке молодые и умные головы. Вон начальник Лёвшинского порта Анатолий Иванович Шурмин — совсем еще молодой человек, не знаю, сорок лет-то ему есть ли. А капитаны «Ракет» да «Метеоров» все молодые. Все с высшим образованием, конечно. «Метеор» все равно что речной самолет. На «Метеорах» у нас в штате теперь стюардессы будут, горячими завтраками да ужинами кормить собираются. Все как в гражданской авиации. Только у нас еще и красота, природа. Воздух. Здоровье. Я вот за всю жизнь всего один раз болел. И то не болел, а контузило меня в гражданскую, когда у Чапаева на тачанке пулеметчиком воевал. И сейчас в семьдесят восемь годков здоров. Одно знаю: если уеду от реки, то непременно захвораю.

Катер ваш сейчас отходит. Счастливого плавания! О чем-то вам еще расскажет наш камский речной барометр?..

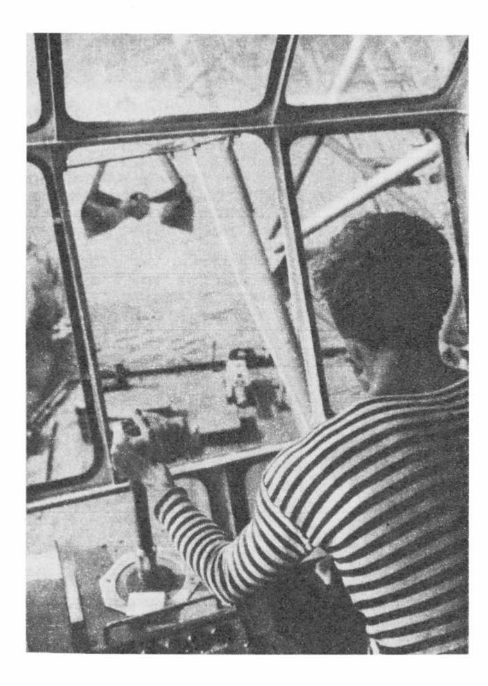
Иван Петрович Сибиряков, матрос пристани Слудка, отдал швартовы, сделал это он лихо и проворно, никак не хотелось верить, что ему, веселому и невероятно подвижному человеку, идет восьмой десяток. Мы долго стояли на палубе и махали ему руками. Вот уже далеко маленькая пристань, от которой отправлялись в первое плавание многие камские капитаны. И уже совсем крошечной кажется фигурка нашего нового знакомого. Навстречу нам и параллельным курсом спешат по реке теплоходы, катера, баржи, медленно плывут километровые плоты. Работает река, работают люди. Мы плывем до следующей пристани, до следующей встречи...

Иван Петрович Сибиряков.

Этих девушек — Людмилу Ракинцеву, Светлану Утробину, Веру Коняеву — и их многочисленных камских коллег капитаны тоже называют «речным барометром». Девушки работают на острове Базов бор. Остров маленький. На нем всего один дом — метеостанция.

Чусовские речники великолепно знают крупнейшие стройки не только на Каме, но и во всем Поволжье. Земмашинами и кранами добывают они отличный гравий со дна реки и отправляют его в десятки адресов.

На Каме теперь уже никто представить не может, как это раньше обходились без «Ракет».

ИМЯ ГЕРОЯ ИЗВЕСТНО

Чекистов-некоммунистов не было и нет. Это одна из существенных особенностей советских органов государственной безопасности, от которых, как говорил Ленин, «требуется решительность, быстрота, а главное — верность». Владимир Ильич видел в чекисте прежде всего надежного коммуниста. «...хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»,— говорил он, подчеркивая тем самым, что чекисты не какая-то особая каста людей, как сочиняют враги Советской власти, а коммунисты, направленные партией на ответственный участок, ибо обеспечение государственной безопасности Советской Родины — всенародное дело.

Такой вывод сделает вдумчивый читатель, с большим интересом прочитав документальную книгу Владимира Кравченко «Под именем Шмидхена» — о подвиге чекистов на заре Советской власти, в тяжелое для Родины время.

Несомненная заслуга В. Кравченко в том, что он, кропотливо изучив и сопоставив очень скупые архивные документы, отражавшие лишь имена заговорщиков, их преступные замыслы и действия, пошел «по еле-еле наметившемуся следу», разыскал несколько оставшихся в живых чекистов-ветеранов и в конце концов точно установил, что прошедший по материалам дела активный сообщник Локкарта, английский агент, подпоручик Шмидхен, почему-то не привлеченный к уголовной ответственности, на самом деле чекист-коммунист Ян Янович Буйкис. Это он вместе с Яном Спрогисом и другими чекистами-коммунистами проверил и подтвердил прозорливое предположение Феликса Дзержинского о сговоре империалистических держав для убийства Владимира Ильича, свержения Советской власти; это он под именем подпоручика Шмидхена проник в самый центр заговорщиков, сыграл решающую роль в раскрытии очень опасного заговора.

Ныне Ян Янович проживает в Москве, в квартире, которую ему помог получить Феликс Эдмундович. И даже близкие друзья Яна Буйкиса не знали о совершенном им подвиге.

«Мы спрашиваем у Яна Яновича, как могло случиться, что он, непосредственный участник исторической операции, сыгравший важную роль в жизни нашего государства, до последнего времени оставался в тени, пребывал в неизвестности. Нет ли в этом и его вины?

Смущаясь, он говорит:

— Сделал то, что сделал бы на моем месте любой чекист, поэтому не считал это какой-то особой заслугой».

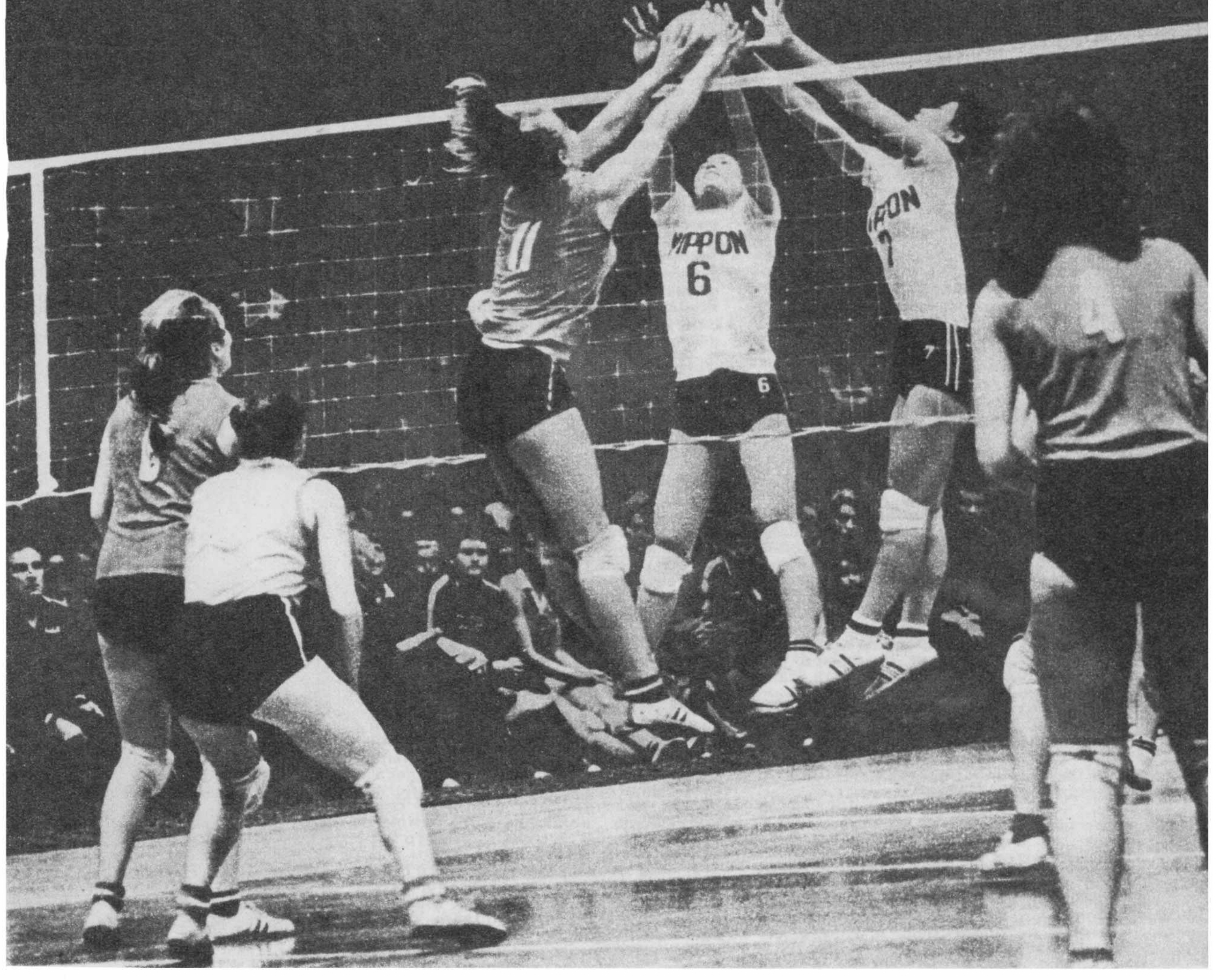
Нельзя не согласиться с В. Кравченко, что «в этой скромности весь Ян Янович». Действительно, в книге это показано убедительно.

Где же Ян Буйкис, человек нового мира, настоящий советский человек, получил закалку? Как он сумел справиться с очень сложным заданием? Эти вопросы сейчас задают ему и молодые и пожилые. Ян Янович, удивительно энергичный не по годам — ему перевалило за 75,— отвечает так, как может ответить подлинный коммунист: «Я сын партии, вступил в ряды ее еще до революции. Партия воспитала меня, научила бороться и побеждать. Я всегда считал, что обязан партии своей жизнью, и делал все возможное, чтобы быть ее верным солдатом».

Немеркнувшему подвигу часовых революции, верных солдат партии и посвящена повесть Владимира Кравченко, подкупающая строгой документальностью. Автор следует прочно утвердившейся в нашем советском обществе традиции: о человеке, совершившем подвиг во имя Родины, должен знать весь народ. Его имя народ сохранит в благодарной памяти навеки!

Полковник С. АНАНЬИН,
почетный сотрудник госбезопасности.

Владимир Кравченко. Под именем Шмидхена. Издательство «Советская Россия», М., 1970.

Вечный спор волейболисток СССР и Японии.

АТАКА И ВДОХ

Борис БАЗУНОВ

Однажды я спросил прославленную Александру Чудину, за что она любит волейбол. Неутомимая труженица спорта 50-х годов и капитан советской волейбольной сборной страны немало озадачила меня, спросив:

— А вы, собственно, о каком волейболе? У нас их два. И, как я понимаю, один похож на другой, как детский педальный автомобиль на «Москвича». Все, что написано о волейболе в энциклопедическом словаре,— истинная правда. И все же волейбол, так сказать, един в двух лицах. Одно дело, когда на площадке сражаются обитатели дачного поселка. Иное дело, когда перед лицом переполненных трибун соперничают команды мастеров. Для одних игра — азартная забава и освежающий отдых. Для других волейбол — и забава и искусство, которое, кстати сказать, стало зрелищем.

И тогда я снова спросил знаменитую спортсменку, какой она любит волейбол больше, но она не смогла разделить свою любовь на две доли. Ибо ее сердце принадлежало игре, которая с самого начала пришлась народу по душе своей размашистостью и удалью, игре, которая не стала привилегией возраста, игре, должно быть, самой доступной среди спортивных увлечений современного человека, игре, дающей безграничную возможность совершенства движений.

Младший брат баскетбола

До сих пор историки спорта спорят о происхождении волейбола. Родословной «крылатого мяча», как порой именуют волейбольный мяч, не знает в точности даже президент Международной федерации волейбола 65-летний парижанин Поль Либо.

Известно, что изобретатели волейбола жили за океаном, в Соединенных Штатах. Говорят, будто это американские пожарники, которые коротали свободное от вахты время, перебрасывая через натянутую веревку камеру баскетбольного мяча.

Кроме этого, так сказать, пожарного, варианта, существует еще одна версия. Если верить ей, то отцом волейбола следует признать жителя города Холиок в штате Массачусетс Вильяма Моргана. Это его в один из дней 1895 года посетила идея приподнять обычную теннисную сетку на высоту примерно двух метров и перекидывать через нее камеру баскетбольного мяча. Вряд ли сознавал Вильям Морган в тот момент, что выпускает из бутылки джина, который со временем покорит стадионы всех континентов.

Крестным отцом новой игры стал доктор Халстед из Спрингфилдского колледжа — того самого, в стенах которого пятью годами раньше Джеймс Нейсмит придумал игру баскетбол. К началу нынешнего столетия энтузиасты новой игры создали кодекс волейбольных правил. Вскоре младший брат баскетбола пересек Атлантику и залетел в Европу. В нашей стране волейбол стал едва ли не самым популярным, наиболее массовым видом спорта. Как правило, со знакомства с ним тысячи юношей и девушек начинали свой путь на стадион. И не случайно на первом же чемпионате мира в 1949 году в Праге золотые медали достались советским спортсменам.

Дебют советских мастеров на мировой арене был ошеломляющим. Специалисты в изумлении разводили руками, увидев, какой ураган атак возникает на площадке, когда на ней появляются шестеро парней в алых майках. Размеренной и изнеженной игре лучших европейских и заокеанских команд наши противопоставили вихревой темп, самоотвержен-

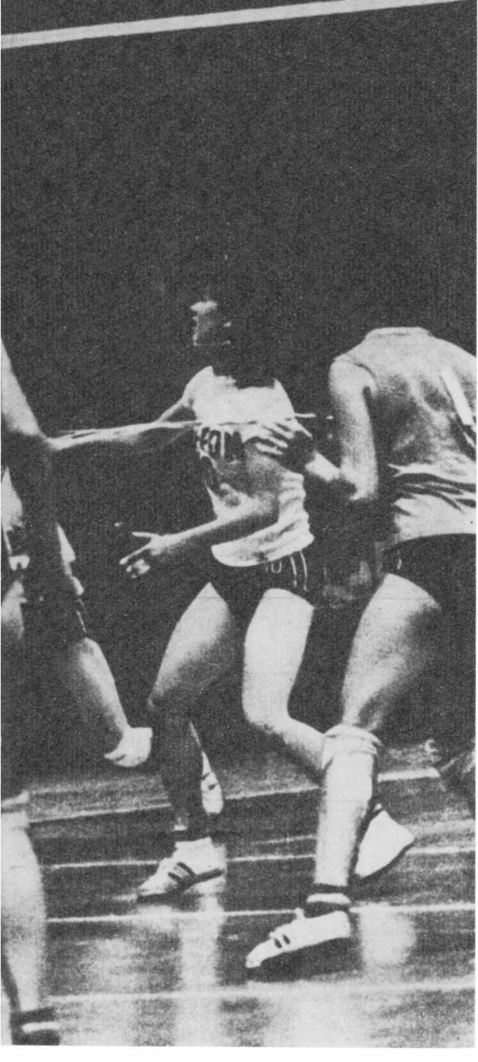

Фото С. Лидова.

НОВЕНИЕ

ность в защите и артистизм владения мячом.

Когда в 1952 году обе советские сборные — мужская и женская — удостоились звания сильнейших в мире, Поль Либо сказал: «Щагин, Ульянов, Чудина сделали для мирового волейбола больше, чем кто-либо до них».

Но прошло время, и спортсмены, доставлявшие нам столько радости своим мастерством и юношеским азартом, покинули сборную. Те, кто пришел им на смену, не удержали титула сильнейших. Поражение сборной в 1956 году заставило тренеров пересмотреть многое, и прежде всего тактику. Оказывается, «старики» играли в комбинационном стиле (то есть скоростном, остроатакующем), о чем они едва ли подозревали, а с их уходом волейбол потерял свою остроту. Лишь возвращение мужской сборной с долгожданной победой с очередного мирового первенства положило конец словесному фехтованию в прессе и на тренерских конференциях о том, какой тактики придерживаться впредь, а после московского чемпионата мира, после олимпиады 1964 года, где дебютировал волейбол, и тень сомнения не легла на тактическую концепцию мужской сборной.

Но вот беда подстерегла наших на турнире 1966 года (команда № 1 — только третья), и специалисты обнаружили, что сборная СССР играет в так называемый рациональный волейбол с его прямолинейными, медлительными атаками. Рациональной тактике были предъявлены обвинения в опреснении волейбола, в том, что тренеры идут назад к «старому» волейболу, достигшему расцвета на рубеже 50-х годов.

Однако так ли плох волейбол нынешний, чтобы отказываться от него вовсе? Да, волейбол потерял немало в динамизме и зрелищности. Да, волейболисты ныне не пасуют мяч, как прежде, а принимают, и не сверху, но снизу, «на манжеты», как скажут французы, «экска́ватором», как скажут чехословаки. А это сказывается на точности и быстроте передач и, следовательно, атак. Медлительная прямолинейность механизировала волейбол, но сделала его более результативным. Наконец, современная игра потребовала высокого роста игроков, создала культ бомбардира.

Я не знаю, каков был бы исход поединка сборной, скажем, 1952 года, с командой образца 1968 года. Сомнительно, чтобы даже электронная вычислительная машина дала ответ на вопрос, приверженцы какого стиля — комбинационного или рационального — взяли бы верх в очной дуэли. Думается только, что бессмысленно тосковать по волейболу прежних лет, сколь замечательным бы он ни был, как нельзя палить из всех критических стволов по волейболу нынешнему. В конце концов нельзя забывать, что именно с рациональным стилем игры связаны замечательные победы советского волейбола 60-х годов.

Укрощение японского тайфуна

Кто-то не без юмора отметил, что жизнь человека делится на два периода — до валидола и после. Мы имеем серьезные основания разделить историю женского волейбола тоже на два периода — дояпонский и послеяпонский.

Целое десятилетие советские волейболистки не знали поражений. На трех чемпионатах мира никто не смог превзойти славную команду Александры Чудиной. И вот на московском первенстве 1962 года непобедимые уступают золотые медали японкам, а затем снова проигрывают им и на Токийской олимпиаде.

Девушки из Страны Восходящего Солнца подавляли всех атаками, которые напоминали разрушительные тихоокеанские тайфуны. Великолепная техника владения мячом, точность передачи, доведенная до автоматизма, абсолютная сыгранность, умение цепко обороняться и мгновенно переходить в нападение, феноменальная работоспособность, искусство (да, искусство!) совершать мизерное количество ошибок — вот что отличило японских волейболисток — учениц служащего трикотажной фирмы «Ничибо», тренера «фирменной» команды Хирофуми Даймацу.

В течение шести лет безуспешно пытались наши девушки разгадать секрет японок. Решение японского ребуса продолжалось долго и без успеха. Команда СССР и ее тренеры не испытывали недостатка в советах. Смысл их был одинаков: играть не хуже, чем японки. Но в пылу споров забывали о главном — о психологической перестройке команды. Ведь когда победы идут радостной чередой, нетрудно оставаться самим собой. Но когда появляется искусный и хладнокровный соперник, нужна полная мобилизация волевых ресурсов.

И незадолго до Мексиканской олимпиады нашелся человек, который отважился сказать: я знаю, как победить японок. Это был Гиви Ахвледиани — ветеран нашего волейбола, чемпион мира 1952 года, наставник победителей первенств мира 1960 и 1962 годов. Он пришел к выводу, что бесполезно искать слабости в игре японок. Рецепт Ахвледиани был прост: надо играть так же хорошо, как это делают соперницы, и сверх того до совершенства отладить механизм атаки и защиты на блоке.

Ахвледиани взял на вооружение концепцию сокрушительного нападения и активной обороны над сеткой. «Атака дает инициативу, уверенность в себе, наконец, очки и, как логическое завершение этого, победу»,— говорил новый тренер своим подопечным.

В главном поединке Мексиканской олимпиады наши девчата заставили потускнеть славу знаменитой «Ничибо». Их атаки подавили возникший было японский тайфун. Если в прошлом на площадке блистала лишь одна бакинка Инна Рыскаль, то в Мехико блистал весь ансамбль. Если прежде наша команда не просто проигрывала, а проигрывала бездарно, то на сей раз она не просто выиграла, а выиграла талантливо. И если когда-то у нашей сборной было слишком много самоуверенности и мало уверенности, то в 1968 году она обрела уверенность, избавившись от самоуверенности.

После того матча, вернувшего советскому женскому волейболу его былую славу, прошло два года. И на очередном первенстве мира в Болгарии снова главный матч будет с японками. Это прекрасно знают и сами спортсменки и их тренер.

О соперницах известно, как всегда, немного. Специалисты утверждают, что нынешняя японская сборная — тень знаменитой «Ничибо», которой, кстати сказать, уже нет, она сменила даже название и именуется теперь «Юнитака». Бывший тренер «кудесниц волейбола» Даймацу, ушедший из спорта и ставший депутатом верхней палаты японского парламента, невысокого мнения о наследницах его команды.

На белом фоне японского национального флага изображен красный круг. Своеобразным сигналом семафора был он в течение нескольких лет на пути советской команды к победе. А как на этот раз?

Возвращение Чеснокова

В разные годы мужскую сборную возглавляли выдающиеся мастера волейбола. На чемпионатах мира и на Олимпийских играх конструкторами первой команды страны были Григорий Берлянд, Анатолий Чинилин, Анатолий Эйнгорн, Гиви Ахвледиани, Юрий Клещев. И вот теперь в этой когорте — новое имя. Недавно стало известно, что нашу волейбольную дружину на чемпионате мира в Софии возглавляет Юрий Чесноков.

Кому из любителей спорта не знаком главный канонир советской сборной прошлых лет? Так что же добавить к этому, что рассказать о высоком, атлетически сложенном волейболисте из прославленного армейского клуба?

Как тренер он весь в будущем. Как игрок он принадлежит недавнему прошлому. Я вспоминаю события из яркой спортивной жизни Чеснокова. На двух чемпионатах мира и на Токийской олимпиаде он был капитаном сборной — основным игроком не по положению, не по званию, а по существу, по велению агрессивного смысла волейбола. Чеснокову всегда поручалась главная исходная позиция четвертого номера — «забойщика» команды.

Я помню Токийскую олимпиаду, на которой был впервые представлен волейбол. Помню игру сборной СССР, которая в сокрушительности нападения превосходила все другие команды. И не случайно нашего лидера атак адъюнкта Военно-инженерной академии имени Куйбышева Юрия Чеснокова карикатуристы изображали этаким бравым канониром, держащим на плече ствол осадного орудия, а в ладони — мячи, подобные ядрам. И верно: тяжесть олимпийского сражения вынесли наши бомбардиры, перед натиском которых не смогли устоять самые прочные оборонительные бастионы. В двадцати пяти выигранных партиях сборная забила невиданно много мячей — четыреста пятнадцать.

Если паролем волейбола 1964 года был атлетизм, то на олимпийской сцене 1968 года паролем стала скорость. А какой игровой позиции будет придерживаться теперь Юрий Чесноков? Той, что позволила ему стать главной фигурой волейбола прежних лет, или той, которая привела наших ребят к повторному олимпийскому успеху, когда капитаном сборной был его друг офицер Георгий Мондзолевский?

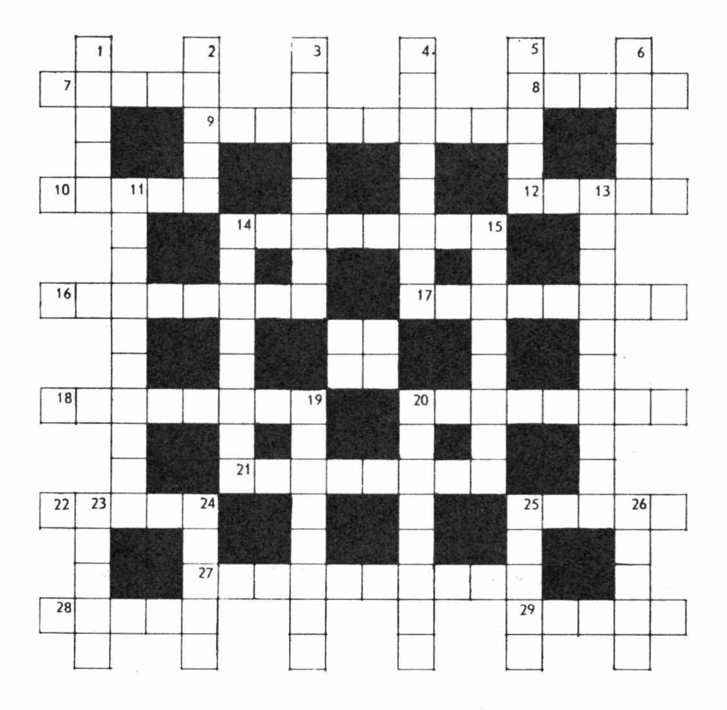
Я полагаю, что у Чеснокова было время подумать об этом. Ведь он покинул сборную накануне печально известного чемпионата мира 1966 года, а вернулся в качестве тренера лишь четыре года спустя. И за это время сделал то, что не осталось не замеченным всеми любителями волейбола: находившуюся в упадке команду ЦСКА привел к победному финишу в первенстве страны.

По словам молодого тренера, он не собирается менять схему игры, которой придерживалась сборная в последнее время. Капитальный ремонт на ходу не имеет смысла. Как и прежде, акцент будет делаться на атаку и блок, чем всегда был силен наш волейбол.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Советский писатель. 8. Цилиндрический сверток. 9. Экс-чемпион мира по шахматам. 10. Сооружение для самолетов. 12. Сосуд для газированной воды. 14. Учреждение связи. 16. Нагорье в Тувинской АССР. 17. Штат США. 18. Советский скульптор. 20. Литературное произведение, по которому ставится фильм. 21. Вид местности с высоты. 22. Нить, применяемая для изготовления тканей. 25. Пушной зверек. 27. Выпускник средней школы, поступающий в высшее учебное заведение. 28. Цветок. 29. Приток Иртыша.

По вертикали: 1. Опера А. Г. Рубинштейна. 2. Часть ходового механизма часов. 3. Приспособление для прыжков. 4. Шаблон. 5. Немецкий композитор XIX века. 6. Движитель ракет и реактивных самолетов. 11. Крупнейший остров земного шара. 13. Порода собак. 14. Астрономический инструмент. 15. Собрание, архив звукозаписей. 19. Графическое украшение в книгах. 20. Промысловая рыба. 23. Народный духовой инструмент. 24. Порт в Японии на острове Хонсю. 25. Вес товара без упаковки. 26. Спортивная лодка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 4. Геометрия. 7. Брынза. 8. Слиток. 9. Полиспаст. 13. Сеттер. 14. Ранчо. 16. Ратмир. 17. Караганда. 18. «Мизантроп». 20. Карачи. 22. «Норма». 23. Овидий. 25. Антоновка. 28. Консул. 29. Мотель. 30. Менделеев.

По вертикали: 1. Коралл. 2. Ренессанс. 3. Фреска. 5. Проект. 6. Корвет. 9. Перкарина. 10. Терракота. 11. Деканат. 12. Линотип. 14. Радон. 15. Осина. 19. Оранжерея. 21. Ацетон. 24. Иловля. 26. Тюлень. 27. Вымпел.

На первой странице обложки: Гармонь, гармонь! Родимая сторонка! Поэзия советских деревень!..

На последней странице обложки: Вечереет...

Фотоэтюды М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

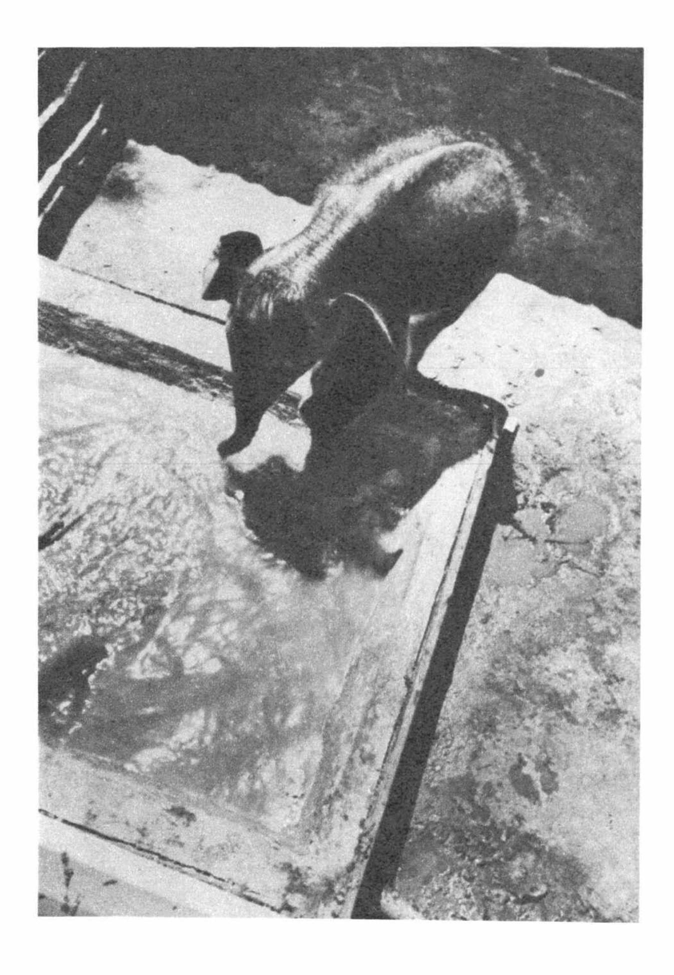
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/IX-70 г. А 00456. Подп. к печ. 15/IX-70 г. Формат бумаги 70 × 108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2016. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2470.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

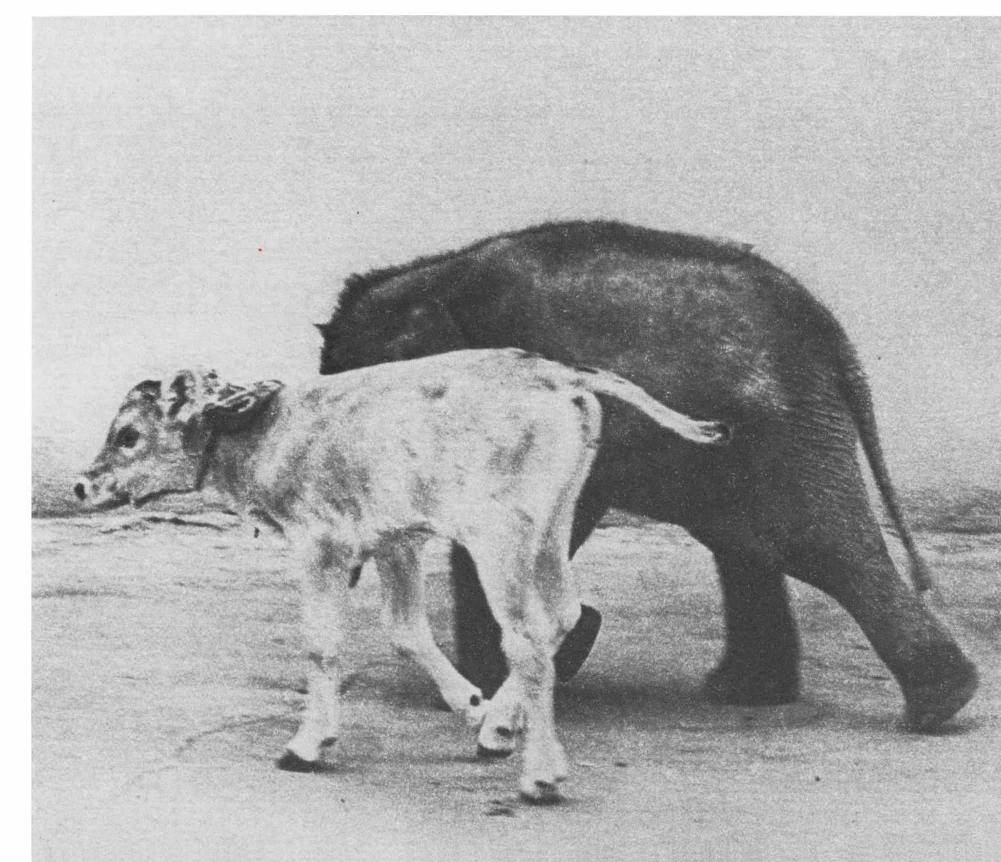
Над Алма-атинским зоопарком прогудел самолет, и слоненок Батыр забеспокоился. Все звери боятся звука самолета. Может, им чудится в шуме моторов таинственный и непонятный подземный гул, после которого земля трясется и уходит из-под ног? Кто знает. Батыру исполнилось всего 40 дней, и он только начинал познавать огромный и разнообразный мир, который его окружал. Свою мать, большую слониху Пальму, он помнил смутно. По отношению к ней у Батыра осталось только чувство страха. Он не понимал, почему Пальма при виде его начинала приходить в бешенство и принимать угрожающие позы. Не понимали этого и люди. Они могли только строить предположения, потому что еще ни одному зоопарку мира не приходилось сталкиваться с подобным случаем. Родителям Батыра, молодым индийским слонам Дубасу и Пальме, исполнилось всего по одиннадцать с половиной лет. Но известно, что слоны достигают половой зрелости гораздо позже, к тому же беременность слонихи длится почти два года. Слоненок родился слабый. Он не мог самостоятельно подняться на ноги, и Пальму это привело в ярость. Она, казалось, вообще сильно удивлялась появлению Батыра, угрожающе поднимала уши, трубила и заносила над головой лежащего слоненка огромную ногу, словно собираясь наступить на него. Пришлось людям встать на его защиту. Слониху перевели в другую клетку. Главный ветеринарный врач Биюк Аббас-Кабир и служители зоопарка поставили слоненка на ноги, насухо вытерли его и осмотрели. Пальма как будто успокоилась, и ее снова соединили с сыном. Батыр пошел к ней, но слониха словно не понимала, зачем он делает это и вообще кто такой. Пальма решительно отказывалась признавать сына. Аббас-Кабир понял тогда, что Пальма просто не готова стать матерью — у нее еще даже не развились молочные железы, и она не смогла бы кормить Батыра. Все-таки решили еще раз соединить семью, и эта третья попытка едва не кончилась трагически. Пальма в ярости схватила Батыра хоботом и отшвырнула метров на пять в угол клетки. Так Батыр оказался сиротой, и отца, и мать, и семью ему заменили люди. На первых порах им было очень трудно. Первые дни кормили его четыре-пять человек. Один кормит, а четверо уговаривают. Кормили его через шланг, который подсоединяли к трехлитровой банке. «Кормилица» Людмила Сажина вкладывала шланг прямо в рот слоненку и придерживала его рукой, а Батыр всасывал молоко, хлопая от удовольствия ушами. Впрочем, если ему казалось, что молоко или отвар недостаточно теплые или в них мало сахару, он бесцеремонно выплевывал шланг и сердито махал хоботом. Батыр становился самостоятельным. Его выводили на прогулку, и он с любопытством осматривал меланхоличных верблюдов, упрямых телят и грустных коров, обследовал хоботом траву, цветы, шершавую кору деревьев. Большой мир во многом казался ему непонятным. Батыру становилось страшно, когда Людмила Сажина вдруг исчезала из виду. Он бросался из стороны в сторону, пронзительно кричал и очень радовался, когда находил ее. Набредя на кучи песка, он хоботом начинал подбрасывать его, осыпая себе спину, затем валился на песок, смешно раскинув ноги. Аббас-Кабир объяснил, что в слоненке заговорил древний инстинкт. В Индии водятся насекомые, которые способны прокусывать кожу слона, и вольные слоны сгоняют их таким вот способом. Здесь подобных насекомых нет, но инстинкт остался. В жаркие дни Батыр полюбил купание. Для этого ему соорудили небольшой бассейн. Сначала одной ногой он осторожно пробует воду и боязливо отдергивает ее — холодная. А может, показалось? Он снова ставит ногу в воду, потом, подумав, другую, влезает весь, полощет по воде хоботом и, наконец, ложится на бок, блаженно хлопая ушами. После купания отряхивается и идет в тень. Теперь у него мертвый час...

Ю. ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА.

Самостоятельный слоненок

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.